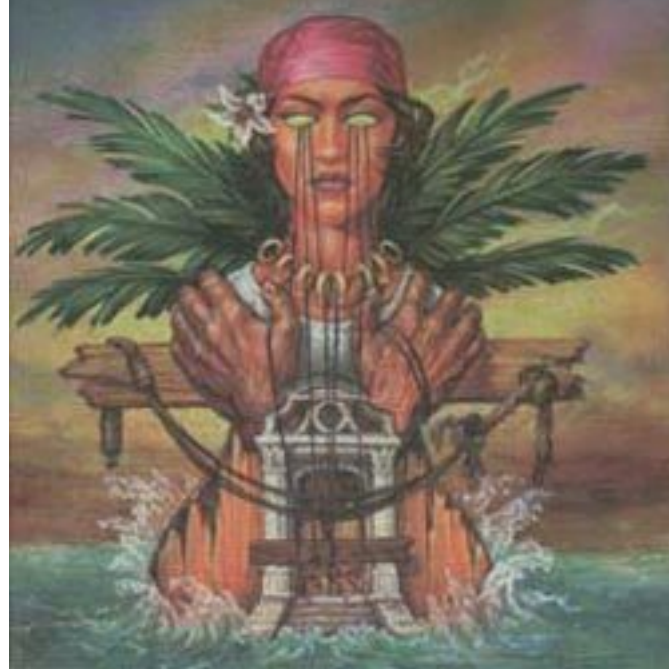

Жоржи
АМАДУ

*Тереза
Батиста*

Жоржи Амаду

**Тереза Батиста,
Сладкий Мед и Отвага**

1972

Амаду Ж.

Тереза Батиста, Сладкий Мед и Отвага / Ж. Амаду — 1972

Латиноамериканская проза – ярчайший камень в ожерелье художественной литературы XX века. Имена Маркеса, Кортасара, Борхеса и других авторов возвышаются над материком прозы. Рядом с ними высится могучий пик – Жоржи Амаду. Имя этого бразильского писателя – своего рода символ литературы Латинской Америки. Магическая, завораживающая проза Амаду давно и хорошо знакома в нашей стране. Но роман «Тереза Батиста, Сладкий Мед и Отвага» впервые печатается в полном объеме.

Содержание

Свадьба Терезы Батисты, или Забастовка закрытой корзины в Баии, или Тереза Батиста сбрасывает смерть в море	7
1	7
2	9
3	10
4	14
5	18
6	21
7	27
8	30
9	33
10	35
11	37
12	40
13	42
14	44
15	46
16	49
17	51
Девушка, которая пролила кровь капитана, пустив в ход нож для резки сухого мяса	53
1	53
2	54
3	55
4	57
5	58
6	61
7	63
8	66
9	70
10	73
11	75
12	79
13	80
14	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Последний раз я видел Терезу Батисту в феврале этого года на террейро¹, где праздновалось пятидесятилетие Матери Святого² Менинины до Гантоис, и Тереза, стоя на коленях в белой широченной юбке и кружевной кофте, просила благословения у иалориши³ Баии, чье имя одним из первых почитают друзья автора и девицы Терезы, среди которых имена Назарета и Одило, Зоры и Олинто, Инас и Дмевала, Аута Розы и Кала, девочки Эунисе и Шико Лиона, Элизы и Алваро, Марии Элены и Луиса, Зиты и Фернандо, Клотилде и Рожерио, живущих по ту и эти стороны океана, а мать Менининья и присутствовавший на террейро автор из еще более дальних краев – из царства Кету, с песков Аиока, они дети Ошосси и Ошуна⁴. Аше.

Песенка Доривала Каими для Терезы Батисты.

Меня зовут сиа⁵ Тереза,
Розмарина аромат.
Хочешь говорить со мною,
Положи-ка в рот свой пат.

Цветок в волосах,
Цветы на груди,
Море и река.

Чума, голод и война, смерть и любовь – это жизнь Терезы Батисты, ее простая история.

Gue ta coquille soit très dure pour te
permettre d'être très tendre:
la tendresse est comme l'eau: invincible.

¹ Место, где проходят праздники афро-бразильского культа кандомбле, макумба.

² Мать Святого – старшая жрица на кандомбле.

³ Иалориша – жрец на кантомбле.

⁴ Ошосси, Ошун – божества афро-бразильского культа.

⁵ Сиа – сокращенно «сеньора».

*Andre Bay. Aimez-vous les escargots?*⁶

Когда все узнали, что я снова еду в те места, откуда родом Тереза Батиста, меня попросили узнать, как там она, и написать обо всем, что о ней известно, а это говорит, что не перевелись на земле любопытные люди, нет, не перевелись.

Вот поэтому-то, такой озабоченный, и бродил я по местам событий прошлого, появляясь то на праздниках сертана⁷, то на пристанях и не теряя уверенности найти, и со временем наконец нашел и завязки, и сюжеты. Одни любопытные, другие печальные, каждый в своем роде и согласно моему пониманию. Все обрывки историй, все звуки музыки и танцевальные па, все крики отчаяния, любовные вздохи, всё, всё, что смог услышать и понять, я связал воедино для тех, кто интересовался судьбой девушки цвета меди, её жизнью и несчастьями. Сообщить что-нибудь особо значительное я не могу: люди тех лет не больно разговорчивы, и тот, кто знает, обычно помалкивает, чтобы не схлопотать диплом лгунишки.

Выпавший на долю Терезы жизненный путь прошел через земли, что лежат по берегам реки Реал, на границе штатов Баии и Сержипе, в самом Сержипе и его столице. Территория эта, за исключением столицы, где живут упрямые поющие и танцующие батуке мулаты, населена кабокло и кафузами⁸. Когда я говорю о главной столице этого северного народа, все понимают, что речь идет о городе Баия, часто называемом, никто не знает почему, Салвадором. Нет нужды ни обсуждать, ни оспаривать, что название Баия знакомо и двору Франции, и снегам Германии, не говоря уже об Африканском побережье.

Простите, что не рассказываю о Терезе во всех подробностях, но только потому, что многого не знаю, однако, может, есть кто-то, кто знает всё о ней, о её тяжком труде и отдыхе? Но очень сомневаюсь.

⁶ Пусть раковина твоя будет тверже,

⁷ Сертан – засушливый район Бразилии.

⁸ Кабокло – метис от брака индейца и белого; кафуз – метис от брака индейца и негра, негра и мулата.

Свадьба Терезы Батисты, или Забастовка закрытой корзины в Баии, или Тереза Батиста сбрасывает смерть в море

1

Поскольку вы, мой друг, так деликатно спрашиваете, я вам отвечу: беде только дай прийти. Пришла, никто её не остановит, она располагается, осваивается – продукт дешёвый, широкого потребления. Радость, мой друг, наоборот, растение капризное, трудно выращиваемое, плохо определяемое, быстро вянущее и не зависящее ни от солнца, ни от дождя, ни от ветра, оно требует каждодневного ухода и удобренную почву, не сухую и не слишком влажную, – дорогостоящая культура по карману только богатым. Радость сохраняется в шампанском; кашаса⁹ утешает в беде, если, конечно, утешает. Беда – это конец обломанной ветки, сохраняющей жизненные силы. Воткнутая в землю, она тут же покрывается листьями, не требуя никакого ухода, растёт самостоятельно, ветвится, приживается везде и всюду. На дворе бедняка, друг, беда в изобилии, другого растения и не увидишь. Если у кого кожа нежная и спина слабая, он сломается, набьёт себе мозоли, где только можно, и ничто и никто ему не поможет. И ещё скажу совсем не для похвалы себе и не для того, чтобы умыть руки, а ради правды: только сам бедняк способен справиться с бедой и продолжать свой жизненный путь. Всё сказано, но, может, это не ответ, тогда я хочу задать вопрос: что, друг мой, вас интересует? Сколь велики беды Терезы Батисты? А может, вы способны облегчить их?

На плечи Терезы свалилась большая беда, не многие парни смогли бы с ней справиться, а Тереза справилась, и с успехом, и никто не видел её жалующейся на свою судьбу, просящей сострадания, редко кто помогал ей, если и был таковой, то по дружбе, а совсем не из-за слабости этой отважной девушки. Где же прятала Тереза свою печаль? Да ведь печаль для Терезы, мой друг, ничего не значила, радость – вот что она ценила. Хотите знать, не железная ли была Тереза, не из брони ли было её сердце? Кожа Терезы была цвета меди, сердце – масло сливочное, вернее сказать, мёд; доктор¹⁰ Эмилиано, хозяин завода – кому её знать лучше? – иначе, чем Тереза Сладкий Мёд или Сотовый, и не называл. Это как раз то единственное наследство, что он ей оставил.

В жизни Терезы беда зацвела рано, и мне хотелось бы знать, многим ли храбрецам удалось бы противостоять всему тому, чему противостояла Тереза в доме капитана¹¹ и выжила.

Кто этот капитан? Да капитан Жусто, скончавшийся Жустиниано Дуарте да Роза. Капитан каких войск? Какого рода оружия? Оружием ему служили плоть из сыромятной кожи, кинжал, немецкий пистолет, крючкотворство, злость, звание богача, хозяина земли, конечно, не такого богача и не такого землевладельца, что даёт право на эполеты полковника, но вполне достаточное, чтобы не называться простым крестьянином и получать дивиденды. Земли полковника – это легуас¹² зеленого тростника, им владеет Эмилиано, старший из Гедесов, хозяин завода, человек образованный, с дипломом, трубкой и кольцом доктора, захоти он того звания. Да, друг, и это сегодняшние времена, но не стоит волноваться: звания меняются – полковник, доктор, десятник – управляющий, фазенда – предприятие. Неизменны только

⁹ Бразильская водка.

¹⁰ В Бразилии – человек, получивший высшее образование, на пальце он носил докторское кольцо.

¹¹ Капитан – звание капитана или полковника в Бразилии присваивалось крупным землевладельцам.

¹² Легуа – мера длины.

богатство и бедность. Богатство – это богатство, а бедность – это бедность со зловонным запахом беды.

Могу заверить, мой друг: начало жизни Терезы Батисты было тяжелым началом, горе, которое она познала девчонкой, не всякий познает в аду; без отца и матери, одна-одинешенька на всем белом свете против Бога и против Дьявола, ведь к ней даже сам Бог не испытывал жалости. И поэтому Тереза прошла самый трудный, труднее не бывает, жизненный путь и, несмотря ни на что, осталась жива и здорова, говорю так потому, что так говорят другие. А если уважаемый друг сам во всем желает удостовериться, пусть сядет в поезд с Восточного вокзала, что едет в сторону сертана, и всё своими ушами услышит во всех подробностях.

Самым трудным для Терезы было научиться плакать, потому что родилась она для того, чтобы радостно жить и смеяться. А вот этого-то ей и не удавалось, но Тереза была упряма, упрямее осла. Плохое сравнение, друг, ведь у осла ничего нет, кроме упрямства, а у Терезы столько достоинств, так что если кто такое и сказал, то захотел обмануть или вовсе не знал Терезу Батисту. Тиранкой Тереза была только в любви, ведь она родилась для любви и в любви была требовательной. И почему ее прозвали Тереза Ловкая Драчунья? Скорее всего, потому, что в драке она была действительно ловкая, а по смелости, гордости и медовому сердцу не имела себе равных. В уличных скандалах и драках она никогда не принимала участия, но вот чего с детства не могла терпеть и не могла видеть – как мужчина бьет женщину.

2

Объявленный дебют Терезы Батисты, который должен был состояться в кабаре «Веселый Париж», что находится в здании «Ватикана» у пристани Аракажу – главного города штата Сержипе, и о котором раззвонили во все колокола, вынуждены были отложить на несколько дней не без ущерба для хозяина заведения Флориано Перейры, известного под кличкой Флориано Хвастуна, уроженца Мараньяна, из-за необходимости изготовить зубной протез для звезды представления. Флори стойко, не жалуясь и никого попусту не обвиняя, как это с легкостью обычно делают в таких случаях, выдержал выпавшее на его долю испытание.

Дебют Сверкающей Звезды самбы – Хвастун был мастак на броские афиши – вызвал большой интерес в определенных кругах, уже наслышанных о Терезе Батисте, имя которой передавалось из уст в уста и на рынке, и в порту, и везде, где только можно. Привез Терезу Батисту к Флори доктор Лулу Сантос, доктором его величал простой люд, в действительности же Лулу был известным во всем Сержипе народным защитником (адвокатом без диплома), прославившимся своими едкими эпиграммами и остроумными фразами, которые он пускал на заседаниях суда. Его поклонники всё услышанное ими остроумие приписывали только ему, одинаково сведущему как в гражданском праве, так и в кружке пива, за которой он каждый вечер в кафе или баре «Египет» веселил завсегдатаев, вышучивал самодовольных субъектов, отпускал соленые анекдоты, попыхивая своей любимой сигарой. В детстве Лулу Сантос переболел полиомиелитом и теперь передвигался только на костылях, что никак не влияло на его доброе расположение к людям. С Терезой Батистой его связывала давняя дружба, ведь это он несколько лет тому назад по просьбе и за счет доктора Эмилиано Гедеса – хозяина завода и обширных земель в двух штатах, теперь уже умершего (и столь удивительно!) – ездил в Баию, чтобы добиться отмены начатого судебного процесса против тогда еще несовершеннолетней Терезы Батисты. Теперь, конечно, это дело прошлое, да и не о нем толк, а о дружбе девушки и адвоката без диплома, который один стоит многих дипломированных бакалавров права с их покровителями, диссертациями, докторскими шапочками и прочая, прочая.

В кабаре негде было упасть яблоку, шумно, празднично, оживленно. «Полуночный джаз-банд» входил в раж, посетители пили пиво, коктейли, виски. В «Веселом Париже» – как известно из проспектов, в изобилии распространяемых в городе, – «золотая молодежь развлекается по умеренным ценам». За золотую молодежь в Аракажу сходили торговцы и чиновники, студенты и служащие, коммивояжеры, поэт Жозе Сарайва, молодой художник Женнер Аугусто, одни получившие образование, другие – нет, но перепробовавшие массу профессий, разного возраста, чья молодость в большинстве случаев перевалила за шестой десяток. Флори Хвастун, невысокий болтливый метис, из кожи лез, чтобы сделать первое появление Терезы на сцене «Веселого Парижа» незабываемым событием. Впрочем, таковым оно и стало.

3

В день дебюта Терезе Батисте было не по себе, даже начался нервный тик, который она всеми силами пыталась скрыть. Сидя за стоящим в углу зала столиком, она ждала часа, когда должна была надеть костюм баиянки, чтобы выйти на сцену, и слушала Лулу Сантоса, который посвящал её в местные сплетни, рассказывая о каждом посетителе. Недавно появившаяся в Аракажу Тереза не знала никого из них, тогда как адвокат знал всех и вся.

Несмотря на царящий полумрак и задвинутый в угол столик, за которым сидела Тереза, красота ее не осталась незамеченной. Лулу Сантос привлек внимание Терезы к одному из столиков, за которым сидели двое бледных молодых людей – один болезненно бледный, бледность же другого была характерна для гринго¹³ с голубыми глазами, живущего в Сержипе, оба потягивали коктейль.

– Поэт не спускает глаз с тебя, Тереза.

– Какой поэт? Этот юнец?

Молодой человек с болезненно бледным лицом, положив на сердце руку, что должно было свидетельствовать о чувстве дружбы и преданности, встал и поднял бокал, приветствуя Терезу и адвоката. На что в ответ Лулу Сантос помахал рукой, держащей сигару.

– Жозе Сарайва – талант мирового масштаба, поэтище. К сожалению, жить ему осталось недолго.

– А что с ним?

– Чахотка.

– Почему он не лечится?

– Лечиться? Да он убивает себя, все ночи напролет пьет, это же богема! Известный в Сержипе прожигатель жизни.

– Большой, чем вы?

– Рядом с ним я паинька, пью своё пиво – и всё. Он же не знает меры. Похоже, хочет своей смерти.

– Плохо, когда человек хочет умереть.

Джаз, после того как музыканты пропустили по кружке пива, заиграл с новым воодушевлением. Поэт, оставив свой столик, подошел к Лулу и Терезе.

– Лулу, дорогой, представь меня богине вечера.

– Моя подруга Тереза – поэт Жозе Сарайва.

Поэт поцеловал руку Терезе, он уже был навеселе, но в глазах его читалась грусть, столь не соответствующая его развязным манерам и необдуманным поступкам.

– Зачем столько красоты сразу? Даже если поделить на троих, вы всё равно в убытке не останетесь. Давайте потанцуем, моя богиня?

Двигаясь к танцевальной площадке, поэт Сарайва остановился у своего столика, чтобы допить коктейль и представить Терезу приятелю.

– Полюбуйся, художник, совершенной моделью, достойной кисти Рафаэля и Тициана.

Художник Женнер Аугусто – именно он сидел за столиком – внимательно посмотрел на Терезу, чтобы никогда её не забыть. Тереза мягко улыбнулась, но безразлично, ведь сердце её закрыто, пусто, ему безразличны и восхищенные, и похотливые взгляды, теперь она была спокойна и почти владела собой.

Танцуя, Тереза и поэт оставили столик. На влажном лбу молодого человека выступили капельки пота, хотя в его объятиях была самая легкая, самая воздушная и музыкальная парт-

¹³ Так в Бразилии называют иностранцев.

нерша. Музыка ее научили птицы, а танцам – доктор. Танцует она превосходно и делает это с наслаждением, забывая обо всём на свете: в такт музыке идет с закрытыми глазами.

Жалко только, что приходится открывать их, чтобы лучше понимать поэта, у которого из большой груди вместе с веселыми словами рвется настойчивый и непрерывный свист.

– Так, значит, Сверкающая Звезда самбы – это вы?

А знаете, что реклама Флори – истинная поэма? Естественно, не знаете, да и зачем вам, ваша задача – быть красивой, и всё. Между тем я, прочитав рекламирующую ваш дебют афишу, спросил себя: Сарайва, а что же такое случилось с Хвастуном, что он стал поэтом? Теперь я могу ответить, и не только ответить. Могу написать десятки поэм, уж я как-нибудь переплюну Флори.

Он уже было собирался, не прерывая танца, прочесть слагающиеся сами собой хвалебные и льстивые вирши и, безусловно, сделал бы это, если бы совсем рядом с ними не начался скандал, который положил начало большой драке.

Тесно прижавшаяся друг к другу – щека к щеке – парочка кружилась в танце. Мужчина, похожий на коммивояжера, во всяком случае, по одежде: спортивному франтоватому пиджаку, яркому галстуку – и густо напыленным волосам, с улыбкой расточал комплименты и клятвы пышнотелой неопытной девице с миловидным профилем, а девица с удовольствием внимала его сладким речам и явно восхищалась элегантностью и изяществом манер партнера, но не сводила беспокойного взгляда с двери. И вдруг она произнесла:

– Боже, Либорио! – Вырвалась из рук партнера, бросилась было бежать, но, осознав, что бежать некуда, в ужасе заплакала.

Этот самый Либорио, появившийся в сопровождении трех дружков, чей приход вызвал панику у девушки, был высокого роста, одет в черное, точно в строгий траур, с отеками глазами, редкими волосами, безвольным ртом и опущенными плечами, ну, ни намек на красоту. Он подошел к танцующей девушке, встал перед ней и сказал гнусавым голосом:

– Это так-то, сеньора шлюха, ты пошла в Пропиа навестить больную мать?

– Либорио, ради Бога, не устраивай скандала.

Коммивояжер, наученный горьким опытом общения с подобными девицами и не желающий пятнать и без того не слишком незапятнанную репутацию в фармацевтической лаборатории, по поручению которой он и разъезжал по штатам Баия, Сержипе, Алагоас («Превосходный продавец, способный, предприимчивый и серьезный, однако любящий женщин, кутежи, потасовки в кабаре и публичных домах и даже подвергавшийся арестам»), решил потихоньку улизнуть, в то время как его соседи по столу и профессии поднялись из-за стола на случай, если ему потребуется помощь.

Поэт уже готов был продолжать крутить Терезу в танце, не придавая значения случившемуся (в кабаре часто можно увидеть оскорбленного рогоносца), как прозвучала пощечина, да такая звонкая, что звука её не заглушила даже музыка. Тереза тут же, когда долговязый снова ударил по лицу девушку и так же гнусаво, как не раз доводилось Терезе слышать в прежние времена, сказал: «Сука, научись меня уважать!» – остановилась. Голос был иной, но слова те же и тот же звук пощечины.

В мгновение ока Тереза вырывается из объятий поэта Сарайвы и бросается к Либорио.

– Мужчина, который бьет женщину, не мужчина, а слабак... – И, стоя перед верзилой, она поднимает голову и продолжает: – А слабака я не бью, я плюю ему в морду.

Плевок летит (играя с мальчишками в разбойников, Тереза натренировалась и делала это очень метко), но на этот раз цели не достигает: субъект высокого роста и вместо гадкого гноящегося глаза он попадает в шею.

– Шлюха!

– Если ты мужчина, ударь меня.

– Сию секунду, сеньора шлюха.

– Ну, давай бей! – подначивала она его, но сама времени не теряла: вот она заносит ногу, чтобы ударить в пах, и опять промахивается – уж очень длинные у того ноги. Тереза теряет равновесие и повисает на руках дружков Либорио, которые скручивают ей за спиной руки и подставляют её лицо под кулаки верзилы. Не получив удовлетворения от удара, нанесенного своей девице, Либорио железным кулаком бьет Терезу по губам.

Поэт Сарайва бросается на Либорио, старающегося подмять под себя Сверкающую Звезду самбы, и все трое катятся по полу. В какой-то момент Тереза оказывается на ногах и снова плюет в лицо верзилы, на этот раз слюна летит со сгустком крови и кусочком зуба. И к тем и к другим спешит подкрепление: с одной стороны – дружки рогоносца, с другой – художник Женнер Аугусто, закусивший губу от злости, и коммивояжер, который из осторожности бросил на произвол судьбы свою партнершу, ведь незнакомая девушка сделала то, что должен был сделать он. Забыв обо всём на свете и о риске себя скомпрометировать, однако надеясь вернуть уважение коллег, он очертя голову бросается в бой. Джаз продолжает играть, но танцующие пары покидают площадку, освобождая её для сражающихся. Один из посетителей, взобравшись на стол и размахивая двадцатью крузейрами¹⁴, кричит:

– Ставлю на девушку, кто принимает вызов?

Терезе удалось схватить верзилу за редкие волосы и вырвать клоч. Верзила пытается схватить ее и своим железным кулаком выбить еще один зуб, но Тереза, легкая и ловкая, увертывается, прыгает, выделяет удивительные танцевальные па, плюет, плюет в его лицо, ловя удобный момент нанести удар в пах.

Присутствующие окружили своеобразный ринг, желая насладиться захватывающим зрелищем и следя за каждым броском отважной девушки, но не торопясь на кого-либо ставить.

Неожиданно объявившийся подвыпивший кабокло, мускулистый, загорелый, с задубевшей под морским ветром кожей, присмотревшись к броскам Терезы, вдруг заметил во всеуслышание:

– Пресвятая Дева Мария, да ловчее этой драчуни я сроду не видел.

В этот момент появились привлеченные шумом полицейские, они тут же узнали Либорио и его дружков, однако, подняв дубинки, двинулись к Терезе с явным намерением проучить ее.

– Я иду, Янсан¹⁵! – испустил воинственный клич кабокло, сам не ведая, почему назвал именем бесстрашной богини Терезу, то ли тем самым стараясь подбодрить её, то ли желая оповестить саму богиню Янсан о том, что в драку вступает Жануарио Жереба – её оган¹⁶ на кандомбле Огуна.

Очень красиво вступил он в драку – оба полицейских разлетелись в разные стороны, а дружков верзилы, которые уже было собирались вытереть подошвы ботинок о физиономию поэта Жозе Сарайвы, хилого, со впалой грудью, но отважного, который безмолвно лежал на полу, отбросил, точно обрушившийся на них вихрь, ураган, поставил поэта на ноги и опять бросился в драку. Тут снова вступили в схватку полицейские.

Один из дружков Либорио выхватил револьвер, угрожая выстрелить. В этот самый момент погас свет. Последнее, что можно было видеть, – эту Лулу Сантосу с сигарой во рту, он крутил над головой одним костылем, опираясь на другой, чтобы не потерять равновесия. И вдруг послышался вопль Либорио. Это Тереза наконец попала ногой в намеченную цель.

Дебюта Королевы самбы в тот вечер, как видите, не состоялось, но появление Терезы Батисты на подмостках Аракажу было незабываемым. Хирург-дантист Жамил Нахар, тот, что ставил в разгар драки двадцать крузейро на Терезу, ничего не взял с нее за золотой зуб, с таким искусством вставленный в её верхнюю челюсть, куда пришелся удар железного кулака

¹⁴ Крузейро – денежная единица в Бразилии.

¹⁵ Божество афро-бразильского культа.

¹⁶ Жрец на кандомбле.

Либорио, разбившего ей губу. Да если бы дантист и попросил вознаграждения, то, уж конечно, не деньгами, нет!

4

Флори навел порядок в своем заведении, но объявить день нового дебюта Терезы Батисты, ожидаемого теперь с таким нетерпением, не мог: все зависело от хирурга-дантиста. Дантист Нажар работал на совесть: «Любая работа с золотом, большая или маленькая, мой дорогой Хвастун, требует терпения и искусства, опыта и времени, тем более золотой зуб, который украшает божественный рот, это нельзя делать в спешке и кое-как, это работа тонкая и искусная». Но Флори торопил его: «Понимаю твою щепетильность в работе, доктор, но ты всё-таки поторапливайся, не тяни, пожалуйста». Поторапливался и сам Флори, готовя новый дебют Терезы.

На каждом углу площади Фаусто Кардозо, где находится дворец правительства штата, красочные афиши возвещали о том, что очень скоро в кабаре «Веселый Париж» состоится выступление Блистательной Императрицы самбы, самбы из самб, Чуда бразильской самбы, Самбистки номер Один Бразилии; всё это было изрядным преувеличением, но, по мнению Флори, вполне соответствующим физическим данным восходящей звезды. В списке многочисленных поклонников новой звезды имя хозяина кабаре, естественно, должно было стоять первым, предворять адвоката, дантиста, поэта и художника, во всяком случае, потому, что он понес большой ущерб, покрывая расходы дебюта, не состоявшегося ранее, но принесшего ему славу.

У всех голова шла кругом. Флори, не один пуд соли съевший с артистами, хорошо знал, что для сохранения формы и особой подвижности бедер танцовщице, у которой должна зажить губа, в то время как дантист будет работать с протезом, необходимы ежедневные вечерние репетиции. Идеальным было бы, чтобы репетиции проходили без свидетелей – только танцовщица и пианист, в качестве которого выступал сам Хвастун, обладавший разносторонними талантами: он играл на пианино, на гитаре, губной гармошке, исполнял кантиги, слагаемые слепыми, но как не пустить поклонников исполнительницы самбы? За ней следом ходили и дантист, и художник, и адвокат, мешая репетировать и руша все планы Флори.

Флори приехал в Аракажу лет десять назад в качестве администратора прекратившей своё существование «Компании варьере» Жота Порто и Алмы Кастро, труппы, на счету которой было триста представлений музыкального ревью «Где горит перец», проходивших с гораздо большим успехом в Развлекательном театре Рио-де-Жанейро, чем в гастрольных поездках на север страны. Когда молодой и восторженный Флори примкнул к труппе в Сан-Луисе, столице штата Мараньян, он еще не замечал за собой способностей быть администратором, как и не имел в этом деле опыта. Опыт, однако, он приобрел быстро, не очень мучаясь, за время поездок из Сан-Луиса в Белен и из Белена в Манаус и обратно. Вот что он заметил сразу, так это вспыхнувшую страсть к придурковатой португалке Алме Кастро, на которую она ответила взаимностью и заставила его оставить службу в фирме по экспорту пыльцы, дающей масло, – обычной работы, без каких-либо неожиданностей и эмоций. Не спуская глаз с богини и зная, что пианист предательски покинул её, Флори тотчас предложил себя и был принят. Вскоре же кроме работы пианиста на него были возложены обязанности помощника импресарио и главной звезды варьете во всём, что касалось практических вопросов, улаживания дел с хозяевами арендуемого театра, вопросами транспорта, владельцами отелей и другими кредиторами. С каждым переездом в новый город труппа уменьшалась, сокращалось число представлений остроумных, приносящих успех ревью. В Аракажу труппа так уменьшилась, что представление стало дополнительной частью киносеанса. Теперь только разве в глуши она могла себя именовать «Компанией варьере» Жота Порто и Алмы Кастро, а так она называлась маленькой театральной группой Алмы Кастро. В Ресифе Жота Порто со слезами на глазах пересчитал последнюю мелочь и оставил труппу, поцеловав Алму Кастро в лоб, а Флори в щеки – подзрительно! Так просто первый любовник, при виде которого девицы лишались сна, расстался с

подмостками. И вот в Ресифе Флори оказался с декорациями, костюмами, скрипкой, четырьмя статистами, включая Алму Кастро, и без гроша в кармане, но стал импресарио и быстро достиг вершин своей театральной карьеры. Стараясь продемонстрировать свои способности, Флори нашел возможность показать труппу в Масейо, Пенедо и Аракажу. Однако в Аракажу, чтобы получить разрешение на выезд группы в Рио, Флори вынужден был остаться в качестве заложника. А Алма Кастро по прибытии в Рио-де-Жанейро должна была распорядиться об оплате долга администратора и бывшего жениха, арестованного Мароси, хозяином гостиницы, вместе с имуществом труппы. Однако в Рио её осчастливил дружбой и постелью верный ей комендант Сантос Феррейра, ответственный и благородный член португало-бразильского общества и братства «старичков Алмы Кастро». Все они были страшненькие, богатые, щедрые, известные и немощные. И она забыла обо всём и о долге.

Какое-то время спустя благородный Мароси обнаружил, что пребывание администратора группы Алмы Кастро в его гостинице – жил он в семейном номере и ел за троих – обходится довольно дорого, а потому он дал несчастному денег, сказав, что прощает долг, и даже пообещал помочь приобрести билеты на поезд, но Флори нашел Ресиф симпатичным гостеприимным городом и пожелал здесь остаться. Он не бросил уже знакомого ему дела, а, используя опыт и театральный реквизит, сделал карьеру: вначале служащий, потом компаньон, хозяин кабаре «Эйфелева башня», «Миромар», «Гарсон», «Тонкое золото» и, наконец, «Веселый Париж».

Тереза репетировала в костюме, сохранившемся от варьете: тюрбан, юбка, кофта. Большая часть тела была открыта глазам публики, вот только зачем? За пианино – Флори, меланхоличный Флори, не допускающий к ней поклонников ни литературно-артистического мира, ни юридического и тем более одонтологического. Сведущему в своем деле Флори нельзя было отказать в настойчивости и умении быть терпеливым, ведь, будучи хозяином кабаре и работодателем звезды, кто, как не он, был в лучшем положении?

В Терезу были влюблены все, и не меньше других Лулу Сантос. Хоть и с костылями, но славу бабника адвокат стяжал. Да и все прочие тоже, каждый по-своему. Поэт Сарайва открыто признавался ей в любви, читая сочиненные в её честь стихи, причем Тереза вдохновила его написать лучшие поэмы, целый цикл «Девушка цвета меди» – так назвал её сам поэт; хирург-дантист Жамил Нахар, араб с горячей кровью, предложил Терезе себя и счастье, пока она сидела перед ним с открытым ртом, а он вставлял ей золотой зуб; художник не сводил с неё своих глубоких голубых глаз и молчал. Молчал и рисовал её портреты на цветных афишах, и эти написанные акварелью на плохой плакатной бумаге портреты были первыми портретами Терезы Батисты, сделанными Женнером Аугусто, кое-какие он писал позже по памяти, а несколько лет спустя в Баии Тереза согласилась позировать в ателье Рио-Вермельо. Это был тот самый портрет, за который художник получил премию. На портрете Тереза была изображена в золотых и медных тонах, юная, красивая и одета так, как во времена «Веселого Парижа»: тюрбан баиянки, короткая батистовая кофта, надетая прямо на тело, и цветная юбка в оборках, ноги голые, блестящие.

Всем она улыбалась, со всеми была любезна и приветлива за подарки и ласку, которой её окружали, но всегда ждала настоящего чувства, испытывая необходимость в человеческом тепле. И это было непросто, возможно, потому, что единственной ее знакомой профессией была профессия служанки (а вернее сказать, рабыни), проститутки, любовницы, которая бросала её в постель к разным мужчинам. Вначале это случилось из страха, потом из необходимости заработать на жизнь. Когда же к Терезе приходило чувство, она отдавалась безудержно и бездумно, по любви и только по любви, никакая симпатия не вызовет такого шквала чувств. Ни хитрый Флори, ни услужливый дантист, ни язвительный Лулу Сантос, ни молчаливый художник с проникновенным взглядом, ни поэт – какая жалость! – никто не тронул её сердца, не воспламенил тлеющего огонька любви.

Если бы Лулу Сантос сказал ей: «Милая, я хочу с тобой спать, страстно хочу тебя, и, если этого не произойдет, я буду очень страдать», Тереза легла бы с ним в постель, как это она делала не раз с другими, зарабатывая на жизнь, холодная, безразличная, выполняя обязанность. Ведь она была у адвоката в долгу, и, пожелай он её, она бы не отказала, а согласилась, как бы тяжело ей ни было. Пожелай её заходящийся в кашле чахоточный поэт, скажи ей, что он умрет счастливым, если последнюю ночь проведет в её постели, она легла бы и с ним. С адвокатом – из благодарности, в счёт долга, с поэтом – из сострадания. В подобных случаях ни отдаться страсти, ни симулировать её она не была способна. Слишком дорогой ценой заплатила за то, что могла теперь быть самой собой.

Ни адвокат, ни поэт её о том не просили, они лишь появлялись перед ней и ждали, оба её желая, но не в оплату долга и тем более не из милостыни. Все же остальные, которые просили, а Флори просил, и не раз просил, молил, стонал, ничего не получали. Ничто её не интересовало, даже деньги, которые можно было скопить; что-то еще у неё звенело в сумочке, а потом, она надеялась, что понравится публике как исполнительница самбы; Терезе так хотелось быть себе самой хозяйкой, хоть какое-то время.

Недавно приехав в Аракажу, Тереза сняла комнату с полным пансионом в доме старой Адрианы (по рекомендации Лулу) и тут же получила предложение от Венеранды, хозяйки самого дорогого заведения. По манере держаться, носить шелка, туфли на высоких каблуках Венеранда походила на куртизанку с Юга, ей никак нельзя было дать тех лет, что записаны были в её свидетельстве о рождении. Ещё девочкой Тереза слышала её имя от капитана, уже тогда мадам властвовала в Аракажу. Узнав о приезде в город Терезы, скорее всего, от Лулу Сантоса, завсегдатая её заведения, который – кто знает? – может, и знал прошлое девушки, мадам сама явилась в пансион старой Адрианы.

Раскрыв веер, Венеранда села и, холодно взглянув на любопытную Адриану, вынудила её уйти.

– Да ты еще красивее, чем мне рассказывали, – начала она разговор.

Венеранда описала свой дом свиданий: просторный особняк в колониальном стиле, сокрытый в зелени деревьев и обнесенный высокой оградой; огромные комнаты, разделенные на современные альковы; на первом этаже – гостиная с витриной, пластинками, винами, здесь поджидают гостей свободные девушки, на втором этаже – вторая парадная гостиная, где сама Венеранда принимает политических деятелей, литераторов, заводчиков, фабрикантов; столовая, внутренний сад. Тереза могла бы жить в самом доме, если бы захотела. Предлагая жилье в самом заведении, Венеранда выражала тем особое отношение к Терезе, так как здесь жили, в основном, иностранки или женщины с Юга, которые приезжали, зарабатывали деньги и возвращались обратно на Юг. Таким образом, Тереза жила бы на особом положении. Или, если она хочет, может появляться в заведении вечером, когда гости в сборе, и обслуживать всех без разбора, лишь бы платили, а нет – иметь постоянных клиентов, ею же самую и выбранных. Выказывая заботу о Терезе, Венеранда предложила подобрать ей особую клиентуру – с тугим кошельком, не связанную бременем работы, не утомляющую и приносящую прибыль. Если Тереза столь же умна, сколь красива, то, легко заработав деньги, она сможет содержать своих жиголо и накопить крупные сбережения. В доме свиданий Тереза встретится с мадам Жертрудой, француженкой, которая на заработанные деньги купила дом и землю в Эльзасе, собираясь в будущем году вернуться на родину, выйти замуж и иметь детей, если Бог пожелает и поможет.

Венеранда лениво обмахивалась веером, распространяя сильный мускусный запах, плававший в теплом летнем воздухе. Тереза с интересом внимала богатому набору соблазнов, которые рассыпала перед ней Венеранда, а когда та, широко улыбнувшись, кончила, ответила:

– Такую жизнь я уже вела, скрывать не буду, и вернусь к ней, если вынудят обстоятельства. Сейчас я не нуждаюсь в деньгах, но вам благодарна за предложение. Всякое может случиться...

Хорошим манерам её научил доктор, а когда её чему-то учили, она это помнила; даже в школе учительница Мерседес хвалила её за живой ум и прилежание.

– И даже изредка? И за хорошую плату, без ежедневных обязательств, лишь удовлетворяя каприз какой-либо важной особы? Ведь мой пансион посещают лучшие люди Аракажу!

– Я это слышала, но сейчас меня это не интересует. Извините.

Венеранда с недовольным видом покусывала ручку веера. Эта новенькая, с цыганскими чертами лица, о которой столько рассказывают пикантных историй, была бы лакомым кусочком и для беззубых сластолюбцев, и для тех, у кого мощные вставные челюсти, и деньги в кассу заведения потекли бы рекой.

– И всё же, если вдруг надумаешь, извести меня. Где меня найти, скажет любой.

– Большое спасибо. Еще раз извините.

Уже берясь за ручку двери, Венеранда обернулась.

– А знаешь, я была знакома с капитаном. Он был моим клиентом.

Лицо Терезы помрачнело, неожиданно сумрачно стало и на улице города.

– А я никогда не знала ни одного капитана.

– А! Не знала? – засмеявшись, спросила Венеранда и ушла.

5

Да, никто не трогает сердца Терезы, никто не пробуждает спящего в ней желания, никто не способен раздуть пламя из затаившейся искры! Другом может быть и адвокат, и поэт, и художник, и дантист, и владелец кабаре, но любовником – нет! А кто же из них удовлетворится нежной дружбой с красивой женщиной? Да, сердечные дела и понять, и объяснить трудно.

Велик мир Аракажу, где же в нём бродит тот парень-великан? Тот смуглый кабокло, появившийся из морских волн, обветренный и загорелый, где он, что с ним? В тот памятный вечер в кабаре, когда разразился скандал и затеялась драка, она, увидев его, испытала то самое чувство. Но на рассвете, едва забрезжило утро, он исчез, растворился, а они были из одного теста и одного цвета кожи. Из окна такси Тереза видела его в тот уходящий предрассветный час, когда утро сменяет ночь; он легко шел в сторону моря, на голове кучерявилась туча волос. Обещал вернуться.

Он один положил конец драке в кабаре, один, громко смеясь и разговаривая с присутствовавшими и отсутствовавшими, с людьми и божествами, в совершенстве владел капоэйрой¹⁷. Едва полицейский выхватил револьвер, угрожая выстрелить, Флори отключил свет: в темноте ведь виновника не сыщешь, да и нет свидетелей – никто ничего не видел. Тут кабокло, ловко извернувшись, выхватил оружие, и, если бы полицейский сам не свалился и не разбил свою морду о пол, можно было бы сказать, что кабокло так же ловко, не прикладывая рук и не пуская в ход ног, помог ему сделать это. Таким его увидела и узнала Тереза, и этого для нее было достаточно, чтобы думать о нём.

Когда свет погас, потасовка разгорелась в полную силу. Многие из тех, кто наблюдал за происходящим, тут же ввязались в драку из чисто спортивного интереса, но им не удалось даже согреться, так как следом послышался крик: «Полиция!» – и все разбежались, не дожидаясь идущего подкрепления, за которым сбегал тот, что разбил себе морду. И тут Тереза почувствовала, что чьи-то крепкие руки подняли её с пола и понесли вниз по лестнице, потом на улицу, по переулкам и закоулкам города, всё дальше и дальше от места происшествия – то было молчаливое путешествие Терезы на руках у кабокло, от которого пахло морем и солью, потом, на тихой улочке, за много кварталов от «Веселого Парижа», он поставил её на ноги.

– Жануарио Жереба, к вашим услугам. В Баии меня знают как капитана Жеребу, но тот, кто любит меня, называет просто Жану.

Он улыбнулся, и улыбка озарила его спокойным светом.

– Я унёс вас от греха подальше, ведь полиции лучше не попадаться, ничего хорошего не будет.

– Спасибо, Жану, – сказала Тереза.

Любовь не покупается и не продается, её не завоеешь и ножом, приставленным к груди, но и уйти от неё невозможно, когда она приходит.

Кого-то он ей напоминал, кого-то знакомого, но кого? Он, конечно, моряк, хозяин рыбацкой лодки, его порт – Баия, воды залива Всех Святых и реки Парагуасу, у рыночной пристани он оставил своё суденышко «Цветок Вод».

Нет, таким огромным, каким он показался ей во время драки, он не был, но ростом вышел, это так. От груди, похожей на киль суденышка, от смеющихся глаз, от больших мозолистых рук, от всего целиком, слегка покачивающегося на каблуках, но крепко стоящего на земле, веяло спокойствием. Нет, Тереза поправляет себя, нет, не спокойствием, конечно же – он способен на неожиданные поступки и вспышки гнева, – а уверенностью в себе и надежностью в дружбе. Боже, да на кого же он, этот человек моря, похож?

¹⁷ Капоэйра – атлетическая игра, танец с определенными приёмами и оружием.

Нет, не лицом, а общим обликом он на кого-то похож, кого-то Терезе напоминает. Здесь, на улице, Тереза уже не та возбужденная дракой девушка, а скромная и застенчивая. Она слушает, что рассказывает Жануарио: он вошел в «Веселый Париж» как раз в тот момент, когда она плюнула мерзавцу в морду и вступила с ним в драку, храбрая женщина, перед такой надо снимать шляпу.

– И совсем не храбрая... Даже трусливая, только не могу видеть, когда мужчина бьет женщину.

– Тот, кто бьет женщину и издевается над ребенком, вообще не мужчина, – соглашается кабокло. – Я, правда, не видел начала драки. Что же произошло?

Здесь, в Аракажу, он оказался случайно, чтобы помочь своему другу, хозяину баркаса «Вентания», у которого заболел один матрос, а задерживать судно было нельзя никак: хозяин товара торопил, не соглашался на задержки. Вот Каэтано Гунза, кум Жануарио и капитан шхуны, и обратился к нему за помощью. Кто же, как не Жануарио, должен был выручить друга? Жануарио вышел из Баии на своём судне, переход был добрым, легкий ветерок, море ласковое. В Аракажу прибыли они накануне и всё время провели в порту, разгружая тюки с табаком, прибывшие из Круз-дас-Алмас, потом получили груз, который надо было доставить в Баию, чтобы поездка была выгодной. Всего несколько дней, недолго, ну, вроде прогулки. Но кум устал и остался на борту, а он сошел на берег, чтобы потанцевать, танцы – его слабость. Шел на танцы, а попал в драку, да какую!

Теперь они с Терезой брели наугад, в неизвестном направлении, не зная, который час. Ведь наткнулись же они на открытый бар, где сумеют выпить за победу и состоявшееся знакомство, так сказал Жануарио. Тереза слушала его, слушала шум прибоя, свист ветра в надутых парусах и доносившиеся откуда-то песни. Тереза ничего не знает о море, она впервые на берегу соленых вод океана в бухте Аракажу, по другую сторону города, рядом с рослым человеком с раскачивающейся походкой – человеком моря, опаленным солнцем и обветренным ветром. Жануарио закурил трубку; в море рыбы и потерпевшие кораблекрушения люди, черные спруты и серебристые скаты, корабли, приходящие с другого конца света, плантации морских водорослей.

– Плантации? В море? Как это?

Он не успел ответить, они опять вышли на улицу совсем рядом с «Ватиканом», где разноцветные огни рекламы «Веселого Парижа» притягивают парочки, ищущие приюта на ночь, а то и на полчаса. Время от времени в окнах бесчисленных каморок этого огромного дома загораются тусклые лампочки, у дверей не бросающегося в глаза входа стоит Алфредо Крыса, неопределенных лет сводник, и собирает по распоряжению домовладельца Андраде плату. Вдруг откуда-то со стороны слышатся голос адвоката и стук его костылей.

– Да это как раз вы?! Подождите меня!

Лулу Сантос ищет Терезу, боясь, как бы она не угодила в лапы Либорио или полиции. Знаток питейных заведений в Аракажу, он тут же повел их выпить кашасы в бар, что находится рядом. Тереза только пригубила стакан, нет, она так и не привыкла к кашасе, хотя эта была хорошего качества и даже пахла мадерой. Адвокат пил её маленькими глотками, смаковал, точно это был первоклассный ликер или выдержанный портвейн, или херес, а то и французский коньяк. Капитан Жереба опрокинул стакан разом.

– Хуже кашасы нет ничего, кто её пьет, тот мало чего стоит. – И, засмеявшись, попросил налить еще.

Лулу сообщил последние вести с поля боя: когда появилось подкрепление полицейских, они нашли в кабаре только его, поэта Сарайву и Флори – все трое самым мирным образом сидели и потягивали пиво. Либорио – король этой мрази! – представляешь себе, Тереза, ушел, поддерживаемый той девицей, из-за которой и заварилась вся эта каша. Увидев, что верзила схватился обеими руками за пах и зовет врача, крича, что схлопотал по меньшей мере грыжу,

эта девка, не видя в зале коммивояжера (посетители разошлись – кто по домам, кто по отелям) и забыв о полученной пощечине, подхватила под руку Либорио. Конечно, они стоят друг друга: она привыкла его обманывать и получать по заслугам, он – пить и скандалить, и они вместе спустились по лестнице. Подонки, заключил Лулу Сантос.

Поэт было попытался соблазнить Лулу Сантоса пойти в пансион Тидиньи, неплохое местечко, где, по его мнению, можно скоротать вечер, но адвокат, озабоченный судьбой Терезы, отказался. И Сарайва, покашливая со свистом, пошел один.

Выпив кашасы, все трое распростились. Лулу Сантос взял такси, чтобы отвезти Терезу домой, ведь этот мерзавец Либорио – первый друг-приятель полицейских, лучше быть осторожней. Из окна такси Тереза еще какое-то время видела капитана Жануарио Жеребу, шедшего к мосту, у которого стоял его баркас. Фигура цвета золотистой зари на заре и растаяла.

Сердце Терезы забилося, её охватило то же чувство робости и потери себя, что и много лет назад, когда она в магазине увидела Даниэла – ангела, сошедшего с олеографии, изображавшей Благовещение, Дана с томными глазами. Так на кого же похож кабокло? Похож не похож, но кого-то напоминает. Слава Богу, не ангела, сошедшего с неба; с некоторых пор Тереза не доверяет мужчинам с ангельским лицом, с вкрадчивым, молящим голосом и вводящей в заблуждение красотой. В постели-то они хороши, а вот в жизни лживы и слабы.

Оказавшись дома – с Лулу Сантосом она простилась, спасибо, друг, не позволила даже выйти из такси, ведь если бы он зашел, то захотел бы остаться, – в комнатке с голыми стенами, на узкой железной кровати Тереза, закрыв глаза, пыталась заснуть, но вдруг вспомнила, кого напоминает ей капитан Жереба. Он напоминает ей доктора. Нет, они, конечно же, не похожи друг на друга. Один – белый, богатый, образованный, утонченный, другой – смуглый, обветренный ветрами мулат, бедный и малограмотный. И все-таки что-то их роднило. Что? Уверенность в себе, веселость, доброта. Мужская цельность.

Капитан Жереба обещал вернуться, прийти к ней, чтобы показать порт, баркас «Вентания» и море там, за городом. Где же он, почему не держит своего слова?

6

Лулу Сантос заходит к Терезе, чтобы пригласить её в кино (Сантос без ума от ковбойских фильмов), и задерживается на веранде, открытой дующему с реки ветру; старая Адриана предлагает ему манго или мунгунсу, на выбор, или то и другое, если ему угодно. Сначала манго, его любимый фрукт, а потом, когда вернется из кино, мунгунсу. Улыбающаяся, гордая своим фруктовым садом, Адриана показывает прекрасные плоды манго: розовые, оливковые, бычье сердце, шпага.

– Разрезать?

– Я сам это сделаю, Адриана, спасибо.

Вкушая сладкий плод, Лулу сообщает последние новости:

– Ты, Тереза, – чудо природы. Только появилась в Аракажу и сразу обрела и влюбленных друзей, и ненавидящих врагов.

Старая Адриана посмеивается.

– Влюбленных? – Она искоса, улыбаясь, смотрит на адвоката. – Одного я, кажется, хорошо знаю. Но неужели кому-то может не нравиться наша милая Тереза?

– Сегодня я разговаривал с одной женщиной, которая мне сказала, что Тереза с большим сомнением и глупа.

– Кто же это? – поинтересовалась Тереза.

– Венеранда, наша известная Венеранда – хозяйка всем знакомой в городе «мясной лавки», она говорит, что торгует только свежайшим молоденьким филе, хотя мне именно сегодня хотела всучить старое, уже припахивающее французское брюхо.

Старая Адриана, до того как открыла овощную лавку – фрукты, овощи, древесный уголь, – держала пансион в полученном ею по наследству доме, где могли найти укромное жилье не желающие огласки влюбленные, иногда друзья, но больше всего она предпочитала сдавать комнату работающей в конторе девушке или какой-нибудь скромнице, кем-либо опекаемой, в общем-то, только ради того, чтобы иметь живую душу рядом. С тех самых времен она таит злобу на Венеранду, держащуюся высокомерно, ото всех отворачивающуюся, разговаривавшую разве что через плечо.

– Эта не знает, что болтает, ей ведь Терезу заполучить нужно. Я тебе, девочка, советую быть с ней осторожней, она ведь скрытная.

– Я ей ничего плохого не сделала, – удивляется Тереза. – Она меня к себе позвала, я не захотела. Вот и всё.

Старая любопытная Адриана не отстает:

– Кто же еще невлюбил Терезу? Ну, говорите

– Для начала – Либорио Невес. Он в ярости, его бы воля, Тереза бы уже была в тюрьме, но пока ничего не предпринял из страха; жизнь его столь грязна, что никакая полиция не отважится, взяв его под защиту, связаться с такими, как я. Особенно сейчас, когда я готов выступить в суде против него.

– Сеу¹⁸ Либорио! – Старая Адриана произнесла это имя со страхом и уважением. – Он кое-что...

– Дерьмо он, – сказал адвокат, – видели бы вы, чем он поплатился. На земле нет хуже этого типа, этого сукиного сына, канали, подлеца. Меня злит то, что, выступая против него в суде, я дважды проиграл. И, возможно, проиграю в третий раз.

– Вы, Лулу, проиграли? – удивилась старая Адриана. – А говорят, что вы не проигрываете.

¹⁸ Сокращение от слова «сеньор»

– Так не в суде, а в гражданском разбирательстве... Развратник умеет уходить от суда. Но как-нибудь я его прищучу.

– А что он сделал? – поинтересовалась Тереза.

– А ты не знаешь? Как-нибудь я расскажу тебе, но только не сейчас, когда пора идти в кино. Завтра или послезавтра я тебе расскажу, кто такой Либорио Невес, первый мошенник в Аракажу, пиявка на теле бедняков. – Он взял костыли, чтобы подняться. – Милая Адриана, спасибо за манго, ваши лучшие в Сержипе.

Со стороны порта с острова Кокейрос подул ветер, смягчая душный влажный вечер. Спокойствие, тишина, небо в звездах – самое время слушать истории. Зачем в такую жару томиться в кино? Да и вдруг придет Жануарио?

– Нет, Лулу, давай пойдем в кино в другой раз. Лучше посидеть здесь, на воздухе, слушая твои рассказы, чем умирать от жары в кино.

– Как принцесса прикажет. Хорошо, в кино пойдем завтра, а сейчас я расскажу, кто такой Либорио. Но заткни нос, так как это тип вонючий.

Лулу Сантос отставляет костыли, закуривает сигару – на сигары он не тратился, он получал их в подарок из Эстансии, с фабрики «Валкирия», от друга Раймундо Соузы. Кроме сигар Лулу получал в подарок и многое другое: еду, напитки, прочее; брал в кредит, забывал платить, да, если бы не это, смог бы прожить он, адвокат бедных?! Но случилось, что он отвергал гонорар и платил сам. Затянувшись сигарой, Лулу начинает представлять жизненные портреты Либорио Невеса.

– Окунемся в дерьмо, девочка... – И он заговорил, точно находился на трибуне в суде, в роли защитника и обвинителя одновременно. Он возвышал голос, закрывал глаза, сжимал кулаки, то заходил в гнев, то сменял гнев на милость, пуская в ход народные словечки и выражения.

В конце концов Лулу рассказал, как Либорио стал банкометом в «Звериной лотерее», но, чтобы быть банкометом, прежде всего надо быть честным, ведь игра держится исключительно на доверии к банкомету, если тот не честен, ему не место за игорным столом. Так вот, Либорио был не честен по натуре и при первом же случае не заплатил выигрыша. Несколько игроков, не согласных с бесчестным поступком банкомета, организовались под предводительством футболиста Ослиная Нога, славившегося мощным ударом по мячу, против этого мерзавца Либорио. Имейте в виду, что сам Ослиная Нога не играл в «Звериную лотерею» никогда и лично ни в чём заинтересован не был. Он защищал интересы тети Милу, своей соседки по улице, семидесятилетней старухи, которая каждый Божий день рисковала десяткой, сотней, тысячей, делая ставку на одного зверя в течение нескольких месяцев. И однажды уже была у цели, если бы вдруг не сменила банкомета, возможно, её взял хитростью молодой Либорио. Она делала ставку на собаку: десятка – 20, сотня – 920, тысяча – 7920, да и не она одна, многие в этот день играли на собаку, потому что накануне произошел известный случай: недалеко от Аталайи тонул мальчишка, и его спасла собака. Об этом случае растрезвонили газеты и радио. И всё очень удачно: ставя на собаку, тетя Милу выиграла, но тут Либорио смылся. Выигравшая большую сумму денег старушенция пришла в негодование, узнав об исчезновении банкомета; сгорбленная, опираясь на палку, она взывала к Богу и людям: ей хотелось получить выигранные денежки. Ослиная Нога – парень дикий, но добрый – принял беду старухи близко к сердцу и во главе прочих, понесших ущерб, занялся поисками банкомета и нашел его.

Получить выигрыш было непросто, пришлось и вступить в спор, и даже пригрозить. Поначалу Либорио попытался всё свалить на якобы имеющихся компаньонов, которые сбежали, но после того, как Ослиная Нога вдарил по нему как следует, выигрыш старухе он обещал выдать через сорок восемь часов. Велика же доверчивость людей, и даже футболистов, у которых «вместо ноги – пушка», как писали спортивные журналисты по поводу Ослиной Ноги. Кроме игры в футбол, Ослиная Нога не имел ничего, но его игра в футбол была необычной: не

было вратаря, который был бы способен поймать посланный им мяч. Мяч летел, точно пушечное ядро. Ослиная Нога разминал свои ноги на спортивных тренировках, улицах, в пивных барах, у бильярда, вернее сказать, бездельничая.

Прошло сорок восемь часов, но Либорио не появлялся. Ослиная Нога пошел в город. Аракажу и его окрестности он знал как свои пять пальцев. И нашел вора в одном из домов неподалеку от солеварни, где тот решил спрятаться. Либорио играл в триктрак с сирийцем – хозяином дома, когда без стука в дверь и разрешения войти в дом в сопровождении четырех заинтересованных появился Ослиная Нога. Сириец, вскочив на ноги, выхватил нож, но ножа его тут же лишили и навесили оплеух обоим, конечно, Либорио, как и следовало, больше.

Четверо, пришедшие с Ослиной Ногой, удовлетворились тем, что отдубасили Либорио, и, поняв, что тот жулик, ушли. Либорио тоже счел вопрос исчерпанным, и с лихвой, ведь он получил оплеухи в обмен на долг. Но кто такое сказал? Ослиная Нога, не в пример другим, был свободен во времени и, представляя интересы старухи, вовсе не собирался отступаться от обманщика банкомета. То, что Либорио получил по заслугам, хорошо, но он должен и заплатить. Чуть больше половины он заплатил тут же, сказав, что остальное заплатит завтра. Старуха от остального отказываться не собиралась, чувствуя себя оскорбленной: где это видано, чтобы банкомет отказывался платить? Она требовала денег, и как можно скорее.

Либорио снова исчез, и снова Ослиная Нога бросился на его поиски. И вот неделю спустя совершенно случайно встретил его прямо на Центральной улице, или, как говорят, в сердце города. Как ни в чем не бывало, тот спокойно что-то говорил на ухо какому-то прохожему – из мошенников – и тут лицом к лицу оказался с Ослиной Ногой; потеряв самообладание и понимая, что попался, он как миленький заплатил всё тете Милу. Старуха получила всё, до последнего реала, а Ослиная Нога, царствие ему Небесное, вскоре же умер, разбившись на грузовике, в котором ездил в Пенедо за деньгами для дружеской спортивной встречи. Грузовик перевернулся на дороге, умерли трое, среди них Ослиная Нога, и с тех пор в футбольных командах Сержипе никогда не было игрока с таким мощным ударом, а на улицах Аракажу – бродяги с таким добрым сердцем.

Этот скандал с банком «Звериной лотереи» был дебютом Либорио в мире коммерции. Позже он участвовал во многих надувательствах, совершенных за последних двадцать лет. Дважды Лулу Сантос представлял перед судьями, одетыми в судейские мантии, клиентов, которых обобрал Либорио. Один из случаев был связан с фальшивыми драгоценностями. Довольно долго Либорио продавал бриллианты, рубины, изумруды. Подлинной, как правило, была одна среди пятидесяти подделок и копий. За отсутствием проб на драгоценностях Лулу проиграл процесс. Либорио разбогател, стал важным в кругу себе подобных, завел дружбу с полицией, подкармливая агентов как тайной полиции, так и явной, обирал бедных людей. Основными статьями его дохода были: биржевая спекуляция, ссуживание денег под баснословные проценты, получение в оплату непогашенных долгов того, чем богат должник. Кроме биржи Либорио подвизался в делах торговых. Поговаривали, что он компаньон сеу Андраде, хозяина «Ватикана», по сдаче внаем комнат проституткам на ночь или на час; в середине месяца он по дешевке скупал жалование государственных служащих, находящихся в денежных затруднениях. Вот по одному из таких случаев Лулу Сантос и выступил второй раз в защиту очередного бедняги, попавшего в лапы мерзавца, и второй раз проиграл процесс.

Финансист игорных притонов, мошенничества с игральными костями, краплеными картами, испорченными рулетками, Либорио скупил за сущий пустяк – три месячных оклада – служащего префектуры, хорошего человека, но закореневшего игрока, от которого получил доверенность на получение его жалованья. Страстно желая иметь необходимую сумму для игры в рулетку, не задумывающийся о последствиях игрок, вместо того чтобы собственной рукой написать доверенность, подписал чистый лист бумаги, на который позже машинистка впечатала не три месячных оклада, а шесть. Доказать же мошенничество, когда на доверенно-

сти стоит подпись доверителя, очень трудно. Так что все попытки адвоката уверить, что Либорио купил доверенность за несколько фишек рулетки, запросив за это три жалких месячных оклада служащего, не увенчались успехом. Чего стоит жалкая жертва, простой служащий, добрый человек, хороший муж, страстно любящий своих пятерых детей отец – всему виной порок игрока! – и Либорио, известный жулик, по которому уже не в первый раз плакала скамья подсудимых, вышел сухим из воды.

Лулу Сантос, рассказывая, приходил в ярость: и этот Либорио прикидывается униженным и преследуемым – а-а! – с каким бы удовольствием Лулу презрел уважение к судье и судебному заседанию и бросил бы свои костыли в этого каналью! Тереза даже не может себе представить, какое удовольствие она доставила адвокату, плюнув в морду этому рогоносцу, этому сукину сыну. Рогоносцу, привыкшему к публичным скандалам, привыкшему бить женщину и только женщину, ведь встретиться лицом к лицу со многими смельчаками мужчинами он боится. Исподтишка, да, он готов сделать гадость, пустить в ход свои связи с полицией, делая их жизнь невыносимой. Настоящий сукин сын!

Еще худший случай рассказывает Лулу позже, случай, который будет разбираться совсем скоро, на следующей неделе. Печальный сюжет, еще один проигранный процесс, это ясно.

– Я расскажу вам, на что еще способен этот сукин сын. – Он произнес эти слова по слогам, ведь с его уст очень часто они срывались, но с любовью и нежностью, однако Либорио был сукиным сыном, именно так!

В одной небольшой усадьбе с манговыми деревьями, деревьями кажаейрос, жакейрас, кажаейрас и прочими живет и работает Жоана дас Фольяс, или Жоана Франса, преклонных лет негритянка, вдова одного португальца. Португалец Мануэл Франса, старый знакомый Лулу Сантоса, начал в Аракажу культивировать салат-латук, большие помидоры, капусту, лук и другие южные овощи наряду с фруктовыми деревьями, а также тыквой, сладким картофелем, и всё это на своем клочке земли, но земли прекрасной. Очень удачная, плодородная земля для не слишком большого, но процветающего хозяйства. С раннего утра на обработке земли трудились он и черная дас Фольяс; вначале они сожительствовали, потом, когда их единственный сын заявил о себе, постучав под сердцем, они повенчались в церкви и зарегистрировались в мэрии. Сын вырос, отец заболел; не дождавшись смерти отца, сын, прихватив с собой сбережения родителей, исчез из дома. Честный португалец¹⁹ не перенес этого; Жоана унаследовала землю и кое-какие деньги: им был должен кум Антонио Миньото, но главным её наследством была она сама – сильная негритянка, старомодная, жадная до работы, всё время думающая о сыне. И она наняла помощника для работы на огороде и для продажи овощей клиентам.

– Подождите, Лулу, я сейчас, – просит старая Адриана, – только принесу мунгунсу.

– Надо же! – восклицает Тереза. – Ну и тип этот Либорио, хуже не бывает.

– Дослушай до конца и поймешь, какой плохой я.

Из порта подул ветер, Лулу Сантос говорит о португальце Мануэле Франса, его жене Жоане дас Фольяс и их блудном сыне, а Тереза думает о Жануарио Жеребе: и где это он бродит? Пообещал появиться, показать ей баркас, погулять по песчаной отмели, откуда виден открытый океан и тянутся во все стороны песчаные дюны. Почему же, жестокий, не приходит?

На глубоких тарелках – мунгунса, кукуруза с кокосом, посыпанная корицей и гвоздикой. Адвокат на какое-то мгновение забывает свою блестящую обвинительную речь против Либорио Невеса. А-а, если бы это был трибунал!

– Божественная, божественная мунгунса, Адриана. Если бы он был в суде...

Господа судьи, шесть месяцев назад безутешная вдова, и не только вдова, но мать, осиротевшая после потери сына где-то на юге страны, получила от последнего вначале письмо, а потом телеграмму, что касается мужа, то она знает, что он нашел покой в самом высшем кругу

¹⁹ Пренебрежительное обращение к португальцам в Бразилии.

рая, известие четкое и утешительное, поступившее от доктора Мигелиньо, своего человека по ту сторону жизни, который посещает Кружок Душевного Покоя и Гармонии, где используются поразительные методы лечения. Так что с мужем всё в порядке. А вот с сыном... Какое-то время он находился в Рио и, совершив глупость, попал в затруднительное положение: задолжал деньги; находясь под постоянной угрозой угодить в тюрьму, если в ближайшее время не вернет несколько тысяч реисов, он написал матери, и, надо сказать, очень жестоко, что она должна прислать ему денег, иначе он сведет счеты с жизнью, выстрелив себе в грудь. Конечно, жалкий шантажист не выстрелил бы в себя, но каково было бедной матери, безграмотной, страдающей за единственного и обожаемого сына, она просто с ума сходила: где она могла найти восемь тысяч, о которых он её просил? Сосед, что оказал ей услугу и прочел сначала письмо, а потом и телеграмму, посоветовал ей обратиться к Либорио, дал его адрес, и вдова попала в лапы биржевого спекулянта, который дал ей в долг эти восемь тысяч, за которые она должна была вернуть шесть месяцев спустя пятнадцать, – обратите внимание, господа судьи и господа присяжные, на невиданно высокие проценты! Либорио собственноручно подготовил бумагу: если Жоана к указанному сроку не возвратит положенную сумму, она теряет землю, цена которой по меньшей мере сто тысяч, а может, и больше. Господа судьи!

Вдова по просьбе Либорио подписала, вернее, за неё подписал Жоэл Рейс, слуга Либорио, она ведь не умеет ни читать, ни писать даже собственное имя. Двое подручных этого порочного человека были свидетелями. Жоана взяла займы спокойно: кум Антонио Миньото – человек слова, он должен ей вернуть десять тысяч через четыре месяца. Пять оставшихся она хотела сэкономить за шесть месяцев, так она сохранит постоянных покупателей со времен, когда хозяином был муж.

Всё так, как рассчитывала Жоана, и произошло: кум заплатил долг в назначенный срок, сама она сэкономила пять тысяч за шесть месяцев и отправилась к Либорио вернуть долг. И знаете, что он ей сказал? Подумайте только, Тереза, подумайте, господа присяжные заседатели!

– Что же?

– Что она ему должна восемьдесят тысяч вместо восьми.

– Но почему же?

– Да потому, что документ составлял он сам и написал сумму не словом, а цифрами. Но, как только Жоана вышла, он подставил еще один ноль той же ручкой, теми же чернилами и почти в тот же час. Ну, скажите, ну, скажите вы мне, где бедной старухе взять восемьдесят тысяч крузейро? Где, господа судьи? Либорио требует от правосудия, чтобы усадьба Жоаны пошла с молотка, нет сомнения, что именно он купит её за четыре винтена.

Ну, Тереза уже подумала, что станет с этой женщиной, которая проработала всю свою жизнь на этой земле и вдруг будет выброшена с неё и пойдет по миру с протянутой рукой? Да? Я буду биться, буду кричать, взывать к справедливости, что еще? Если бы суд был народным, всё было бы по-другому. Но здесь судья гражданский, и, хотя он хороший человек и хорошо знает, кто такой Либорио, и уверен, что тот подделал документ, что он может сделать, чтобы вдова выиграла? Начать процесс по поводу подделки документа? Но как, как это сделать, когда на бумаге стоят подписи свидетелей, да и никто не может доказать, что ноль был подставлен позже!

Он перевел дух, от возмущения лицо его покраснелось, он даже похорошел.

– Все знают, что это еще одна подлость Либорио, но ничего поделать не могут, он завладеет землей Мануэла Франса, черная Жоана будет жить, прося подаяния, а её презренный сын – вот уж сукин сын, никак иначе не назовешь – пустит-таки себе пулю в грудь, что же ему останется делать.

Воцарилось молчание, точно уже кто-то умер, никто не произносил ни слова. Тереза смотрела куда-то в пространство, но она не думала сейчас ни о Жануарио Жеребе, или Жану, как его называл тот, кто любит, ни о песчаном пляже. Она думала о Жоане дас Фольяс, доне

Жоане Франса, которая, согнувшись в три погибели, трудилась на своей земле вначале вместе со своим мужем португальцем, потом одна, сажая, собирая урожай своими собственными руками, и о ее сыне, что в Рио, где он прокутил деньги и стал их требовать с матери, угрожая застрелиться. Если у Жоаны отберут землю и Либорио выиграет процесс, что она будет делать, чем будет жить, на что питаться, на чём экономить, чтобы посылать деньги сыну?

Старая Адриана собирает пустые тарелки и идет на кухню.

– А скажи мне, Лулу... – возвращается к разговору Тереза.

– Что?

– Если бы дона Жоана умела читать и ставить свое имя, был бы такой документ действителен?

– Если бы она умела читать и подписываться, ну и что? Но она же не умеет, и всё тут; она никогда не ходила в школу, и её родители тоже, они были неграмотными.

– Но, если бы умела, действителен ли был такой документ?

– Естественно, если бы она умела подписываться, документ был бы поддельным. К несчастью, она не умеет.

– Ты уверен? Думаешь, что он не может быть признан поддельным? Почему ты так думаешь? Ведь прежде всего дона Жоана должна попробовать написать свое имя. Ну?

– Не понимаю, что значит попробовать написать свое имя?

Лулу задумывается и вдруг понимает:

– Документ поддельный? Написать имя? Я, кажется, начинаю понимать! Дона Жоана умеет читать и подписываться, она приходит к судье и говорит: эта бумага фальшивая, я могу подписаться. Короче, не это ли самое ты сказала? Ей нужно только суметь поставить подпись. И кто же научит Жоану дас Фольяс подписываться меньше чем за неделю? Для этого же необходим человек, способный на такое, и такой, которому можно довериться.

– Да такой человек прямо перед твоими глазами – это я! На какой день назначено судебное разбирательство?

И тут Лулу Сантос расхохотался, он хохотал, как сумасшедший, на его смех даже прибежала испуганная Адриана.

– Что это с вами, Лулу?

Наконец адвокат пришел в себя.

– Хотел бы я видеть рожу Либорио дас Невеса, когда Жоана распишется в присутствии судьи. Тереза, мудрейшая, да я тебе присваиваю степень доктора *honoris causa*! И ухожу домой, чтобы обдумать всё это, ты метишь в самое яблочко. До завтра, моя милая Адриана, мунгунса у вас дивная. Как верно говорит народ: кто ворует – тот вор... Я жажду увидеть этот горшок с дерьмом в тот самый миг, когда Жоана... Я получу самое большое удовлетворение в моей жизни.

Тереза, сидя на террасе, забывает о Лулу Сантосе, Жоане дас Фольяс и Либорио дас Невесе. Где же бродит обманщик? Ведь обещал же прийти тот, что с глиняной трубкой, загорелый, обветренный, с широкой грудью и большими руками, что выносили её из кабре. Не пришел, почему?

7

В уснувшем городе, в опустевшем порту, одинокая, печальная и страдающая от задетого самолюбия, Тереза Батиста, поджидая Жануарио Жеребу, думает: почему он не пришел, может, занят или заболел? Но что стоило предупредить, послать кого-нибудь с запиской? Обещал прийти за ней к вечеру, чтобы вместе поужинать на баркасе мокекой по-баиянски – «Поджарить на растительном масле я умею!» – потом они отправились бы к морю полюбоваться волнами и послушать шум прибоя, там, за гаванью, оно открытое, не то что этот рукав реки. Река-то Катингиба красивая, ничего не скажешь, у города спокойная, она огибает остров Кокосовых пальм, в ней всегда стоят на якоре большие парусники и небольшие грузовые суда; но море – сама увидишь – совсем другое, никакого сравнения – ах! Море – это дорога без конца и края, в нем сокрыты бури, шторма и нежность набегающего на песок пенного прибоя. И не пришел, почему? Он не имел никакого основания думать о ней как-то не так, ведь она не навязывалась.

В предыдущие дни капитан Жануарио, очень занятый разгрузкой баркаса и его мытьем для приема нового груза – мешков с сахаром, – всё же находил время, чтобы увидеть Терезу, посидеть с ней на Императорском мосту, рассказывая истории о парусниках и встречных ветрах, о бурях и кораблекрушениях, о всяких случаях в порту на кандомбле, что происходят с моряками и капоэйристами, Матерями Святого и ориша. Рассказывал ей о праздниках, там праздник целый год: первого января – праздник покровителя мореплавателей, в этот день в добрый путь парусники сопровождают лодку с навесом туда и обратно, а потом самба и угощение на весь день и ночь, праздник Бонфина – от воскресенья до воскресенья во вторую неделю января с процессией, с мытьем в четверг; мулы, ослы, лошади украшены цветами, баиянки с глиняными кувшинами и горшками, наполненными водой, которые держат на головах или плечах, воды Ошала, моющие Церковь Господа нашего Бонфинского, один черный – африканский, другой белый – европейский, двое разных святых в одном подлинном баиянском; праздник Рибейры, предшествующий Карнавалу; праздник Иеманжи²⁰ на Рио-Вермельо – второго февраля, подарки Матери вод, которые приносят в огромных соломенных корзинах, – духи, гребни, мыло, перстни, кольцо, море цветов и записок с просьбами: тихого, спокойного моря, обилия рыбы, здоровья, радости и любви. И это с раннего утра до вечернего отлива, когда парусники выходят в открытое море на процессию Жанаины, впереди парусник капитана Флориано, который везет главный подарок рыбаков. На середине моря их поджидает Царица, одетая в прозрачно голубые раковины, в руках абебе: *odoia*, Иеманжа, *odoia*!

Рассказывал он и о Баии, каков этот город, родившийся у моря и взбравшийся на гору, изрезанную склонами. А рынок? Агуа-дос-Менинос? Откос, пристань в порту, школа капоэйры, где по воскресеньям он занимался с местре Траирой, Кошкой и Арнолом, потом террейро Богуна, где был подтвержден огун для Янсана – по его убеждению, Тереза должна быть дочерью Янсана по тому, как обе они отважны и их не покидает присутствие духа. Хотя Янсан – женщина, она божество мужественное, бок о бок со своим супругом Шанго²¹ она бряцает оружием, не боится ни эгунов, ни мертвецов, всё время поджидая их, воинственно возглашает: «Eparei!»

Накануне, когда они сидели на Императорском мосту, Жануарио Жереба потрогал пальцем пораненную губу Терезы и удостоверился, что шрама от кулака Либорио уже не осталось, вот только зуб еще не вставлен. Жануарио всего лишь дотронулся до её губы, но этого прикосновения было достаточно, чтобы Тереза вся напряглась. Однако Жануарио вместо того, чтобы жаркими поцелуями поточнее удостовериться, в порядке ли губа Терезы, отдернул руку, словно

²⁰ Иеманжа – Богиня вод.

²¹ Верховное божество афро-бразильского культа.

обжег её о влажный рот Терезы. Он принес ей рио-де-жанейровский журнал с фоторепортажем о Баии: на распахнутой цветной фотографии видны были Рыночный откос и совсем близко от него стоящая под голубым парусом на якоре шхуна «Цветок Вод», на корме, чиня штаны, стоял голый по пояс Жануарио Жереба, для Терезы – Жану: «Кто меня любит, зовет Жану».

Тереза спускается по Передней улице, ища глазами знакомую фигуру великана, идущего вразвалку, с дымящейся во рту глиняной трубкой. Неподалеку от «Ватикана», у старого деревянного моста, она видит контуры баркаса «Вентания», огни погашены, никакого движения на палубе, если кто-то и есть, то спит, а Тереза не решается приблизиться. Но где же Жереба, где же великан моря, куда улетел, в какой дальний полет отправился урубун-царь?

На втором этаже «Ватикана» горят разноцветные лампочки: красные, желтые, зеленые, голубые, – зазывают золотую молодежь Аракажу и её гостей потанцевать в «Веселом Париже». Может, Жануарио там, в зале для танцев, кружит в вихре какую-нибудь красотку, а может, и портовую девку; танцы – его слабость, ведь и в тот вечер он пришел в кабаре, чтобы потанцевать. Но кто даст силы Терезе распахнуть дверь, взбежать по лестнице, пройти через зал, где танцуют, и, подражая Либорио дас Невесу, встать, уперев руки в бока, перед Жану, который прижимает к себе партнершу, и нагло, развязно сказать: это так-то, сеньор, вы пришли за мной, как обещали?

Флори запретил Терезе появляться в кабаре до дебюта: импресарио хотел, чтобы образ, который все обсуждали после той шумной драки в «Веселом Париже», не исчез из памяти желающих её увидеть, ведь если она будет посещать кабаре каждый вечер и танцевать с кем попало и беседовать, то для завсегдатаев кабаре она уже не будет той фурией, что в бешенстве бросилась к Либорио, чтобы плюнуть ему в рожу и тем самым бросить вызов всем присутствующим. Её должны увидеть в день представления, как Королеву самбы, в широкой юбке с оборками, кофте и тюрбане. Только распухшей губы и выбитого зуба никто не увидит. Что касается зуба, то умудренный опытом Флори себя спрашивал, когда же доктор Жамил Нахар закончит свой шедевр, ведь еще ни одному хирургу-дантисту-протезисту не требовалось столько времени, чтобы вставить один-единственный золотой зуб. У крепкого веселого мулата Калисто Гроссо, лидера портовых грузчиков, помешанного на золотых зубах – у него их семь во рту, четыре вверху и три внизу, и самый красивый вверху посередине, – все вставлены доктором Нахаром и мгновенно. За один раз он вставил три, три крупных зуба, и, надо сказать, все три даже не потребовали половины уже затраченного времени на один маленький золотой зуб Терезы.

Однако не запрет Флори и не отсутствие зуба удерживали Терезу у дверей «Веселого Парижа», а то, что у неё не было ни малейшего права лишать капитана парусника удовольствия потанцевать, пофлиртовать, провести ночь с какой-нибудь шлюхой, даже если бы это было так. До сегодняшнего дня Тереза не имела на него прав даже как влюбленная: они обменивались быстрыми взглядами, но, как только Тереза устремляла на него долгий взгляд, он тут же отводил глаза. Правда, она звала его Жану, говоря тем самым, что относится к нему с любовью, а он называл её разными ласковыми именами: Тета, моя святая, малышка, – на чём и кончалась их нежность. Тереза выжидала, как и полагается женщине, с достоинством, ведь первый намек, первое ласковое слово должны исходить от него. Рядом с Терезой он казался счастливым, был весел, улыбался, много говорил, но ничего больше, словно был наложен запрет на теплоту в голосе, слово любви, ласковый жест, – что-то останавливало Жануарио Жеребу.

И, наконец, он не сдержал своего слова, не пришел, заставив её ждать с семи вечера. Потом появился Лулу Сантос, приглашая её в кино, но они решили остаться дома; адвокат рассказывал ей о темных делишках Либорио, обирающего старых людей, удивительно мерзкий тип этот Либорио; после девяти Лулу Сантос распрощался с Терезой, чрезвычайно довольный, что она подсказала ему возможность разоблачить мерзавца на ближайшем судебном заседании. Пожелав Адриане спокойной ночи, Тереза попыталась уснуть, но не смогла. Достала черную

шаль с красными розами – последний подарок доктора Эмилиано, – накинула на голову и плечи и пошла в порт.

Но Жануарио, этого великана, нигде не было. Ей ничего не оставалось, как вернуться домой, постараться забыть его, потушить пылающий в груди жар, пока еще это возможно. Безрассудное сердце! Именно тогда, когда она находится в мире с самой собой, спокойная и ни на что не обращающая внимания, желающая наладить жизнь, оно, непокорное, вспыхивает любовью. Полюбить легко, любовь приходит, когда ты меньше всего её ожидаешь; взгляд, слово, жест – и огонь занялся, обжигает грудь и губы, трудно погасить его, тоска раздувает его; любовь не заноза, её не вынешь из тела, не опухоль – не удалишь, это – болезнь неизлечимая и упорная, убивающая изнутри. Закутанная в испанскую шаль, Тереза идет в сторону дома. Она не плачет, не привыкла; глаза сухи и горят, как угли.

Кто-то торопливо идет за ней следом, Тереза думает, что это мужчина, ищущий женщину, которая пойдет с ним в «Ватикан» через дверь Алфредо Крысы.

– Эй, дона, подождите, я хочу с вами поговорить. Пожалуйста, подождите.

Поначалу Тереза ускоряет шаг, но покачивающаяся походка и тревога в голосе останавливают её. По озабоченному выражению лица и дурманящему запаху, такому же, что исходил от Жануарио – запаху моря, Тереза ничего не знает о море, кроме того, что слышала из улыбающихся уст Жануарио, – и такой же дубленной морскими ветрами коже чувствует, еще не заговорив с ним, какое-то стеснение в груди: что-то случилось нехорошее.

– Добрый вечер, синья дона. Я капитан Гунза, друг Жануарио, он прибыл в Аракажу на моем баркасе, чтобы помочь мне в одном деле.

– Он заболел? Он назначил мне свидание, но не пришел, я хотела бы узнать о нём.

– Он арестован.

Они пошли рядом, и Каэтано Гунза, владелец баркаса «Вентания», рассказал то, что удалось узнать ему. Жануарио купил рыбы, масла дэндэ, лимон, перца горького и душистого, травки коэнтро и всего прочего; искусный повар, в этот день он особенно старался, готовя мокеку; Каэтано это понял, когда, дожидаясь Жануарио и Терезу, уже около девяти отведал блюдо; кум и Тереза не появлялись, а он был голоден, как волк. Жануарио ведь отправился за Терезой, сказав, что через полчаса вернется, но не вернулся. Поначалу он не волновался, решил, что кум с девушкой пошли пройтись или зашли на танцплощадку, ведь Жануарио любил размять ноги. В девять, как сказал Каэтано, он положил себе мокеки в тарелку, поел, но уже без аппетита, потому что забеспокоился; отставив тарелку, он пошел искать кума, однако узнать, где Жануарио, ему удалось довольно далеко от пристани, у одной пивной. Парни из пивной рассказали ему, что полиция схватила одного очень опасного, как утверждал шпик, налетчика. Для того чтобы его схватить, понадобилось более десяти агентов полиции и полицейских, так как он действительно оказался опасным, видно, капоэйрист, он уложил четырех полицейских. Здоровенный детина, похоже, моряк. Сомнений не оставалось, это был Жану. Как видно, полицейские ищейки не забыли о той драке в «Веселом Париже».

– Я уже везде был: и в главном полицейском управлении, и в двух участках, – никто ничего о нем не знает.

Ах, Жану, а я уже хотела забыть тебя, потушить бушующий огонь в груди! Никогда я тебя не забуду, даже когда «Вентания» покинет бухту и выйдет в море и ты будешь стоять у руля или под парусом, никогда. Если ты не возьмешь меня за руку, то я сама возьму твою большую руку, что так нежно дотронулась до моей губы. Если ты не поцелуешь меня, то я сама прильну к твоим горячим устам, к твоей просоленной морской груди, даже если ты меня и не любишь...

8

Около двух ночи на корме баркаса мокеку всё-таки отведали, объедение, и только; Лулу Сантос обсосал все косточки, отдав предпочтение рыбьей голове – самой вкусной, по его мнению.

– Вот почему, сеньор, у вас много серого вещества в голове, – заметил капитан Гунза, отдающий должное науке. – Ведь, кто питается рыбой, умнеет – это дело известное и доказанное.

За короткое пребывание адвоката на баркасе владелец «Вентании» стал горячим его почитателем. Тереза с Гунзой поехали за Лулу Сантосом, чтобы поднять с постели. Он жил на холме Санто-Антонио, в скромном домике с садом.

– А я знаю дом сеньора Лулу, – похвастался шофер такси, хотя и хвастаться-то было нечем: весь Аракажу знал, где живет народный защитник.

На сигналы таксиста и хлопки в ладоши капитана Гунзы ответил усталый, покорный женский голос, а как только сказали, несмотря на поздний час, что дело срочное, надо освобождать из тюрьмы одного человека, голос стал сердечным:

– Сейчас, сейчас идет.

И действительно Лулу тут же высунулся из окна.

– Кто это? Что хотите?

– Это я, доктор Лулу, я – Тереза Батиста. – Она назвала его доктором из уважения к супруге, чья фигура маячила за адвокатом. – Извините за беспокойство, но я здесь с капитаном баркаса «Вентания», его товарищ... – Как же ему объяснить, что речь идет о том парне, что так решительно вступил в драку в кабаре? – Думаю, вы знаете...

– Это тот, что дал жару ищейкам полиции и полицейским в ту ночь в «Веселом Париже»? – Тереза почувствовала себя неловко, а Лулу явно был доволен, говоря о кабаре.

– Да, это он, сеньор.

– Подождите, я сейчас выйду.

Несколько минут спустя Лулу Сантос уже был с ними на улице. Через сад видна была фигура женщины, закрывающей дверь, кротко она советовала Лулу: «Дождь моросит, будь осторожен». Сев в машину, Лулу сказал шоферу:

– Трогай, Тиан.

Тереза стала рассказывать, что произошло.

Каэтано был немногословен:

– Я ведь говорил Жануарио: остерегайся, кум, ищеек, это хуже змей, всё делают исподтишка. Но он уже не обращает внимания, он ведь всё в открытую...

Лулу позевывает, он еще не стряхнул сна.

– Нет смысла объезжать полицейские участки. Лучше сразу ехать к доктору Мануэлу Рибейро, начальнику полиции. Он мой друг и хороший человек.

И тут же нарисовал его портрет: знаток права, человек начитанный, широко образованный и не из трусливых, от него не отвертишься, он несправедливости не выносит, как и необоснованных преследований, конечно, если это не политические противники, но и в этих случаях не преследует ничего личного, а только исполняет свой долг чиновника, отвечающего за общественный порядок, это его административная обязанность. А сын его – расцветающий талант.

Несмотря на поздний час, в приемной начальника полиции горит свет, видны фигуры. Солдат военной полиции, как видно, тоскующий по тем временам, когда он был кангасейро²², охраняет вход, стоя в непринужденной позе, чуть прислонившись к стене. Но едва машина,

²² Наемник, бандит.

резко затормозив, останавливается, тут же, как по команде «смирно», выпрямляется и кладет руку на револьвер. И, только узнав Лулу Сантоса, расслабляется и, приняв прежнюю позу, с улыбкой говорит:

– Это вы, доктор Лулу? Хотите поговорить с начальником? Входите.

Тереза с капитаном Гунзой остаются в машине; шофер из чувства солидарности успокаивает их:

– Не беспокойтесь, дона, доктор Лулу освободит вашего мужа.

Тереза тихо засмеялась, ничего не ответив. А шофер продолжает рассказывать о Лулу. Он хороший человек, всё бросает, чтобы помочь тому, кто в его помощи нуждается, а какой умный! А когда он выступает в суде как защитник, нет такого общественного обвинителя, который мог бы противостоять ему, нет ни в Сержипе, ни в соседних штатах, а он уже выступал и в Алагоасе, и в Баии, и не только в провинциях, но и в столицах штатов. Любитель судебных разбирательств, шофер описывает во всех подробностях суд над кангасейро Маозиньей, одним из последних бродивших с винтовкой и патронами по сертану, куда приехал из Алагоаса, имея на счету много убитых, и совершил здесь, в Сержипе, еще несколько преступлений; так вот, судья поручил Лулу Сантосу защищать его в общественном порядке, бесплатно, так как у преступника гроша ломаного не было. Эх, кто на этом суде не был до конца – сорок семь часов вопросов и ответов, – тот не знает, что такое умный адвокат. Ведь как он начал, у, хитрец! Начал он с того, что указал пальцем на судью, потом на обвинителя, потом на одного за другим присяжных заседателей, потом на себя и воскликнул: «Кто совершил эти убийства, которые обвинитель приписывает Маозиньи, как ни сеньор судья, ни обвинитель, ни присяжные заседатели, ни я сам, да, да, это совершило наше с вами общество!» В жизни не слышал такой красивой защиты, да меня и сейчас мороз по коже пробирает, когда я вспоминаю. Представляете, что я тогда чувствовал.

Наконец Лулу Сантос, потягивая сигару «Святой Феликс», которой угостил его начальник полиции, появляется в дверях; сопровождая его, блюститель порядка громко смеется над какой-то рассказанной Лулу шуткой.

– В Центральное, Тиан.

Когда машина остановилась у дверей отделения, Жануарио уже выходил из них. Тереза бросается к нему, бежит, протянув руки, и повисает на шее великана. Капитан Жереба улыбается, смотрит ей в глаза, принятое им твердое решение – ну как можно не поцеловать её, когда она уже его целует? – исчезает. И всё же это был быстрый поцелуй, пока её спутники выходили из машины. Из дверей отделения на них глядят полицейские агенты. К несчастью, приказы начальника не подлежат обсуждению: «Освободить человека немедленно, а если кто его тронет, будет иметь дело со мной!»

Они его уже тронули – достаточно видеть отекий глаз Жануарио; драка, начавшаяся на улице, продолжалась в камере. Несмотря на необычное поле сражения для капоэйриста и отсутствие болельщиков, капитан Жереба не сплеховал: его побили, но и он побил. Когда эти подлецы его оставили, пообещав, что вернутся к утреннему кофе, как пошутил один из них, Жануарио был целехонек, хотя и здорово потрепан, здорово потрепаны были и агент полиции Алсидо, и детектив Агнолдо.

Мокеку ели все, включая шофера, который к этому часу пришел к решению не брать деньги за все их разъезды по городу, но взять ему всё-таки пришлось, так как капитан Гунза был щепетилен в денежных делах. Лулу же открыл у шофера еще один талант: Тиан сочинял самбы и марши и был чемпионом многих карнавалов.

Мокека шла под кашасу; адвокат пил её маленькими глотками, причмокивая, как всегда, Жануарио и Каэтано опрокидывали стопки и залпом выпивали, не отставал от них и шофер. Сидя подле Жану, Тереза брала еду пальцами – сколько лет она уже не ела так вот, как простой

люди, делая шарики из рыбы, муки и риса и макая их в соус? Как только они оказались на баркасе, Тереза, несмотря на отказ Жануарио, сделала ему примочку под правым глазом.

Быстро справившись с первой бутылкой, они принялись за вторую. Лулу явно переел; он очистил три тарелки. Шофер Тиан после кашасы и мокеки пригласил всю компанию к себе домой на фейжоаду²³ в воскресенье и обещал спеть под гитару свои последние сочинения. Его дом – дом бедняка, простой, без претензий, но фасоль и дружеское отношение в достатке. Приняв приглашение, Лулу удобно устроился на палубе и заснул.

Было четыре утра, слабые лучи света начинали рассеивать еще густую черноту ночи, когда Жануарио Жереба и Тереза Батиста, сидя в машине Тиана, покатались в Аталайю; машина виляла – сказывалась выпитая Тианом кашаса.

Без гитары (без гитары много хуже – пояснил шофер) Тиан спел самбу о суде над бандитом Маозиньей, сочиненную в честь Лулу Сантоса и его прекрасной защиты.

Ах, сеньор доктор,
Кто убил, тот был сеньор...
Нет, не только кто стрелял,
Каждый, каждый убивал:
Обвинитель, вы, судья, и, конечно, с вами я,
Голод, холод и беда
С нами, бедными, всегда...

Он разводил руками, жестикулировал, чтобы произвести должное впечатление, временами отпуская руль, и машина без управления скользила, угрожая свалиться в канаву, но в эту ночь никакая авария не могла произойти: эта ночь – капитана Жеребы и Терезы Батисты. Такой супружеской паре можно только позавидовать, они горячо любят друг друга, так считает шофер Тиан, беря руль машины в свои крепкие руки. Вон они идут по узкой дорожке, Тереза прижимается к груди Жануарио, ежась от свежего предрассветного ветра.

И вот перед ними открылось море.

²³ Фейжоада – национальное бразильское блюдо из фасоли, риса, мяса.

9

Ах, вздохнула Тереза. Они лежали на песке, волны окатывали их ноги, занималась заря. Наконец Тереза поняла, что за запах исходил от груди великана, – это аромат моря. Запах и вкус моря.

– Почему ты меня не хочешь? – спросила Тереза, когда они, взявшись за руки, побежали к пляжу, чтобы уйти от машины, в которой шофер захрапел победным храпом.

– Потому что я люблю тебя и хочу с того самого момента, как увидел в кабаре разъяренной, уже там я почувствовал, что влюбился, и именно поэтому избегаю тебя, не даю волю рукам, сжимаю губы, стараюсь смирить сердце. Потому что хочу тебя на всю жизнь, а не на мгновение. Ах, если бы я мог взять тебя с собой, ввести в свой дом, надеть тебе на палец обручальное кольцо, увезти навсегда! Но это невозможно.

А почему невозможно, капитан Жануарио Жереба? Будет кольцо на моей руке или нет, для меня не имеет значения; а вот навсегда с тобой – это да. Я свободна, и ничто меня не держит, и ничего другого я не желаю.

Но не свободен я, Тета, считай, что в кандалах. У меня есть жена, и оставить её я не могу: она тяжело больна. Я увел её из отцовского дома, дома с достатком, и от жениха-коммерсанта; она ко мне хорошо относится, стойко перенесла все трудности, никогда не жаловалась, работала и улыбалась, улыбалась даже тогда, когда нам нечего было есть. Парусник я сумел купить только потому, что она работала, не думая о своем здоровье, работала день и ночь, день и ночь, сидя за швейной машинкой, и мы сделали первый взнос. Жизнь – штука сложная, у жены началась чахотка. Она хотела ребенка, не получилось, но никогда ни единого слова жалобы. То, что я зарабатываю на паруснике, уходит на лекарства и на врача, чтобы длить болезнь, но не покончить с ней, и всегда не хватает денег. Когда я увел её из дома, я ошивался в порту, ни кола, ни двора, ни ума у меня не было. И та, которую я любил и желал и которую украл у семьи и богатого жениха, была здоровой, веселой, красивой, а теперь она больна, печальна и некрасива, и все, что у нее есть, – это я, никого и ничего больше, не могу же я её выбросить на улицу. А тебя я хочу не на день или ночь, не для того, чтобы утолить желание, а на всю жизнь и ничего не могу сделать. Не могу, я связан по рукам и ногам. Вот почему я тебя не тронул, не сказал тебе о любви. Вот только не сумел убежать сразу и больше не возвращаться, так хотелось запомнить тебя всю целиком – смуглое лицо, крепкую руку, стройную фигуру, красивые бедра, – чтобы потом, находясь в море и вглядываясь в него, вспоминать тебя.

Ты честный, Жануарио Жереба, и сказал всё, как должен сказать настоящий мужчина. Жану, мой Жану в кандалах, как жаль, что мы не можем быть вместе навсегда, до самой смерти. Но, если мы не можем быть вместе навсегда, до самой смерти, пусть будет нашим один день, один час, одна минута! День, два, несколько дней для меня станут целой жизнью, секундами, часами, днями любви, даже если потом я буду страдать от тоски, желания и одиночества и безнадежно мечтать о тебе. Пусть так, я хочу быть с тобой сейчас, сию минуту, без промедления и отсрочки. Сегодня и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра, в воскресенье, понедельник, во вторник, днем, ночью, когда угодно, на любом подходящем ложе: мягком, жестком, на земле, на пляже, в лодке, на берегу моря, где бы это ни было, лишь бы мы были в объятиях друг друга. Потом будь что будет, я хочу тебя и буду твоей, Жануарио Жереба, капитан парусника, великан, морской гриф, моряк из Баии, моя роковая судьба.

Море было без конца и края, то зеленое, то голубое, то зелено-голубое, то светлое, то темное, то светло-темное, синее, небесное, оливковое, и поскольку Жануарио Жеребе одного моря было мало, он заказал еще луну из золота и серебра – этот висящий на небе фонарь, освещающий тела отдавшихся друг другу влюбленных; когда они пришли, их было двое, теперь

они одно, единое существо на безлюдном песчаном пляже, прикрытые разве что набегающей морской волной.

Тереза Батиста с расчесанными морскими волнами волосами, мокрым ртом, мокрыми торчащими грудями, мокрой звездой пупка, мокрым, покрытым черными водорослями лобком – ах, любовь моя, пусть я умру у самого моря, у твоего Саргассова моря, твоего моря, где можно как разойтись кораблям, так и потерпеть кораблекрушение. Кто знает, может, мне суждено утонуть в твоём море в Баии, соскользнув с кормы твоего парусника? Твои соленые губы, Жану, твоя грудь – как киль корабля и поднятый парус на мачте; в волнах моря вновь родилась девственница, невеста и вдова моряка, она вся в пене и водорослях и в вуали тоски, ах, моя морская любовь!

10

О национальности Терезы Батисты, мой уважаемый, ничего точно я сказать не могу. Знатоки в этом вопросе имеются, некоторые из них – образованные люди, окончившие университеты, другие еще учатся, они-то как раз этим и занимаются, расследуют с помощью науки и отваги бабушек и дедушек истоки своего появления на свет и получают неплохие результаты, не знаю, сколь точные, но, без сомнения, приятные для внуков; я даже знаю одного смельчака, который своим предком считает Огуна. Представляете, сколь дотошным оказался исследователь, который раскопал подобную родословную, скорее всего, это сделал человек заинтересованный и отважный, не доверил кому-то третьему столь щекотливого дела.

Как вам известно, уважаемый соотечественник, здесь, в Бразилии, смешались все национальности и расы, чтобы создать одну – бразильскую. В любой черте лица, в походке, во взгляде, в манере поведения тот, у кого острый глаз и есть определенные знания, что-нибудь, да найдет, что говорит о смешении рас и родственных связях, близких или далеких. Обратите внимание хотя бы на восторги двоюродного брата Огуна, не будучи бастардом, он считает, что Огун и Ошосси посещали девственников с Баррокины. Если вам покажется это выдумкой, обратитесь к художнику Карибе, это он распространяет очаровательные истории, объявляя праотцом Ошосси, что, в общем-то, справедливо, и правильно делает.

Говоря о Терезе Батисте, кем уважаемый интересуется, скажу, что ходит много разных мнений и очень противоречивых. Это предмет долгих, неустанных споров за кашасой и за беседой. Многие считали, что она из тех, кого завезли из Африки. Некоторые распознают в ней цыганку, гадающую по руке, воровку лошадей и маленьких детей, носящую в ушах монеты, а на руках золотые браслеты и, конечно, танцующую. По мнению других, она с островов Зеленого Мыса – черты лица индианки, определенная сдержанность там, где меньше всего ждешь этого, и черные струящиеся волосы. Из наго, ангольцев, деде, кабида, во всяком случае, по красоте похожа на анголку. Так кто же она по крови, какая может быть смесь при таком медном цвете кожи? И есть, конечно, примесь португальской. Да и у кого же здесь, в Бразилии, её нет? Во мне вы негра не видите? К примеру, кто, как не португалец, военный португалец, был первым в постели моей бабушки!

Дружба Микелины, прабабушки Терезы, обошлась дешево бродячему торговцу в зарослях кустарника. Когда я говорю «бродячий торговец», то надеюсь, нет нужды пояснять, что речь идет об арабе, сирийце или ливанце, кого мы, в общем-то, всегда называем турками. Сертан, откуда родом Тереза, метит своих людей, вот потому-то трудно сказать, кто здесь из Баши, кто из Сержипе, особенно если бродячий торговец прижимал к своей груди аппетитную крестьянку. Сколь способна подсказать память, все родственницы Терезы всегда обращали на себя взгляды мужчин и поднимали дубинку мертвого, чем так же отличается Тереза, хотя я уже слышал от одного болтуна, что она страшна и уродлива и мужчин приманивает чарами, ворожбой, колдовством или умением в постели, а вовсе не красотой. Вот видите, сколь противоречивы людские мнения, и после всего этого вы хотите, чтобы люди верили очевидцам и старым историческим книгам?

Так вот, совсем недавно слышал я в одной забегаловке на рынке, как один хвастун рассказывал нескольким сеньорам из Сан-Пауло и одной розовощекой – истинное наслаждение для богатого, – улыбающейся, ах, будь я не женатым... Так вот, как я говорил вам до того, эта сеньора – ухоженный цветок Сан-Пауло, обратила на себя моё внимание, болтун этот, вполне современный молодой человек, не очень изощренный во лжи, но желающий выпить чашку кофе с заезжими посетителями, убеждал, что Тереза – блондинка, светлая мулатка и толстая; единственное, что он сказал верно, что она храбрая, однако вскоре он покончил и с её храбростью и славой, сказав, что однажды, когда Тереза пыталась развязать драку на улице, он

призвал её к порядку бранью и окриками – вот так! Здесь, на рынке Меркадо-Модело, мой уважаемый, люди слышат ужасные вещи, ложь, которую надо прибивать к стене русским молотком и балочным гвоздём.

Если бы я был знатным аристократом, оставил бы я это занятие – выяснять происхождение; что пользы знать, течет ли в жилах Терезы кровь малийцев или ангольцев, подсуетился ли здесь араб, или то были цыгане, помогавшие на ферме? Мне рассказывал один молодой человек, что есть такая донна Магда Мораис, так вот она, поддерживаемая сестрами, говорила, что Тереза – негритянка, глупая и тупая. И блондинка, и негритянка, и не имеющая себе равных красавица, и страшная уродина; на рынке о ней судачат не переставая; в забегаловке я слушаю и молчу, кто, как ни я, знает о ней всё, не так ли, кум?

О расовой принадлежности Терезы больше я не скажу ни слова, я не побожусь, что она не Янсан; не её двоюродная сестра, может быть, следующая по воде за родственником Огуном. Что же касается вашей собственной национальности, мой уважаемый, не стоит далеко ходить за правдой, я сей же момент могу сказать о главном в бразильской нации. Под белизной кожи я слышу глухой звук негритянских барабанов – вы, скорее всего, лорд из нации светлых мулатов, так называемых белых баиянцев, это говорю вам я, Камафеу де Ошосси, оба де Шанго, поселившийся на рынке Модело в бараке Сан-Жорже в городе Баии – тупе земли.

11

Какими же трудными были дни Терезы Батисты, ей приходилось делить их между Жоаной дас Фольяс, Флори Хвастуном, «Веселым Парижем» и капитаном Жануарио Жеребой, Жану, как слышалось ей в ласково дующем ветре, в голубином ворковании, в рокоте моря, в любовном шепоте самой Терезы. Ухаживание поклонников, необходимость посещать кабинет дантиста, настойчивые домогательства Венеранды – всё это делало день Терезы еще труднее.

Около десяти утра Тереза выходит у ворот дома Жоаны дас Фольяс на остановке, которую специально для неё делает шофер битком набитого маринетти. К этому часу большая часть работы трудового дня Жоаны уже сделана, нанятый ею парень с корзинками овощей садится в первый маринетти и отправляется к покупателям на многолюдные улицы. Копавшаяся в земле, половшая, собиравшая, удобрявшая еще до восхода солнца Жоана теперь идет мыть руки.

Они с Терезой садятся за обеденный стол, положив на него карандаш, ручку, перья, чернильницу, книгу, тетради, и приступают к работе решительно и настойчиво. Терезе эта работа не в новинку; в Эстансии на тихой улице с редкими прохожими она уже обучала грамоте детей Лулу и Нины, к которым тут же присоединялись двое малышей из дома напротив, чаще всего их становилось семеро, они окружали Терезу, садились вокруг нее на корточки, а она улыбалась им и журила почти по-матерински. В то доброе и веселое время Тереза сама знала немного и немногому могла научить, тому же, что Тереза знает теперь, она обязана таким счастливым и добрым дням, какими недобрыми и мучительными были все остальные дни её жизни, до и после дома доктора Эмилиано Гедеса. Конечно же, в том была заслуга и сельской учительницы Мерседес Лимы, которая в те годы, так же как и Тереза позже, знала не очень много, но хорошо обучала. На утренних занятиях, с десяти до одиннадцати утра (исключая дни, когда доктор оставался дома), были урок и пикник; Тереза давала детям букварь, таблицу умножения, тетрадь для чистописания и завтрак: хлеб с сыром, домашние сладости, фрукты, шоколад и газированную воду.

Малыши почти все, как когда-то она в классе доны Мерседес, были остроумны и непоседливы, но кое-кто – дикий и твердолобый, однако ни один не мог соперничать с Жоаной дас Фольяс. Не то чтобы она была глупой или тупой, наоборот, очень сообразительная. И когда Лулу Сантос посвятил её в план действий, она тут же всё поняла. Но приняла предложение Лулу не сразу, ей оно не очень понравилось. Она женщина честная. Лучше, если она заплатит мерзавцу восемь конто, данных ей взаймы, ну, и грабительские проценты, как и было договорено, но адвокат не согласился, объяснив, что либо всё, либо ничего. Ведь, чтобы заплатить реально взятые в долг деньги, Жоана должна была признать по меньшей мере хоть часть подписанного ею документа действительным и разоблачить подделку цифр. А как это сделать? К несчастью, это невозможно. Единственно возможным, как считал Лулу Сантос, было то, что предлагал он, а предлагал он не признавать поставленную подпись, не признавать документ вообще, обвинить Либорио в мошенничестве и обмане. Никогда она не брала ни одного тостана в долг и ничего не должна. Она умеет читать, писать и может поставить свою подпись, и готова это доказать немедленно, в присутствии судьи. Он же, Лулу, хочет только одного: увидеть выражение физиономии этого мерзавца.

Так что из двух возможных следовало выбрать одно-единственное, а именно: либо признать документ, после чего земля сейчас же будет конфискована и пойдет с молотка прямо-хонько в руки Либорио – мы не можем доказать подделку цифр, – и Жоане дас Фольяс придется работать, как рабе, теперь уже на земле Либорио, той самой земле, которую она полила своим потом, будучи хозяйкой, или идти с протянутой рукой по улицам Аракажу, либо объявить документ фальшивым, что спасет её землю от какой-либо угрозы, ей не нужно будет отдавать долг, а мерзавец не получит ни тостана, и это решение идеальное. Побужденная убедитель-

ными доводами Лулу, Жоана в конце концов согласилась. В таком случае, считала Жоана, приготовленные ею деньги для выплаты долга пойдут Лулу как гонорар, а то ведь доктор так и не получит оплаты за свое милосердие, взявшись за такой случай, который не сулил ему никакого вознаграждения. И это не так, моя дорогая, все судебные издержки и гонорар выплатит этот негодяй, если приговор будет справедливым, каковым он должен быть. В глубине души Жоане нравилась мысль проучить Либорио за подделку документа; хитрость у неё, как у крестьянки, была в крови, она понимала, что её сообразительность облегчит ей обучение алфавиту, слогам, чтению.

Между тем руки Жоаны были не такими уж ловкими и быстрыми, как её голова, способная разгадать хитрость и коварство. Они были как две мозоли, два комка сухой земли с корявыми пальцами, похожими на корни дерева, привыкшими к лопате, мотыге, тяпке, ножу, топору, но никак не к карандашу или ручке, нет!

Она только и делала, что ломала карандаши, искривила столько перьев, испортила тонну бумаги, но в этом марафоне против времени и неловкости рук Жоаны Тереза держалась удивительно спокойно, и Жоана, убежденная доводами Лулу Сантоса, трудилась с железным упорством. Чтобы облегчить Жоане задачу, Тереза, положив свою руку поверх её, водила рукой Жоаны, стараясь придать ей необходимую легкость и уверенность в движении.

Так трудилась Тереза над рукой Жоаны до трех часов дня, отвлекаясь разве что на легкий завтрак. Утомительный, но вдохновенный труд: каждую минуту нужно было подбадривать ученицу, говоря о явном прогрессе, не дать впасть в уныние, предотвращать неудачи, поддерживать дух, преодолевать усталость и соблазн отступить. А Жоана? О, для неё это было непомерным напряжением сил! Иногда она выкрикивала имя Мануэла, прося прийти на помощь, иногда кусала свои руки, чтобы наказать их, а когда вдруг ей удавалась буква «j», плакала от радости.

В три часа дня на том же марионетти Тереза ехала к дантисту, от дантиста на репетицию в «Веселый Париж», где её поджидал тоже после трудового дня Жануарио: он работал на погрузке, наводил чистоту на баркасе, подкрашивал его, проверял парус, словом, готовил «Вентанию» к отплытию. В секрет Лулу Сантоса и Терезы – обман и контробман (нет ничего приятнее, говорил Жануарио, чем обмануть обманщика) – посвящен был только он один. Не удостоился такой чести даже Флори, всё время поторапливавший дантиста и ясно видевший высвечивающуюся перспективу своей любовной связи со Звездой самбы, потому что капитан баркаса, без сомнения, взял крепость, Тереза сражена, влюблена и глупо хихикает. И, согласно тому, что Хвастун, как я уже говорил выше, человек многоопытный и в жизни, и с женщинами, он просто не сдастся и не приходит в уныние: днем раньше, днем позже, когда наконец погрузка сахара на баркас завершится, паруса и якорь будут подняты, легкая «Вентания», отдав швартовы, возьмет курс на Баию. Наигрывая на пианино самбу, Флори без боли в сердце посматривает на стоящего наверху лестницы великана: он ведь только согревает ему постель; не бывает сладострастней постели, чем постель покинутой женщины.

С появлением Жануарио поэт преследует разве что ускользающий призрак, несостоявшуюся идиллию, мимолетную мечту, увековеченную в поэмах, вдохновенных девушкой цвета меди, и страстных роковых стихах. Молчаливый, с обращенным в глубь себя взглядом художник стремится удержать в памяти незабываемый образ в любом проявлении, будь то тяжелое прошлое или сегодняшняя жизнь: балерина, женщина с цикламеном, девственница сертана, дочь народа. В стольких картинах, под столькими названиями он изобразил лицо Терезы!

После репетиции в седьмом часу Тереза возвращается к Жоане дас Фольяс, но уже в сопровождении Жануарио, и урок продолжается. Обе усталые, рассеянные, не имеющие ни минуты передышки. В эти трудные дни Тереза и Жоана подружились. Негритянка рассказала Терезе о своем муже, крепком, обращавшем на себя внимание крестьянине, добряке, печалившемся только по поводу сына, в котором он хотел видеть продолжателя своего дела,

обрабатывающего землю, увеличивающего её размеры под сад и огород, которая постепенно превратится в фазенду. Он так и не простил бегства сына. Красивый и пылкий, он любил подкручивать густые усы и никогда не заглядывался на других женщин; Жоана была для него всем. Когда он умер, Жоане был сорок один год, из которых двадцать три она прошла рядом с Мануэлем Франса. После смерти мужа у нее наступил климакс. Как женщина она, похоже, умерла вместе с ним.

В минуты отдыха Лулу Сантос навещал Жоану дас Фольяс с единственной целью: увидеть прогресс в её обучении и узнать, сколь он велик. Поначалу он приходил в уныние: руки Жоаны дас Фольяс годились только для обработки земли, разбрасывания навоза, для лопаты и мотыги, ей никогда не научиться писать своё имя; времени остается не так много, судебное разбирательство на носу, адвокат Либорио, этого подлеца, всё время поторапливает судей. Спустя какое-то время Лулу воодушевился, к нему вернулся оптимизм. Теперь находившаяся в руке Жоаны ручка не рвала бумагу, клякс стало меньше и благодаря Терезе из-под пера Жоаны начинали рождаться буквы.

Теперь уже Тереза не водит рукой Жоаны и после восьми тридцати прощается с ученицей (в битком набитом маринетти она возвращается, осыпаясь поцелуями Жануарио, и для них наступает ночь любви), а ученица снова и снова пишет алфавит, слово за словом, своё собственное имя сто, тысячу раз, без счета. Кляксы остались в черновике, каракули с каждым днем преобразуются в хорошо написанные буквы. Так Жоана дас Фольяс старается защитить всё, чем владеет: маленький земельный надел, на котором трудился её Мануэл, а она превратила его в образцовое хозяйство, где произрастают всякий овощ и всякая зелень, где плодоносят фруктовые деревья, ведь земля – её кормилица, наследство, полученное от мужа, которое поможет ей поддержать безрассудного, неблагодарного и столь горячо любимого сына.

12

До чего же нынешние девицы неразумны и легкомысленны, не думают о завтрашнем дне, рассуждает в разговоре с Лулу Сантосом Адриана и покачивает курчавой головой.

– Глупая, отказывается от своего счастья...

Этим счастьем был промышленник и сенатор.

Лулу Сантос пришел навестить Терезу, но попал на старуху, которая разоткровенничалась:

– Тереза почти не бывает дома, сразу после утреннего кофе уходит и весь день до ночи бегает за этим проклятым парнем. Такая красивая девушка да с такой фигурой здесь, в Аракажу, могла бы иметь всё, что пожелает, в городе столько достойных мужчин с положением, деньгами, пусть женатых, но готовых содержать или покровительствовать таким, как Тереза.

Она, Адриана, не умерла от любви к Венеранде, нет. Лулу знает причины, но надо сказать правду. На этот раз Венеранда вела себя очень деликатно: попросила Адриану уговорить Терезу встретиться, и знаете, с кем, Лулу? Попробуйте догадаться! Она даже понизила голос, произнося имя промышленника, банкира и сенатора Республики. И за один вечер, проведенный с Терезой в постели, за один только вечер он предложил неплохие деньги. Похоже, он положил глаз на Терезу давно, еще когда она жила в Эстансии, старая страсть, подогретая на медленном огне (простите, Лулу, за сказанное, повторила слова Венеранды). Венеранда обратилась к Адриане как к посреднице, обещая ей неплохие комиссионные. Терезе же – кучу денег и еще, если ему понравится любовь Терезы (а она ему понравится), богато обставленный дом. Тереза получит всё, что пожелает, а она, Адриана, будет довольствоваться малым. Но Тереза глупая, и где у нее голова? Не только отказалась, но, когда Адриана стала настаивать – надо же было сдержать слово, данное Венеранде, – пригрозила, что снимет комнату в другом доме. Ну разве не дурость – пренебрегать самым богатым человеком в Сержипе и бегать за ничтожным морячком, ну где такое видано? Ах, эти нынешние пустоголовые девчонки, совсем не хотят думать о том, кто им платит, а только о зазнобе, каком-нибудь бедняке. Главное забывают – деньги, а ведь миром правят только деньги, ну, а потом эти дурочки кончают жизнь в больницах для неимущих.

Лулу Сантоса забавляет негодование старухи, и еще больше – неотступное желание получить обещанные Венерандой комиссионные. Выходит, старая Адриана, женщина с убеждениями и сдержанная, превращается в сводню, находящуюся на службе всем известной содержательницы дома свиданий в Аракажу? И откуда у неё подобная профессиональная гордость?

– Лулу, времена трудные, а деньги ведь не пахнут.

Адриана, милая Адриана, оставь девушку в покое. Тереза цену деньгам знает, не обманывайся, но знает и цену жизни и любви. Думаешь, только сенатор преследует Терезу, держа в одной руке бумажник, а в другой свою палку (простите, повторил выражение Венеранды)? Еще есть поэт, сочиняющий стихи, каждая строка которых стоит миллионов промышленника. И если Тереза не принадлежала поэту, почему она должна принадлежать хозяину текстильной фабрики? Да и меня она не любит, хотя я – сладенькое для женщин Аракажу, но любит того, кто мил её сердцу. Оставь Терезу в покое на короткое время любви и радости и приготовься к тому, чтобы приласкать её, согреть дружбой, когда завтра или чуть позже, через несколько дней, моряк уедет и для Терезы начнется время такого горького ожидания, что она станет грызть край ночного горшка (простите это грубое выражение нашей утонченной Венеранды).

Обещать Адриана обещала – она будет сестрой и матерью для Терезы, осушит её слезы (Тереза плачет редко, моя милая старушка), хотя девчонка, ветреная голова, во всём сама виновата; предложила ей плечо и сердце. Но всё же есть маленькая надежда: а что, если Тереза,

оставшись одна, холодно рассудит и решит принять предложенные сенатором, отцом города, большие деньги? Адриана и грошу будет рада.

13

– Об отъезде ты мне скажешь накануне, – попросила Тереза, – не хочу знать заранее, когда это случится.

Между тем они всё так же вместе, точно решили не расставаться ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем, точно «Вентания» навсегда бросила якорь в порту Аракажу. На пляже, в роще кокосовых пальм, на укывшемся в кустах островке, в комнате Терезы, на борту баркаса все эти дни у них праздник любви. Воздух Сержипе полнится их любовными вздохами.

Жануарио не оставляет Терезу, неотступно следуя за ней по пятам: вот он на репетиции учит её приемам капоэйры, играм гибкого тела, придающим еще робкой самбе Терезы дерзость, красоту и грацию под барабанную дробь самбы, самбы Анголы, которую ей показывает капитан баркаса, мастер капоэйры, участник афоше.

С большим интересом следит за малейшими успехами Жоаны дас Фольяс, весело смеется, когда наконец овладевшая своей рукой, хорошо держащей карандаш и ручку, Жоана снова рвет бумагу, разбрызгивает чернила, но выписанные буквы остаются четкими. На вечернем уроке все трое: Тереза, Жануарио и Жоана дас Фольяс – обязательно над чем-нибудь посмеются.

Они целуются в автобусе, гуляют в порту, взявшись за руки, присаживаются поболтать на Императорском мосту и на корме «Вентании». Однажды вечером Жануарио привел Терезу на борт и вышел в море; бросив весла и не обращая внимания на раскачивающие лодку волны, они, обрызгиваемые водой и смеющиеся от счастья, отдались друг другу, а лодка, легко скользя, спустилась вниз по реке. Потом, привязав лодку к берегу на острове Кокосовых пальм, они сошли на берег, чтобы найти укромное местечко. В эту ночь в Аталайе они любовались восшедшей луной, потом, сбросив одежду, вошли в море, и Тереза в морской соленой пене забылась в руках любимого.

– Теперь ты не Янсан, Янсан ты была в драке. Ты – Жанаина, Царица вод, – сказал ей Жануарио, бывший запанибрата с ориша.

Терезе хотелось расспросить его о паруснике «Цветок Вод», о его плаваниях, о реке Парагуас, об острове Итапарика, о портах, в которых он бывал не раз, о жизни там, в Баии. Но с той первой ночи в Аталайе, когда он рассказал о своей жене, они больше не говорили ни о парусниках, ни о реке Парагуас, ни о Магоражипе, Санто-Амаро и Кашоэйре, как и о бухте Всех Святых – Баии и её пляжах и островах. А только об Аракажу: о судебном процессе Жоаны дас Фольяс и уже назначенной дате, о «Веселом Париже», о репетициях её танцевальных номеров, её дебюте, что вот-вот состоится, и золотом зубе, над которым трудился Жамил Нахар – то ли дантист, то ли скульптор. Художник зубных протезов, и этот протез – его главное произведение. Разговаривали, точно не собирались разлучаться, точно их жизнь замерла в дивный час любви.

В воскресенье, как было условлено, они вместе с Лулу Сантосом и капитаном Гунзой пришли на фейжоаду в дом шофера Тиана. Много приглашенных, среди них шоферы такси, музыканты-любители с гитарой, флейтой и кавакиньо, соседки, шумные приятельницы жены Тиана. Кашаса и пиво, газированная вода для женщин. Ели, пили, пели, потом стали танцевать под радиолу. Все считали Жануарио и Терезу мужем и женой.

– Эта красотка – жена того великана!

– Человек моря, сразу видно.

– А она лакомый кусочек!

– Изюминка, Кавалканти, только не вздумай приставать к ней, у неё вон какой защитник!

Жена моряка – кто же не знает, что это такое! Очень скоро становится вдовой, если муж гибнет в море и уходит к Жанаине. Любовь моряка – что морской прилив. Не потому ли, что она, как морской прилив, Тереза и боится её быстрого отлива.

Расплата тяжела – траур до гроба, и всё же она рада приходу утра любви, пусть очень дорогой ценой, всё равно это дешево!

14

По знаку нотариуса все присутствовавшие в зале суда встали – наступил торжественный момент оглашения приговора. Поднявшийся вместе со всеми, судья стрельнул глазом в Лулу Сантоса. Лицо народного защитника сумрачно, но хорошо скрываемое удовольствие оттого, что дан отпор обману, надувательству, подделке, грабежу, наконец, преступлению, не ускользает от почетнейшего доктора Бенито Кардозо, судьи с блестящей карьерой, имеющего печатные труды, статьи и публикуемые в журнале «Суд в Сан-Пауло» приговоры. Вот как отозвался о докторе Бенито Кардозо известный юрист, профессор Руй Антунес, который был вызван из Пернамбуко в Сержипе по случаю сложнейшего уголовного процесса: «Доктор Кардозо кроме глубокого знания уголовного права владеет удивительным знанием людей».

В глазах народного защитника – искорки хитрости, ведь всё судебное заседание было не чем иным, как комедией обмана, но, если разоблачение вора требует лжи и обмана, благословенны будьте, ложь и обман. Наконец-то Лулу Сантос, этот хитрый лис, презрев все предрассудки и букву закона, схватил-таки за руку самого отвратительного биржевого спекулянта города, настойчиво добивавшегося от суда признания своей правоты в абсолютно обманном деле. Сколько же раз доктор Кардозо был вынужден его оправдывать за отсутствием доказательств, хотя знал, что виновник он? Четыре раза – это он помнил. Прекрасные показания Лулу и свидетельниц не потребовали ничего больше, чтобы вынести приговор. Когда всё было закончено, судья только из праздного любопытства желал узнать то единственное, что его интересовало.

Он поднимает глаза на Либорио дас Невеса, смотрит серьезно, без осуждения и неприязни. Рядом со спекулянтом лукавый бакалавр Сило Мело, адвокат тюрьмы, который ясно видит во взгляде судьи, что дело проиграно. Даже этот зубастый защитник истца помнит обманы и кражи. Почтеннейший судья профессионально поставленным голосом зачитывает приговор. Голос звучит четко и весомо, в предваряющих решение мотивировках Либорио дас Невес уничтожен, смят, как проткнутый наконец мешок; глаза Лулу Сантоса с нетерпением следят за выражением лица Либорио, этого мешка с дерьмом. Торжественный голос почетнейшего доктора Бенито Кардозо чеканит каждый слог, каждую букву, особенно в заключение:

– «Исходя из вышесказанного и представленных в суд документов, объявляю настоящий иск Либорио дас Невеса к Жоане Франса несостоятельным ввиду неправоиспособности документа, на котором основано прошение. Подобное решение после признания документа фальшивым принято окончательно и обжалованию не подлежит, копия решения отправляется в орган Министерства юстиции. Все судебные издержки взимаются с истца в десятикратном размере, как и двадцатипроцентная надбавка от установленной суммы гонорара коллегии адвокатов, поскольку речь идет о бесчестной тяжбе».

– Я хочу только видеть рожу Либорио, – сказал Лулу Сантос Терезе Батисте в тот памятный вечер в доме старой Адрианы, когда они согласовывали план действий. Но он увидел не только искажившуюся рожу мерзавца и покрывшуюся холодным потом, но и услышал страшный крик гнусавого подлеца и почувствовал себя, Терезу и Жоану дас Фольяс отмищенными.

– Протестую! Протестую! Меня предали, это заговор, заговор против меня, меня обкрадывают! – кричит потерявший себя от отчаяния Либорио.

Судья еще не закрыл заседания. Все еще стоя, он указывает на него угрожающим перстом.

– Еще одно слово – и я прикажу запротоколировать сказанное и задержать вас за неуважение к суду. Судебное разбирательство объявляю закрытым.

Либорио проглотил свой мерзкий язык; бакалавр Сило Мело, мышинная морда со встревоженным видом, не поняв даже половины того, что произошло на заседании, тянет своего клиента к выходу. Присутствующие уходят, нотариус берет под мышку большую черную книгу,

где записано решение суда. Наконец, оставшись наедине с народным защитником, уже берущим костыли, старый его друг судья, снимая судейскую мантию, шепотом спрашивает то, что его особенно интересует, всё остальное яснее ясного:

– Так скажите мне, Лулу, кто же научил эту негритянку подписываться?

Лулу Сантос медлит с ответом, судья подозрительно смотрит на него.

– Кто? Дона Кармелита Мендонса, она же здесь сказала совсем недавно, дав клятву говорить правду и только правду. Женщина честная и уважаемая во всем Сержипе, учительница наша общая и ваша тоже, это неопровержимая правда.

– А кто её опровергает? Если бы я хотел это сделать, сделал бы на процессе. Моя учительница, верно. И ваша тоже, вы были её любимым учеником, так как были умным и...

– Калекой... – засмеялся Лулу.

– Ну, так. Послушайте, Лулу, теперь заседание суда закончилось и приговор вынесен. А ведь дона Кармелита никогда не видала этой негритянки, во всяком случае, до того, как она вошла в зал суда. Понимаю, что вы рассказали ей всю правду и убедили её прийти в суд, и она хорошо сделала, что пришла. Этот Либорио – омерзительный тип и заслуживает преподанного ему урока, хотя и не верю, что он пойдет на пользу: горбатого только могила исправит. Но, сеу Лулу, кто же всё-таки тот гений, который сумел научить эти руки – вы обратили внимание на руки вашей подопечной, Лулу? – так чисто, без помарок писать буквы?

Народный защитник, улыбаясь, взглянул снова на судью, уже без тени подозрения и с полным доверием.

– Если я скажу вам, что это была волшебница, то не погрешу против правды. Не будь вы столь уважаемым судьей, я бы пригласил вас в ближайшую пятницу в кабаре «Веселый Париж» и там бы представил вам девушку.

– Девушку? Женщину-даму?

– Ее зовут Тереза Батиста, необыкновенная красавица, мой дорогой. И дерется она еще лучше, чем пишет.

Сказал и оставил судью размышлять в одиночестве над удивительными явлениями жизни, иногда почти невероятными: этот процесс, хотя и был соткан из сплошных надувательств, вывел на чистую воду мерзавца и был справедливым. Опираясь на костыли, Лулу Сантос быстро пошел навстречу бакалавру Сило Мело, который поджидал его, раздавленный и униженный, ища поддержки. Уже за дверью народный защитник открыто веселился: ах! Морда Либорио в дерьме!

15

Комедия обманов, как назвал процесс почтеннейший, превратила судебное разбирательство в фарс, где каждый с удовольствием играл свою роль, за исключением истца Либорио дас Невеса, который из бледного превратился в мертвенно-бледного и потерял самообладание в самый неподходящий момент. Народный защитник в эйфории от победы пустился в риторику: здесь, в зале суда, восторжествовала справедливость, виновник наказан, правосудие свершилось.

Ради всего этого стоило так трудиться, как трудился Лулу Сантос. Он отправился к уважаемой учительнице Кармелите Мендосе и всеми силами пытался уговорить её пойти в суд:

– Дорогая учительница, я пришел просить вас предстать перед судьей в качестве свидетельницы и дать ложные показания...

– Ложные показания, Лулу, вы в своем уме? Вечно вы со своими шуточками... Я никогда не лгала, за всю свою жизнь, и теперь не буду. И тем более в суде...

– Сказать неправду, чтобы спасти правду и разоблачить преступника, уберечь от нищеты одну бедную женщину, вдову и большую труженицу, у которой хотят украсть то небольшое, что она имеет... Чтобы избежать нищеты, эта женщина, которой уже пятьдесят лет, научилась за десять дней читать и писать. Ничего подобного я в жизни не видел...

Лулу описал всю драматическую историю во всех подробностях, от начала до конца. Учительница Кармелита, уйдя на пенсию, посвятила себя проблеме неграмотности взрослых и очень скоро сделалась цитируемым авторитетом, написав на эту тему много работ и диссертацию. Слушая с нарастающим интересом рассказ Лулу, она живо себе представила старую негритянку, согнувшуюся над листом бумаги и всеми силами старающуюся овладеть пером и чернилами, и была покорена способностями Жоаны дас Фольяс.

– Нет, вы не придумали, Лулу, эту историю, это правда. Рассчитывайте на меня и приходите за мной в день суда, я скажу то, что вы хотите.

Судья знал, что Лулу борется с Либорио его же оружием – ложью и ложными свидетельствами, чтобы любым возможным способом отрицать подлинность документа, представленного как основание иска, объявив его поддельным от начала до конца. Никогда его подопечная не брала денег в долг у истца, никогда не была ему должна, это можно легко и просто проверить, как неопровержимую истину: она умеет читать и писать, и незачем ей было просить кого-либо что-либо подписывать. Этот документ насквозь фальшивый, чудовищная ложь, сеньор судья.

И он представил иную версию событий: действительно сеньоре Жоане Франса нужно было восемь тысяч крузейро для того, чтобы послать их единственному сыну, находящемуся без денег в Рио, и она пошла к Либорио дас Невесу попросить в долг. Ростовщик был расположен сделать это, коль скоро она готова через шесть месяцев вернуть ему пятнадцать тысяч крузейро за восемь ей данных, иначе говоря, почтеннейший судья, за сто пятьдесят процентов годовых, или двенадцать в месяц. Такие чудовищные проценты заставили Жоану дас Фольяс отказаться от намерения взять в долг у Либорио, тем более что ей, еще когда жив был её муж – он-то и дал взаймы, – задолжал кум и соотечественник мужа Антонио Салема, или Антонио Миньото, срок истекал через несколько месяцев, и Жоана дас Фольяс отправилась к нему, прося вернуть до срока нужную сумму для отправки сыну, так как у неё положение безвыходное, на что кум тут же согласился. Зная теперь о стесненном положении вдовы и неизвестно от кого о том, что якобы, выходя замуж за Мануэла Франса, Жоана дас Фольяс не могла подписать необходимые документы, хитрец Либорио разработал план действий с целью завладеть тем клочком земли, что принадлежит подопечной. Подобное он уже проделывал не раз с такими, как Жоана, и весьма успешно, становясь собственником того, чем владели его несчастные жертвы. Он составил документ, ставший основой иска, приписав в бумаге проценты не

те, с позволения сказать, «скромные», что предлагал бедной сеньоре при разговоре, а в десять раз больше, нацеливаясь получить поднятую и политую потом семьи Франса землю с завидным огородом и фруктовым садом. Однако при разработке преступного плана кое-что ускользнуло от мошенника, и весьма немаловажное. Вскоре после женитьбы, а вернее, пятнадцать лет тому назад, Мануэл Франса, устыдившись того, что его законная супруга безграмотна, договорился с преподавательницей Кармелитой Мендоса – имя, не вызывающее сомнений, учительница стольких поколений выдающихся сержипцев, известных людей общества, среди которых и наш уважаемый судья. За месяцы тяжелого труда, прилагая максимум своих знаний, донна Кармелита Мендоса, компетентность и добрая слава которой в педагогических кругах Сержипе известна всем и каждому, вызволила дону Жоану из мрака безграмотности, осветив ей жизнь умением читать и писать. За пятнадцать лет и четыре месяца тому назад.

Ну и хитер этот дьявол, Лулу Сантос, размышляет судья, слушая его доказательную речь, сумел уговорить дону Кармелиту обучить Жоану дас Фольяс за несколько дней писать буквы своего имени, но объявляет во всеуслышание, что грамоте негритянка обучена пятнадцать лет назад, – удар сногшибательный! Однако едва слава педагогической науки, духовная мать стольких сержипцев (по эмоциональному выражению защитника), восьмидесятилетняя симпатичная старушка появилась в зале суда, судье стало ясно, что она ни разу за свою долгую жизнь не видела этой крепкой негритянки, молчаливо сидевшей около Лулу Сантоса. Да, только судья и Либорио дас Невес заметили возникшую вдруг, почти неуловимую нерешительность на лице старушки. Кто научил читать и писать Жоану дас Фольяс?

Да, Жоана Франса, которую она пятнадцать лет назад обучала алфавиту, началам каллиграфии, короче говоря, грамоте, здесь, перед вами, разве что теперь постарела и в трауре. Кто осмелится обсуждать утверждение преподавательницы Кармелиты Мендосы? Ну и дьявол этот Лулу Сантос.

И Антонио Салема, или Миньото, что был родом из Повоа-де-Ланьозо в Португалии, повторил, как заученный урок, слова народного защитника. Ведь Лулу Сантос, чтобы говорить на языке, более понятном португалцу, тренировался всё это время и даже поехал в сопровождении Жоаны в Паранжейрас, где жил Миньото. Антонио слово в слово повторил, что вернул куме часть долга досрочно, поскольку она об этом очень просила, и ответил на вопрос бакалавра Сило Мело, что его кума грамотна: она всегда вела счета правильно, ему незачем говорить неправду.

К сожалению, вызванный в суд третий свидетель, Жоэл Рейс, на слушание дела не явился. Жоэл Рейс, или, как его называют в среде жуликов и находящихся под стражей преступников, Жоэл Кошачья Лапа, – известный мастер такого трудного дела, как безделье. Вызванный судьей, он, получив и расписавшись в получении официального уведомления, тут же исчез из Аракажу, чтоб не давать показаний, почему он подписал подделанный документ, не говорить, что о том его просила Жоана дас Фольяс, не говорить, что он её в жизни не видел, не говорить, что сделал всё это по приказу Либорио дас Невеса, своего покровителя и патрона. Потому что кто, как не Либорио дас Невес, вызволил Кошачью Лапу из тюрьмы Аракажу, прибегнув к помощи определенных полицейских кругов, тех, в которых полиция и криминальные ищейки трудятся вместе? Да и для кого Жоэл Рейс делает грязные услуги, взимает плату с проституток, пользующихся комнатами, сдающимися внаем, готовит колоды крапленых карт? Так что, сеньор судья, за кого же ему быть? Конечно же, за честного, чистого, незапятнанного Либорио дас Невеса, вот жулик!

Да, стоило потрудиться как следует, чтобы уговорить Кармелиту придать своему голосу эмоциональное звучание, совершить путешествие в Паранжейрас и пригрозить Кошачьей Лапе, чтобы тот за малое вознаграждение сел во второй класс поезда, идущего на Запад, если не хочет попасть в тюрьму и там сгнить.

Стоило! И ради подписи Жоаны дас Фольяс, сделанной пять раз на чистой бумаге в присутствии судьи, без единой пометки, без колебаний, подписи четкой, разборчивой, даже красивой, почтеннейший судья.

16

Замерев на месте, точно каменная статуя на старом мосту, стоит Тереза Батиста и смотрит, как готовится к отплытию баркас «Вентания»: паруса подняты и надуты ветром, якорь на корме, капитан Гунза и Жереба то там, то сям, то у парусов, то у руля. Только что Жануарио был на мачте, артист цирка, королевский урубун, огромная морская птица. Ах, Жану, мой мужчина, мой муж, моя любовь, моя жизнь, моя смерть; сердце Терезы сжимается, дрожь бежит по стройному телу, страдающей плоти.

Накануне они были в «Кафе и баре Египта», ждали результата судебного заседания, возбужденного Либорио дас Невесом против Жоаны дас Фольяс, и Жануарио сказал Терезе, что завтра с первым приливом... И, крепко сжимая руку Терезы в своей большой руке, добавил: однажды я вернусь.

Ни слова больше, но губы Терезы вдруг стали белыми и холодными, ледяным стал мягкий вечерний бриз, померкло солнце, в предчувствии смерти сжались руки, глаза устремились вдаль. С улицы доносятся радостные голоса Жоаны дас Фольяс и Лулу Сантоса, они идут отпраздновать победу.

Как многообразен мир, в нем и радость, и грусть вместе. В доме Жоаны дас Фольяс накрыт стол, открыты бутылки, Лулу поднимает тост за Терезу, желает ей здоровья и счастья, ах, счастья! Ну и жизнь! На далеком песчаном пляже Тереза жмет к груди Жану, для которого родилась на свет и которого так поздно встретила. В его яростных и крепких объятиях она чувствует горький привкус грядущей разлуки, она кусает и царапает его, он ещё крепче прижимается к ней, точно хочет войти в неё навсегда. Здесь, на пляже, в ночь любви рыданий не слышно, они запрещены; накатывает волна и накрывает влюбленных, начинается прилив и уносит «Вентанию». Прощай, моряк!

Жануарио прыгает с баркаса, он на мосту рядом с Терезой, берет её на руки. Последний поцелуй согревает её холодные губы; любовь моряка коротка, как прилив. С приливом «Вентания» возьмет курс на Баию. Так хотелось Терезе узнать о жизни в Баии, но зачем? Ветер парус надувает, якорь поднят, баркас отходит от моста, у руля Каэтано Гунза. Сухие, голодные, жаждущие поцелуя губы сливаются в жарком поцелуе, в нём всё: жизнь и смерть. Тереза прикусывает своим золотым зубом губу Жануарио.

Губы размыкаются, у Жануарио в уголке рта капелька крови – память о Терезе Батисте, татуировка, сделанная золотым зубом; река и море, море и река, когда-нибудь я вернусь, даже если хлынет дождь из стальных ножей, а море превратится в пустыню, я вернусь, как пятящийся краб, вернусь в любую непогоду, утону в поисках утраченного порта, твоей податливой, но твердой, как камень, груди, твоего живота цвета глины, твоей перламутровой раковины, медных водорослей, бронзовой устрицы, золотой звезды, река и море, море и река, прощальные волны, которых никогда не увидишь. С моста из объятий Терезы Батисты моряк прыгает на палубу баркаса, великан, пахнущий морем и солью, с наручниками и кандалами на руках и ногах.

Словно высеченная из камня, стоит на мосту Тереза, глаза её сухи; солнце скользит, спускается по серому закатному небу фиолетовых печалей, ночь без звёзд, и не нужная больше луна. Тугие паруса надувает ветер, хрипло, точно в морскую раковину, кричит Жануарио свое трудное «прощай». Прощай, Тета, смуглянка. Прощай, любимый Жану, отвечает разрывающееся от горя сердце Терезы. Прощальный прилив, прощай, море и река, прощай, приползу, как краб, прощай, несмотря на кораблекрушение, прощай, навсегда прощай.

Великан стоит и кричит, разрывая пространство, поворачивая «Вентанию» для выхода из порта Аракажу, у руля Каэтано Гунза, под мачтой Жануарио Жереба – птица с подрезанными

крыльями, заточенная в железную клетку, с путами на ногах. У выхода из реки в море рука великана поднимается и машет. Прощай.

Тереза продолжает стоять, она – как каменное изваяние, как прикованная к столбу рабыня с вонзенным в грудь кинжалом. Ночь окутывает её, скрывает во мраке и пустоте, топит в тоске и разлуке, ах, моя любовь, море и река!

17

Золотой зуб, ледяное сердце, броски капоэйры и круговой самбы, Тереза Батиста – блистательная Звезда самбы, королева танца бедер, наконец-то дебютирует в «Веселом Париже», на первом этаже «Ватикана» в городе Аракажу, прямо напротив того места, где стоял на якоре баркас «Вентания» капитана Каэтано Гунзы и откуда всё ещё слышатся крики прощания капитана Жануарио Жеребы, прибывшего сюда, чтобы заработать деньги и зародить страстную любовь в успокоившемся было сердце Терезы, начинавшей новую жизнь. Ангольской самбе обучил Терезу он, Жануарио Жереба – посол карнавального афоше, превосходный танцор.

Ни разу еще со времен праздничного открытия кабаре, которое состоялось год назад, не был так переполнен зал «Веселого Парижа», и золотая молодежь Аракажу не была такой оживленной и веселой. Под резкие звуки «Полуночного джаз-банда», тесно прижавшись друг к другу, топтались на танцплощадке парочки. На столиках стояли пиво, коктейли, местные коньяки, поддельное виски и вино из Рио-Гранде для снобов. Все поклонники Терезы в сборе: художник Женнер Аугусто с глубокими грустными глазами; поэт Жозе Сарайва с невеселыми стихами, чахоткой и цветком, сорванным мимоходом, дантист Жамил Нахар, маг и волшебник в создании зубных протезов, торжествующий победу над Либорио, народный защитник Лулу Сантос и счастливый хозяин кабаре, а так же претендент на ложе Звезды Флориано Перейра, Флори Хвастун. В засаде – кандидат на незавидное положение патрона.

Кроме четырех названных и еще по крайней мере двух десятков пылких сердец страстно ждали выхода Божественной пастушки самбы (как возвещали цветные афиши) еще около тридцати никому не известных. И это не считая тех, кто из приличия и даже скромности не мог физически присутствовать в кабаре и аплодировать Мисс Самбе (так объявляли её афиши Флори). Одним из них был сенатор и промышленник, самый богатый человек в Сержипе, по мнению экономистов и старой Адрианы. Венеранда со свитой своих девочек сидела за столиком возле танцплощадки, почтив своим присутствием заведение Флори; она была своеобразным послом некоей влиятельной персоны и имела честь предложить Звезде самбы большое вознаграждение, если та согласится провести вечер в укромном уголке вверенного ей приюта любви. А уж если она произведет хорошее впечатление и окажется достойной его благосклонности, он предложит ей свое покровительство: снимет дом, возьмет на полное содержание, откроет счет в магазинах, она получит наряды и украшения, шоколадные конфеты, золотые часы, кольцо с бриллиантом (маленькое) и даже жиголо при необходимости. Где-то у Манге-Секо по хребту волн идет, рассекая воду, навстречу южному ветру «Вентания», Ах, Жану, любимый, время прилива, дорога утраты, темная, беспросветная ночь. Не хочу ни предложений, ни аплодисментов, не нужна мне куча денег, не нужен полковник-покровитель, не желаю слушать стихи поэта, не люблю я жиголо, а люблю тебя, твою широкую грудь, пахнущую морем, твои соленые губы с привкусом имбиря. Ах, Жану, Жану!

И вот погасли огни, было около одиннадцати, загремел джаз, и корнет-а-пистон возвестил её выход, выход Сверкающей Звезды самбы. Красный свет осветил танцевальную площадку и Терезу Батисту в широкой юбке и баиянской кофте, в ожерелье, браслетах, доставшихся Флори в наследство от «Компании варьете» Жота Порто и Алмы Кастро; восточная красавица или цыганка, уроженка Кабо-Верде или просто смуглая местная кокетливая мулатка? Взрыв аплодисментов и пронзительный свист приветствовали Терезу; Флори преподнес охапку цветов от администрации кабаре, поэт Жозе Сарайва – увядшую розу и стихи.

И снова дебют чуть было не сорвался, и по той же причине. Едва смолкли аплодисменты, как послышался шум за одним из столиков у танцевальной площадки: разыгралась ссора между молодым начинающим сутенером и старой усталой проституткой.

Тереза поклонилась, поблагодарила за цветы, стихи и аплодисменты, как вдруг услышала окрик сутенера, заставивший проститутку расплакаться:

– Я набью тебе морду!

Уперев руки в боки и блеснув глазами, Тереза крикнула:

– Попробуй, разбей ей морду, сопляк... Я посмотрю, как ты это сделаешь! Ударь при мне, если осмелишься!

Нервное напряжение охватило зал: неужели парень осмелится и снова отложится дебют? Неужели опять завяжется драка? Не придется ли дантисту Нажару вставлять еще один золотой зуб? Но нет, молодец струсил, придя в замешательство, он не знал, куда спрятать руки и лицо, оказалось достаточно окрика Терезы, чтобы восстановить порядок.

Гром аплодисментов заглушил её последние слова, и, купаясь в их море, Тереза начала танцевать самбу. Это еще одна её профессия, сколько их было в её жизни и сколько еще будет у неё, у которой одно-единственное желание – стать счастливой со своим моряком.

Накануне же она по просьбе и в сопровождении Лулу Сантоса посетила суд и была представлена судье Бенито Кардозо, адвокатам, прокурорам, нотариусам и другим известным докторам права. Тереза Батиста – звезда эстрады. Несколько скромна для звезды, смущается, улыбается робко, но такая красивая! И все пришли к заключению, что это еще одна победа калеки бабника, все, только не почтеннейший судья, он-то знал совершенное ею чудо: неожиданно для себя самой став учительницей, Тереза сумела научить грамоте пожилую негритянку с руками, как грабли. Глаза судьи загорелись от вожделения: ах, если бы он был судьей апелляционного трибунала штата, он мог бы предложить ей дом и содержание, но он получает так мало, что едва хватает на содержание законной семьи, так что и думать нечего о любовнице.

Под гром аплодисментов начала свою карьеру артистки Тереза Батиста, впереди её ожидали и взлеты, и падения, но начало было победным. Ледяное сердце, устрица, спрятавшаяся в свою раковину. Ах, если бы она могла плакать, но мальчишка не плачет, а моряк тем более. Волны моря – разлучницы, любовь на их гребнях терпит кораблекрушение. Где же сейчас плывет капитан Жануарио Жереба, любимый Жану, на пути к порту Баия?

Кружится в вихре танца Тереза, как научил он её, бедра и живот ходят, как волны на море, и, как на ветру, колышется цветок её пупка. Холодное сердце, лед и разлука, ах, Жануарио Жереба, великан моря, королевский уруб, ты летишь над волнами моря, когда же я снова увижу тебя, когда прильну к твоей груди и почувствую запах моря и соли и буду умирать в твоих объятиях, задыхаясь от твоих поцелуев? Ах, Жануарио Жереба, любимый, когда же мы будем снова вместе?

Девушка, которая пролила кровь капитана, пустив в ход нож для резки сухого мяса

1

Да, вот я вас и спрашиваю: видели ли вы хоть раз в жизни изъеденного оспой, с открытыми гноящимися язвами христианина, положенного в мешок и несомого в лазарет? А может, несли этого агонизирующего несчастного на своих плечах более легуа и донесли его, источающего зловоние и гной, которыми пропитался мешок, до лазарета? Если нет, то это надо видеть – прелюбопытнейшее зрелище.

Хотите, верьте, хотите, проверьте, ведь болит у того, кто болен, но только Богом забытые проститутки сами покончили с оспой, когда она, черная и гниющая, на них напала. Богом забытые – это такое выражение, манера говорить, потому что земля здесь действительно забытая, каменистая, край света, и, если бы несчастные не уцелели на улице Мягкой язвы, некому было бы рассказать о здесь случившемся. Богу, занятому мессами и прочими разными делами, куда более милыми его глазу местами, не до Букима с поразившей его оспой. А вот Терезе, все той же Терезе, как и Терезе Удар Ножом, Терезе, Покачивающей Бедрами, Терезе Семи Вздохов, Терезе, мягко Ступающей, – эти её прозвища, все как одно заслуженные, как и Тереза Омолу²⁴, присвоенные ей и утвержденные участниками макумбы в Мурикапебе и до Букима, до оспы, до этого бедствия, с которым именно с помощью Терезы было покончено, и народ стал возвращаться в свои дома. Тереза выкусила на ноге оспу, разжевала и выплюнула. Разжевала своими зубами и золотым, прекрасно сделанным ей Нажаром в подарок.

Такое надо видеть, это незабываемо. Я, Масимиано Силва, прозванный Маси Король Негритянок, страж Поста здоровья в Букиме, переживший весь ужас и теперь свидетельствующий, до сих пор, закрывая глаза, вижу Терезу, красавицу Терезу, взваливающую себе на спину мешок, из которого доносятся молитвы и стоны превратившегося в сплошную язву парня Закариаса. Закрываю глаза и вижу: она идет, согнувшись под тяжестью мешка, по направлению к лазарету. Тереза Без Страха – еще одно её прозвище, пожалуй, первое, которое ей дали спустя какое-то время после оспы в Букиме.

²⁴ Богиня черной оспы в афро-бразильском культе.

2

Терезе не исполнилось и тринадцати, когда её тетка Фелипа продала её капитану Жусто – Жустиниано Дуарте да Роза, чья слава мрачного и храброго богача была известна в сертане и за его пределами, продала за полтора конто, какое-то количество продуктов и кольцо с поддельным, но ярким камнем. Куда бы ни направлялся капитан со своими боевыми петухами, стадом ослов, верховыми лошадьми, грузовиком, кучей денег и наемными бандитами, слава о нем опережала его гнедую лошадь, его грузовик, открывая путь для выгодных сделок.

Капитан не любил вступать в споры, но любил видеть то уважение, которое вызывала его персона, где бы он ни появлялся. «В штаны со страха накладывают», – говорил он удовлетворенно своему шоферу и оруженосцу Терто Щенку, сбежавшему от правосудия Пернамбуко. Терто вытаскивал нож для рубки табака и тут же повергал всех в трепет. «С капитаном лучше не спорить, кто больше спорит, тот больше теряет, для капитана человеческая жизнь – пустой звук». Рассказывали о совершенных им убийствах, устраиваемых засадах, нечестных петушиных боях, подделке счетов в магазине, взимаемых Шико Полподметки, раздававшим зуботычины несогласным, о приобретенных за полцены под угрозой карабина и кинжала землях и несовершеннолетних жертвах. Скольких он обесчестил до пятнадцати лет! О том свидетельствует ожерелье из золотых колец, висящее поверх рубашки на жирной груди капитана и позвякивающее, как погремки гремучей змеи: каждое кольцо – девчонка, не достигшая пятнадцати лет, а все остальные не в счет.

3

Нарядно одетый, Жустиниано Дуарте да Роза, в белом костюме, кожаных сапогах и панаме, спрыгнул с грузовика, протянул два пальца Розалво и, проявляя особую любезность, руку Фелипе, улыбка играла на его круглом лице.

– Как поживаете, кума? Угостите стаканом воды?

– Присаживайтесь, капитан, я подам вам чашечку кофе.

Из окна бедно обставленной столовой капитан наблюдал за бегавшей по лужайке девочкой, которая то взбиралась на гоабейру, то спрыгивала, играя с дворняжкой. Сидя на гоабейре, она полакомилась растущим на ней фруктом. Очень похожа на мальчишку: стройная, с чуть заметными бугорками под кофтой и удлинненными бедрами, едва прикрытыми короткой юбкой. Худая и длинная, еще не вызывающая интереса у соседских мальчишек, уже испытывающих пробуждение желания при прикосновениях, поцелуях и объятиях, сама, как мальчишка, она бегала с ними, играя в разбойников и войну, и даже частенько ими командовала. Быстрее всех бегала, была подвижнее многих и с легкостью взбиралась на самые высокие деревья. В ней еще тоже не проснулись ни хитрость, ни любопытство, чтобы пойти вместе со смелой Жасирой и толстой Сейсан посмотреть, как купаются в реке мальчишки.

Глаза капитана следят за девочкой, поднимающейся всё выше и выше на дерево. Быстрые движения приподнимают ей юбчонку, показывая испачканные в глине трусики. Еще больше напрягая зрение, Жустиниано Дуарте да Роза домысливает всё остальное. Не отводит глаз от стройных ног и бедер Терезы и пьяница Розалво, обычно устало и тупо смотрящий в пол. У очага Фелипа, она не выпускает из поля зрения ни того, ни другого, видя, как муж, если девочка на мгновение останавливается, переводит взгляд на ее груди. О желании мужа Фелипа знает уже давно. И это для неё еще один довод в пользу капитана, который положил глаз на Терезу. Три визита за последние две недели, много болтовни вокруг да около, пустая трата времени. Когда же наконец он выложит свои карты и заговорит о деле? По мнению Фелипы, уже пора кончать пустую болтовню; капитан богат, всемогущ, его наемные бандиты на всё способны, чего же он тянет?

А может, надеется ухватить лакомый кусочек даром? Если он на то надеется, то не знает Фелипу. Капитан Жусто может быть владельцем земель, плантаций, скота, самого большого магазина в городе, шефом головорезов, которым приказывает убивать, кого считает нужным, грубым, развратным человеком, но он не хозяин и не родственник Терезы, не он поил, кормил и одевал девчонку четыре с половиной года. Если желает получить её, пусть раскошеляется.

Ни капитану, ни Розалво, этому спившемуся бездельнику, старой развалине, что висит у неё на шее, Фелипа просто так девчонку не отдаст. Ведь, если бы решал Розалво, взять или не взять к себе оставшуюся сиротой Терезу, само собой разумеется, они бы не взяли. А теперь вон, глядя на неё, облизывается, следит, как оформляется её фигура, наливаются груди, округляются бедра; ну, прямо так же алчно, как смотрел на откармливаемого ими борова. Ни на что не способное ничтожество, умеет только жрать и спать.

Содержит дом она, Фелипа, покупает муку, фасоль, вяленое мясо, одежду и даже кашасу для Розалво, работает не покладая рук, сажая, выращивая овощи и продавая их по субботам на рынке. И не то чтобы Тереза требовала больших расходов, нет, девочка помогала ей по хозяйству в доме и на огороде. Но всё, мало или много, стоило денег – еда, одежда, букварь, четки и школьные тетради, – вот то, что давала Терезе тетя Фелипа, сестра её матери Мариэты, погибшей вместе с мужем при аварии автобуса пять лет назад. И теперь, когда появляются претенденты на девчонку, справедливо, чтобы она, Фелипа, получила за свои труды должное.

Конечно, Тереза еще маленькая, не созрела, годика через два она будет что надо. И нечего отрицать, что жестоко отдать её капитану, но и ждать было бы безумием, не говоря уж о том,

чтоб ему отказать. Да и чего ждать, чтобы увидеть её в постели Розалво или в лесу с мальчишкой? А если отказать, то Жустиниано уведет её силой и задаром. В конце концов, девчонке скоро тринадцать. Да и много ли больше было самой Фелипе, когда её приласкал Порсиано, и на той же неделе ею воспользовались его четыре брата и их отец и, словно и того было мало, дед, старый Этелвано, который стоял на пороге смерти. И она не умерла и не стала калеккой. Вышла замуж с благословения священника за это ничтожество Розалво, у которого столько пороков, что, ищи не ищи другого такого, как он, не сыщешь.

Надо провести переговоры так, чтобы получить как можно больше денег, они так нужны: и пойти к дантисту, и привести себя в порядок, и купить какой-нибудь материи, пару ботинок. За последние годы она похудела и подурнела, теперь даже мужчины на рынке не кружатся вокруг, а поглядывают на Терезу, гадая, сколько ей может быть лет.

Если капитан хочет девчонку, пусть платит хорошие деньги, потому что с Терезой, как с другими, задаром не получится. А то, вишь, он как: найдет девчонку по вкусу, красивую, что надо, и начинает обхаживать родителей, вроде бы добрые чувства питает, принесет пакет молотого кофе, сахар, леденцы в голубых обертках, карамель, разговоры там всякие говорит, задаривает лентами да конфетами, а главное – обещаниями, на что, на что, а на обещания особенно щедр Жустиниано, – и так скромно, хорошо держится.

А в один прекрасный день сажает девчонку в грузовик с её согласия или без и посмеивается над родителями. Кто осмелится протестовать или жаловаться на капитана? Кто в округе шеф полиции? Кто назначает полицейского инспектора? А рядовые, разве не из них состоит охрана капитана, которую содержит государство? Что же касается почтеннейшего судьи, то ведь он берет в долг продукты в лавке капитана, как ему иначе прожить с женой и тремя сыновьями-студентами, живущими в столице, тогда как он, судья, в этой дыре, да еще содержит расточительную девицу, и все это на нищенское жалованье, что он получает! Ответьте, если знаете.

Однажды всё-таки один отец пожаловался, отец пышногрудой девицы, её звали Дива, а отца – Венсеслау. Жустиниано остановил грузовик возле их дома, дал знак девице и, не объясняя никому ничего, увез её. Венсеслау отправился к судье и к полицейскому инспектору, грозя, что искалечит и убьет похитителя. Судья обещал проверить и проверил – ни похищения, ни бесчестия совершено не было, в связи с чем полицейский инспектор тут же посадил клеветника в тюрьму, чтобы впредь было неповадно нарушать общественное спокойствие кляузами, ну, и внушить уважение к суду, для чего распорядился наказать как следует виновного, которого отдубасили за милую душу. Вернувшись на следующий день из тюрьмы, убитый горем отец нашел у дверей дома свою дочь Диву, она была обесчещена и совсем скоро пошла по рукам.

Фелипа скандала не хочет, она еще не лишилась ума, чтобы противиться Жустиниано. К тому же она знает, что днем раньше, днем позже Тереза придет домой с кем-нибудь, если еще раньше не потеряет девственность в кустах с каким-нибудь мальчишкой и не вернется домой с начинкой. Да, именно с мальчишкой или с самим Розалво, наверняка с Розалво – старым развратником. И задаром.

Фелипа хочет поторговаться, получить побольше, хоть немного, но побольше, ведь Тереза – тот капитал, которым она располагает. Если бы, конечно, подождать, то можно было бы получить побольше: девчонка быстро расцветает, а ведь все женщины из их семьи были красивыми и пользовались успехом. Даже Фелипа, почти старуха, а следы красоты, стати, особой подвижности бедер и блеск в глазах сохранила. Ах, если бы подождать немного, но на пути встал капитан. И Фелипе с ним ничего не поделать.

4

Резкий окрик Фелипы разрывает тишину, позволившую ей всё обдумать и взвесить.

– Тереза! – зовет она. – Иди же сюда, дьявол тебя возьми!

Девчонка проглатывает только что откушенный кусок от гуявы, слезает с дерева и опрометью пускается к дому, капли пота поблескивают на её лице медного цвета, глаза веселые, рот улыбается.

– Вы звали, тетя?

– Подай кофе.

Всё еще улыбаясь, Тереза идет за подносом. Когда она проходит мимо тети, та берет её за руку и поворачивает во все стороны, как бы невзначай показывает товар купцу.

– Что это за манеры? Не заметила гостя? Попроси благословения у капитана.

Тереза берет толстую потную руку, прикасается губами к пальцам, униженным золотыми кольцами с бриллиантами, задерживает взгляд на кольце с зеленым камнем.

– Благословите, сеу капитан.

– Господь благословит. – Дотронувшись до головы девочки, он опускает руку на её плечо.

Тереза встает на колено перед дядей.

– Благословите, дядя.

Злость сдавливает старику горло: сколько лет он мечтает об одном и том же, глядя, как расцветает Тереза, она на редкость красива, красивее матери-красавицы и тетки Фелипы в молодые годы; потеряв голову, Розалво вытащил Фелипу из публичного дома и женился на ней. Уже давно он положил глаз на Терезу, ждет, строит планы, сдерживает желание. И вот всё идет ко дну: у дверей их дома грузовик с Терто Щенком. После первого же визита капитана Розалво всё понял. Какого дьявола он медлил, ждал, ничего не предпринял? Да потому, что не пришло время: Тереза – еще невинный ребенок, он, Розалво, хорошо это знает, он следит за ней по утрам. Еще не время познать ей мужчину. Фелипа, нельзя продавать племянницу сироту, дочь покойной сестры. Все эти годы он сдерживал себя, а уж дом капитана, Фелипа, сущий ад, все это знают. Она – дочь твоей сестры, Фелипа, и то, что ты собираешься сделать, смертный грех, неужели нет страха перед Богом?

– Становится девушкой, – замечает Жустиниано Дуарте да Роза, он облизывает толстые губы, в глазах появляется масляный блеск.

– Она уже девушка, – заявляет Фелипа, начиная торговлю.

Но это ложь, ложь, Фелипа, старая жалкая шлюха, еще не пришло время, она еще ребенок, наша племянница. Он прикрывает рот, боясь, что всё это произнесет вслух. Ах, если бы она уже созрела и готова была к ласкам, он бы сам взял её в жены, он уже решил, вот только закопать Фелипу, презренную Фелипу, торгующую своей племянницей. Розалво опускает голову, пряча разочарование, злость, страх.

Капитан вытягивает короткие ноги и, потирая руки, спрашивает:

– Сколько, кума?

Тереза убежала на кухню, потом появляется снова во дворе, она играет с собакой, обе бегают, катаются по земле. Лает пес, смеется Тереза, она тоже животное, маленькое наивное животное. Капитан Жусто перебирает кольца своего золотого ожерелья, близорукие глаза стали узенькими.

– Сколько, говорите?

5

Жустиниано Дуарте да Роза вытащил пачку денег и медленно, неохотно считает бумажку за бумажкой. Он не любит расставаться с деньгами, испытывает почти физическую боль, когда нет другого выхода, как заплатить, дать займы или вернуть долг.

– Только из уважения к вам, которая, как вы сказали, вскормила и воспитала малышку. И если я оказываю вам поддержку деньгами, то только по собственному желанию. Потому что, захоти я увезти её, кто бы мне помешал? – Он бросил презрительный взгляд в сторону Розалво, слюня палец, чтобы продолжать считать купюры.

Потухший взгляд Розалво устремлен в пол, он бессильный свидетель этой сцены, которая его и пугает, и злит. Этих денег, вырванных с таким умением, не только денег, даже их цвета он, конечно, не увидит, если только не выкрадет их, хоть это и рискованно. Ах, чего он ждал, ведь план в его голове давно сложился, и очень подробный! Все просто, быстро и легко. Самое трудное – выкопать могилу, чтобы захоронить труп, но Розалво рассчитывал, что, когда придет время, Тереза ему поможет. Кто, как не Тереза, больше всех в том заинтересована, ведь она освободится от домашней тирании и станет его женой и хозяйкой дома, фермы, кур, борова! Долгие месяцы вынашивал он этот план, все обдумывая и наблюдая, как подрастает племянница, становится девушкой. Он уже заметил появившиеся бугорки груди и покрывшийся нежной порослью лобок.

Когда сраженная тяжелым сном уставшего за день человека Фелипа спала, он при слабом свете нарождающегося дня то и дело поглядывал на Терезу, спавшую на топчане, покрытом грязным тряпьем, и, возможно, видевшую сны. Её обнаженное тело и еще не определившиеся, но уже красивые формы будили в нем желание, оно поднималось, жгло грудь, захватывало его целиком.

Он мечтал о том уже близком дне, когда Тереза станет женщиной. В этот праздничный день он пойдет в лес за спрятанными там вещами и осуществит задуманное: мотыги и других инструментов вполне достаточно, чтобы покончить с Фелипой и выкопать для нее могилу – простую яму, без креста и надписи, она это, презренная, заслужила. Инструмент он украл с плантации Тимотео полгода назад и спрятал, полгода назад решил и убить Фелипу, как только Тереза станет женщиной.

А о том, что исчезновение Фелипы будет замечено соседями и знакомыми, что пойдут расспросы и дознания, он даже не думал. Как не думал и о том, что Тереза будет против, будет защищать тетку, откажется помочь ему и принять как мужчину. Со всем этим сразу голова Розалво не могла справиться, достаточно и того, что она сообразила, как прикончить Фелипу, украсть мотыгу и веревки и совершить всё, пока она спит, ведь даже то, что она проснется, не приходило ему в голову. Лежа на постели рядом с женой, Розалво представлял, как мотыга раскроит ей череп и изуродует лицо. Видя кровавое месиво, он говорил себе: пусть эта старая шлюха ищет себе самца в аду. Он даже слышал глухой стук мотыги, разбивающей хрящи и кости, и дрожал от наслаждения. Но дальше этих планов и видений мозг Розалво не способен был ничего вообразить. Однако и этого было вполне достаточно, чтобы кашаса приобрела вкус, а жизнь Розалво наполнилась надеждой. Жизнь и смерть возникают из первой капли крови невинной Терезы – жизнь Розалво и смерть Фелипы.

Теперь его планы и мечты рушились, Фелипа продавала Терезу капитану; Фелипа, эта дрянь, способная продать свою собственную племянницу, дочь своей сестры, девочку, у которой нет ни одной родной души на свете. Почему Розалво не осуществил своего плана, зачем ждал, когда Тереза созреет, когда окрасится алым цветом её золотая роза и она станет девушкой, почему не действовал ради жизни и смерти? Теперь Тереза достанется капитану, Фелипа продала сироту-племянницу, смертный грех!

– Да, кто бы мне помешал, а? – Жустино поворачивается к Розалво. – Кто-нибудь осмелится, как думаешь, Розалво? Уж не ты ли?

Ответ Розалво еле слышен, голос идет из глубин страха, точно из-под земли:

– Никто, сеньор. Я? Сохрани меня Бог и помилуй!

Сделка почти совершена. Но до получения денег Фелипа держится стойко, хоть и сама любезность.

– Да и вы, капитан, скажите, где это вы найдете такую девушку, способную всё делать и по дому, и в огороде, умеющую читать и считать, и торговать на рынке, да еще такую красавицу? И найдется ли такая в городе, чтобы годилась ей в подметки? Разве что сыщется в столице. Ведь так, капитан?

Капитан спокойно пересчитывает купюры, Фелипа, боясь, что он передумает, вдруг откажется, продолжает поддерживать разговор:

– Я вам скажу, капитан, к нам уже приходил один человек, и не какой-нибудь, хотел жениться на Терезе.

– Жениться? И кто же, разрешите узнать?

– Сеу Жовентино, может, знаете. Парень, у которого плантация кукурузы и маниоки в трех легуа отсюда, у реки. Работящий.

Розалво вспоминает: в базарные дни, по субботам, Жовентино, продав кукурузу, маниок, ботаты и муку, бывало, заходил к ним, рассказывал какие-то истории, толковал о разных происшествиях, задерживался надолго. Фелипа из кожи вон лезла, считая, что предмет его интереса она, но он-то, Розалво, сразу понял намерения этого типа: он шлялся к ним из-за Терезы. И тут же решил прогнать его, но не знал, как это сделать, за что уцепиться. Жовентино очень скрытный, дальше взглядов не шел, два слова скажет и молчит, ну, и приглашал Розалво пропустить по рюмке, Фелипе – пиво, Терезе – лимонад. Фелипа вертела задом, как в молодые годы.

А в одно из воскресений Жовентино появился при галстукке, с разговором о женитьбе. Очень было смешно видеть всё это. Фелипа просто осатанела. Целый час торчала перед зеркалом, прихорашиваясь, а парень сидел с Розалво за бутылкой кашасы в ожидании её появления, а когда она, причесанная и надушенная, перед ними предстала, то услышала, что тот пришел свататься к Терезе. Она тут же выставила парня. Где такое видано: просить руки двенадцатилетней девчонки? Она еще не девушка. Придет же такое в голову! Фелипа была в ярости.

– Я подожду и приду позже, – сказал, уходя, Жовентино.

Теперь она не достанется ни Жовентино, ни Розалво! Капитан кончил считать деньги. Конто и пятьсот мильрейсов – большие деньги, Фелипа!

– Пересчитывайте, если хотите, а я пока вам чек в лавку выпишу.

Он отрывает чек от чековой книжки, карандашом пишет цифру и ставит замысловатую подпись, которой гордится.

– Это вам на покупки в моем магазине. Можете на эту сумму всё взять сразу или когда потребуется. Сто мильрейсов, и не тостана больше.

Розалво устался на деньги. Но Фелипа складывает, заворачивает их в чек и прячет в пояс юбки, и тянет руку.

– Что еще? – удивленно спрашивает Жустиниано Дуарте да Роза.

– Кольцо. Вы же сказали, что подарите кольцо.

– Я сказал, что подарю девушке, это её приданое. – Он смеется. – Жустиниано Дуарте да Роза никого не оставит без внимания.

– У меня оно сохранится лучше. Девушка в этом возрасте не знает цены вещам: может потерять, где-нибудь оставить. А я сохраню для неё же. Она моя племянница. У нее ведь нет ни отца, ни матери.

Капитан внимательно посмотрел на стоящую перед ним цыганку вымогательницу.

– Ведь мы договорились, капитан, разве это не так?

Он привез кольцо, чтобы отдать его девушке и тем завоевать её симпатию, оно ведь ничего не стоит, стекло зеленого цвета и позолоченная латунь. Он снимает с пальца фальшивое кольцо с ярким зеленым камнем. В конце-то концов, что ему симпатия девчонки – она ведь его, он за неё заплатил деньги.

Фелипа потеряла камень о одежду, надела на палец и, довольная, залюбовалась его игрой на солнце. Больше всего на свете она любит украшения: ожерелья, браслеты, кольца. На безделушки, покупаемые у бродячих торговцев, она всегда тратила свои сбережения, пусть даже маленькие.

Капитан Жусто подтянул ноги, встал, на груди зазвенело ожерелье из золотых колец – колокольчики невинности. Завтра в этом ожерелье появится новое кольцо, восемнадцатое.

– Теперь зовите девчонку, мне пора.

6

Еще во власти радостных чувств от полученного кольца, Фелипа громко крикнула.

– Тереза! Тереза! Иди сюда скорее.

Девочка прибежала вместе с собакой и остановилась в дверях.

– Вы звали, тетя?

Ах, если бы сердце Розалво вспыхнуло от искры ярости, если бы он встал, оторвав приросшие к полу ноги, перед своей женой Фелипой, как хозяин и господин. Но нет, он неподвижен и молчит, точно набрал в рот воды, сдерживает рвущиеся с языка слова и проклятия: Фелипа, чума ты этакая, мерзкая, бессердечная женщина! Когда-нибудь ты заплатишься, Бог призовет тебя к ответу! Не продается сирота-племянница, как скотина какая-нибудь, это наша дочь, которую мы вырастили, наша дочь, Фелипа, ах ты, мерзкая из мерзких! Чума, чума!

Неотрывно глядя на кольцо, Фелипа говорит почти ласково:

– Собери-ка свои вещички, Тереза. Ты пойдешь с капитаном, будешь жить в его доме, будешь служить капитану. Там у тебя будет всё, как у знатной сеньоры, капитан – человек хороший.

Обычно Терезе не надо повторять сказанное, в школе учительница Мерседес всегда хвалила её за то, что она всё схватывает с первого слова и быстро научилась читать и писать. Но того, что она сейчас услышала, она не понимает.

– Жить в доме капитана? Почему, тетя?

Но ответил ей Жустиниано Дуарте да Роза, её хозяин. Протянув к ей руку, он сказал:

– Задавать вопросов не нужно, все вопросы должны быть кончены, ты будешь жить у меня и мне подчиняться, знай это раз и навсегда. Пошли.

Тереза подалась назад, но не сразу, и капитан схватил её за руку. Коренастый и толстый, почти без шеи, Жустиниано был ловким и сильным, подвижным и проворным, хорошим танцором и еще способным разбить кирпич одним ударом руки.

– Оставьте меня, – попыталась отбиться от него Тереза.

– Пошли.

Он её подталкивал к двери, когда девочка вдруг со злостью укусила его за руку. Зубы оставили кровавый след на толстой волосатой руке. Капитан выпустил её, и Тереза скрылась в кустах.

– Ах ты, сукина дочь, надо же, укусила, но ты мне за это заплатишь! Терто! Терто! – позвал он охранника, сладко храпевшего в грузовике. – Терто, ко мне! И вы тоже! – крикнул он Фелипе и Розалво. – Все вместе мы быстро поймаем эту дрянь, я не намерен терять здесь время попусту.

Капитан и Фелипа выскочили во двор, где к ним присоединился Терто Щенок.

– А Розалво, что он там стоит?

Фелипа обернулась и вонзила взгляд в мужа.

– Ты не идешь? Я-то знаю, что ты хочешь, козел бесстыжий. А ну, иди, пока у меня не лопнуло терпение!

Будь проклята такая жизнь! Что ему остается, как ни идти с ними вместе ловить девочку, но идет он не по своей воле, это же грех; грех не мой, а этой мерзкой шлюхи, он-то знает, что такое дом капитана – это чума, голод и война. Но он, Розалво, примет участие в охоте на Терезу.

Охота шла целый час, а может, и больше, капитан не засек времени на своем хронометре, но, когда в зарослях кустарника Терезу окружили, все были с высунутыми языками. Розалво подкрался тихо с противоположной стороны, и дворяжка не залаяла, занятая всеми осталь-

ными. И тут Розалво схватил Терезу обеими руками, прижал к себе, всю целиком, прежде чем отдать её капитану.

Терто дал пинок собаке, она отлетела в сторону и, распростертая, осталась лежать на земле, возможно, со сломанной лапой, потом поспешил на помощь Розалво, схватив Терезу за руку. Она отбивалась, пыталась укунить их, глаза метали молнии. Подошел капитан, остановился против девочки и изо всей силы ударил её по лицу своей большой мясистой ладонью. Один, другой, третий, четвертый раз. Тоненькая струйка крови потекла из носа Терезы. Слезы она проглотила, даже капелька не появилась на её сухих глазах. Командир не плачет – этому учили её мальчишки, играя в войну.

– Пошли!

К грузовику её тащили капитан и Терто. Фелипа пошла в дом. Зеленый камень блестел на её руке. Розалво постоял еще какое-то время и подошел к собаке. Животное выло, зализывая лапу.

На подножке грузовика яркой голубой краской было написано: СТУПЕНЬКА СУДЬБЫ. Чтобы заставить Терезу подняться на эту ступеньку, капитан еще раз, как мог, сильно ударил её. Так Тереза Батиста отправилась навстречу своей судьбе: чуме, голоду, войне.

7

Из грузовика Терезу вытащили капитан и Терто Щенок вместе, взяв за руки и за ноги, и бросили в комнату, заперев дверь. Это была маленькая каморка в глубине дома, с маленьким заколоченным окошком наверху, через щели сочились воздух и свет. На полу лежал двуспальный матрас с простыней и подушками, стоял ночной горшок. На стене висели олеография, изображающая Благовещение Пресвятой девы – Мария и архангел Гавриил, – и плетъ из сыромятной кожи. Раньше здесь стояла кровать, но она дважды разваливалась из-за непредвиденных обстоятельств первой ночи, вначале с этой негритянкой Ондиной, настоящим дьяволом, а потом с перепуганной насмерть, сумасшедшей Грасиньей, так что Жустиниано решил убрать ее.

Такая же комната была у него и на ферме, и в городском особняке за магазином. Все одинаковые, они предназначались для одного приятного дела – любовных утех капитана Жусто с молодыми девушками, которых он выискивал везде и повсюду. Предпочитал он самых молодых, чем моложе, тем лучше, а еще лучше – девственницы. «Те, что моложе пятнадцати, еще молоком пахнут», – так говаривала любительница образного языка Венеранда и тут же – плётка по ней плачет! – подсовывала ему уже занимающуюся проституцией более года Зефу Дутру. Но те, кто действительно был моложе пятнадцати, удостоивались чести быть отмеченными появлением нового золотого кольца в золотом ожерелье капитана. Тут Жустиниано был сверхпедантом. На свете есть тысячи коллекционеров, есть собиратели марок, их тысячи, начиная с покойного короля Англии до простого почтового служащего и хорошего игрока в биску Зороастро Куринги, а есть собиратели кинжалов, как, например, Милтон Гедес, один из совладельцев сахарного завода; в столице немало собирателей изъеденных шашелем статуй идов, спичечных коробков, фарфора и слоновой кости и даже глиняных фигурок, продающихся на базарах. Жустиниано коллекционирует девочек, собирает экземпляры разного цвета кожи и разного возраста, некоторые из них старше двадцати, они хозяйки собственной жизни, однако коллекцию составляют лишь те, что еще пахнут молоком, те, кому меньше пятнадцати, и их он отмечает новым золотым кольцом в своём ожерелье.

Многих он валил на матрас, что в доме на ферме, и на тот, что в городском доме. Некоторые были уже опытными, в основном, это те, что постарше, те, что познали мужские руки и ко всему готовы, но большинство составляли пугливые, робкие и дикие девочки, часто старающиеся спрятаться от капитана в каком-нибудь углу, а он охотился на них, ловил. Однажды одна такая, когда капитан поймал её и схватил, от страха обмочилась, залила всё – и ноги, и матрас, чем доставила огромное удовольствие Жустиниано.

Будучи спортсменом, капитан, естественно, предпочитал тех, кто оказывал сопротивление. Те, что были опытны или быстро сдавались, не доставляли ему того особого чувства нелегко доставшейся победы.

Скромность, стыдливость, сопротивление, наконец, бунт вынуждали его применять силу, внушать страх и уважение, с которым они должны относиться к своему господину, хозяину и любовнику, целовать его после данной им пощечины – всё это увеличивало наслаждение, делало его более ощутимым и глубоким. Обычно всё и заканчивалась пощечинами, зуботычинами, редко приходилось прибегать к ремню, ну, а плетъ из сыромятной кожи пришлось отвезти пока одной Ондине, которая только после плети стала послушной. Одной, самое большее – двух недель было достаточно, чтобы непослушные становились навязчивыми, надоедали капитану своей привязанностью, но именно они удерживались на положении фавориток недолго. Так было с уже упомянутой Грасиньей: чтобы сломить её, капитану пришлось избить её до потери сознания. Но и недели не прошло с той горькой ночи, как она вздыхала от нетерпения, желая быть в его объятиях, приходила к нему даже в неположенное время.

А однажды в Аракажу, куда капитан частенько ездил по делам, всем известная Венеранда, сидя с ним за столиком, предложила ему, решив над ним подшутить, совсем юное, как она сказала, создание. Шикарное заведение Венеранды (лучшее государственное учреждение, по словам Лулу Сантоса, постоянного посетителя, несмотря на костыли), существовавшее почти официально, поскольку среди посетителей были политические деятели, начиная с самого губернатора, представители правосудия, промышленники, коммерсанты и банкиры, находившиеся под покровительством полиции (самое тихое и приличное место в Аракажу, включая дома лучших семейств, по словам всё того же народного защитника) только однажды огласилось столь нежелательными для знатных клиентов шумом и криками капитана Жусто, пытавшегося переломать мебель, когда он открыл обман Венеранды, выдавшей опытную проститутку за молоденькую невинную девочку, приехавшую из провинции. Когда поднятый капитаном Жусто шум стих и улеглась его ярость, они стали с Венерандой друзьями, и она, пуская пыль в глаза своей образованностью, с того самого дня всегда именовала его «зверем из Кажай-рейраса-до-Норте, укротителем девочек». В доме Венеранды, действительно неплохом, были и привезенные из Рио и Сан-Пауло француженки, и польки из Параны, и немки из Санта-Катарины – все яркие крашенные блондинки, всё знающие и всё умеющие. Капитан не пренебрегает компетентными иностранками, наоборот, он высоко ценит их искусство.

Однако в нищей провинции на каждом её углу, в любом поселке или городе полным-полно своих девчонок, которых не кто иной, как сами родители предлагают богатому капитану. Так Раймундо Аликате, земледelec, возделывающий тростник на землях сахарного завода, в обмен на мелкие подачки отдавал капитану своих девочек. И если он говорил «девственница», то так оно и было. Поставляла аппетитный товар и Габи, хозяйка женского пансиона в городе, но за этой старой сводней нужен был глаз да глаз, чтобы не получить кошку вместо зайца. Капитан не раз грозил разгромить её заведение, если в очередной раз она обманет, но мошенница была неисправима.

Лучших же капитан отбирал сам на фермах, за прилавком магазина, на танцах и вечеринках, на петушиных боях. Некоторые обходились ему дешево, почти даром. Другие дороже, приходилось тратить на подарки и даже покупать их. Тереза Батиста обошлась дороже всех, исключая, конечно, Дорис.

Нужно ли вносить в этот список Дорис? С ней всё было иначе, за ней он должен был ухаживать и жениться по всем церковным и гражданским правилам и взять её не в каком-то углу на матрасе, а в девичьем алькове дома на Соборной площади, когда после гражданского и церковного бракосочетания «милая новобрачная, которая сегодня вступает на путь счастья и цветущую тропинку бракосочетания» (как поэтически выразился падре Сирило), пошла к себе в комнату, чтобы надеть дорожный костюм, отправляясь в свадебное путешествие, где молодые собирались провести медовый месяц.

Да, да, ни на матрасе, брошенном на пол, ни в хорошо обставленном номере отеля «Меридионал» в городе Баии, где они прежде всего должны были остановиться, а здесь, в алькове, рядом с залом, где под присмотром тещи попивали вино и доедали яства приглашенные на свадьбу гости, именно здесь капитан стал взимать проценты с понесенных им расходов, с глупо выброшенных на ветер денег.

Он пошел следом за Дорис, помог ей раздеться, сорвал фату, флердоранж, разорвал подвенечное платье, торопясь переломать ей кости. К губам её приставил палец и велел молчать – в зале рядом пиновала элита города, и, самое главное, сливки общества жадно, как крысы, утоляли голод и жажду. Дом полон народа, Дорис не должна даже стонать.

В грубых руках Жустиниано Дуарте да Роза ломались и отлетали пуговицы, рвались кружева корсета. Дорис вытаращила глаза и скрестила на чахоточной груди тонкие руки, дрожа всем телом, единственным её желанием было кричать, кричать как можно громче, чтобы слышали все в городе и прибежали на помощь. Капитан же, увидев скрещенные на маленькой груди

руки, остановившийся взгляд и такой страх, что гримаса губ, старающихся сдержать рыдания, казалась улыбкой, сбросил пиджак и новые брюки, облизал сухие губы... Да, Дорис стоила ему состояния, открытого счета в магазине, одежды и праздников, самых разных трат, и потехи, и женитьбы.

8

Жустиниано Дуарте да Роза исполнилось тридцать шесть лет, когда он вдруг решил сочетаться браком с четырнадцатилетней Дорис Курвело, единственной дочерью усопшего доктора Убалдо Курвело, экс-префекта, экс-шефа оппозиции и врача, чью смерть оплакивал весь город. Прекрасная диссертация, слава честного, способного администратора, компетентность в медицине и человечность в исполнении своих обязанностей врача – «мозг диагностики», по словам фармацевта Тригейроса; «надежда бедных», по всеобщему мнению, – всё это было за ним, когда он отошел в лучший мир, оставив жену и двенадцатилетнюю дочь, не считая отданного в залог дома и денег, которые надо было получить за консультации.

В жизни доктор не испытывал особых трудностей. Хозяин самой большой клиники в городе, где трудились, чтобы выжить, четверо врачей, он получал всё необходимое и содержал семью с учетом желания доны Брижиды жить с определенным шиком, как и положено первой даме общества, и даже купил и содержал дом на Соборной площади. Добрую же часть его клиентов составляли те несчастные, у которых не было ни кола, ни двора. Очень многие приходили в консультацию из-за тридевяти земель; самые имущие приносили ему в качестве гонорара либо сладкий маниок, либо батат, либо плод хлебного дерева, а неимущие – сказанное с дрожью в голосе пожелание «Бог вам заплатит, сеу доктор». А некоторые даже получали деньги на лекарства – нет предела нужде в такой жалкой стране. Однако, несмотря на все эти траты и покупаемые доной Брижидой предметы роскоши, доктору удалось сохранить кое-какие небольшие сбережения, которые он тратил на политику, чтобы доставить удовольствие друзьям и поддержать честь супруги, отец которой в своё время достиг высот муниципального советника.

Выборы доктора в префекты, поддержка партии, членом которой он являлся, годы административной деятельности, сократившийся рабочий день в клинике из-за растраты, совершенной Умберто Синтрой – казначеем учреждения, единомышленником и вождем предвыборной кампании, одним из оплотов победы, полная утрата сданного под залог дома и особенно последующая шумная предвыборная кампания сразили и разочаровали Убалдо Курвело, оставив его без гроша в кармане.

Из предвыборной кампании он вышел с пошатнувшейся нервной системой и тяжелым сердцем. Обрушившиеся вдруг неудачи не оставили ничего от его привычной веселости, сделали грустным и беспокойным, не сохранив за ним даже славы доброго и милого человека. И, когда глаза доны Брижиды после похорон мужа высохли и она занялась оставленным ей наследством, ничего, кроме жалкой пенсии вдовы врача народного здравоохранения и уже потерянных счетов за консультации, она не получила.

Два года спустя после незабываемых похорон доктора Убалдо Курвела, в которых участвовали, сопровождая гроб от церкви до кладбища через весь город Кажазейрас-до-Норте, бедные и богатые, единомышленники и противники, правительство и оппозиция, частные и обычная школа, положение доны Брижиды и Дорис сделалось невыносимым – отданный в залог дом они почти потеряли, получаемой пенсии не хватало, кредит был исчерпан. И, как ни старалась дона Брижида скрыть их стесненное положение и превратности судьбы, внешний вид выдавал её. Торговцы требовали погашения счетов, добрая память о докторе постепенно меркла, со временем забывалась, прожить с дочерью на имеющиеся у вдовы деньги не представлялось возможным.

Неизбежность оставить трон Матери-Царицы дона Брижида видела четко. Первая дама города при жизни мужа-префекта и после его ухода с этого поста продолжала держаться высокомерно, но после его смерти сделалась просто надменной. Одна из городских кумушек, дона Понсиана де Азеведо, у которой был язык без костей, а трепать его ей нужно было на самой

большой площади города, как-то на празднике Богоматери Санта-Анны назвала дону Брижиду Мать-Царица, но запал злости не сработал – титул доне Брижиде пришелся по вкусу.

Сама для себя она еще была в мантии и со скипетром, но обмануть кого-либо другого уже не могла. Мстительная и неугомонная дона Понсиана де Азеведо в один из вечеров прикрепила к двери дома доны Брижиды вырезку из журнала: «Царица Сербии в изгнании терпит голод и закладывает драгоценности». Драгоценностей у доны Брижиды было около полдюжины, и все они, кроме нескольких колец, были проданы турку из Баии, бродячему торговцу, скупающему по домам золото и серебро, испорченные фигурки святых и старую мебель, вышедшую из моды мебель, плевательницы и фарфоровые горшки. Однако проданные драгоценности голода не утолили, и она и ее дочь продолжали его испытывать, и вот неожиданная любезность капитана Жусто в тот самый момент, когда все торговцы отказали им в кредитах в своих лавках, предотвратила худшее.

Любезность, возможно, не совсем то слово. Не слишком образованный Жустиниано Дуарте да Роза не был человеком ни тонким, ни обходительным, ни понимающим намеки. Однажды, проходя мимо дома доны Брижиды и увидев её в окне, он остановился и сказал, даже не поздоровавшись:

– Я знаю, что ваше превосходительство покупает продукты в вонючих магазинах, так как не имеет возможности покупать в других. Так вот, в моём магазине вы можете брать в кредит всё, что захотите. Доктор относился ко мне не лучшим образом, но он был просером.

Капитан узнал это слово в последней своей поездке в столицу. Неподалеку от Дворца, где проходят приёмы, некто, представив ему государственного секретаря, сказал: «Доктор Диас – просер правительства». Жустиниано слово понравилось, и особенно потому, что знакомый употреблял его и по отношению к капитану: «Ваше превосходительство, капитан Жустиниано Дуарте да Роза, ваш престиж в сертане растёт. Я думаю, что очень скоро вы тоже станете просером». Удовлетворенный услышанным, капитан оплатил пиво и сигары беседующему с ним свободному журналисту и, смирив гордость, спросил:

– Просер, а что это такое? Знаете, эти иностранные слова...

– Просер – это политический шеф, важная фигура в государстве, человек образованный, значительность которого подтверждена общественным мнением. Например: Руй Барбоза, Ж. Ж. Сеабра, Гоэс Калмон, полковник Франклин...

– Оно французское или английское?

– Немецкое, – ответил болтун, заказав себе еще пива.

У просера определенные обязанности, а не только то, что он противостоит чему-то в момент политической кампании. Это ясно. И смерть стирает всякие расхождения во взглядах, сказанное уже не сказано, оскорбления и обиды хоронятся с усопшим, доктор был просером – и всё. В магазине счет открыт, ваше превосходительство.

Невероятный, неожиданный подарок; несколько дней спустя дона Брижида обнаружила причину открытого ей кредита и сближения её с семьей капитана. Она была сражена, нет, нет, не может быть, невозможно поверить! Какой-то абсурд, даже представить невозможно, но факт: капитан положил глаз на Дорис и кружил вокруг её юбок.

Да юбки-то короткие, детские, и туфли без каблуков; дона Брижида не относилась к дочери, как к девушке, хотя ей четырнадцать и пришли месячные, и одевала её, как девочку, что было дешево и говорило за отсутствие перспектив. Никогда в голову доне Брижиде не приходила такая простая мысль, что кто-то может интересоваться Дорис, этой молчаливой, замкнутой в себе девочкой, трудно сходящейся с кем-либо, без друзей и подруг, всей во власти церкви: месс и новен. «Эта будет монахиней», – повторяли кумушки, и дона Брижида не разувверяла их, нет. Другого пути она и сама не видела, как не видела лучшего решения всех их жизненных проблем.

Дорис унаследовала от отца лабильность нервной системы, с легкостью на всё обижалась, плакала по пустякам, пряталась по углам с четками в руках. О физических данных дочери донна Брижида предпочитала помалкивать, хоть и не такая она была уродина. Глаза большие, светлые, испуганные, волосы белокурые, выющиеся, вот фигура – да, тощая: кости и кожа, ноги как щепки, плоская, как доска, однако имела влюбленного. Донна Брижида, в чьей материнской любви никто не может сомневаться, прижимая дочку к своей роскошной груди Матери-Царицы, драматически говорила: «Моя золушка!» Да, явно Иисус, как очарованный принц, отметил эту золушку Сержипе, а монашки педагогического училища и больницы воспитали в ней склонность к задумчивости и молчанию. Жестокие же соученицы-школьницы прозвали ее Матушка Скелет.

И вот её увидел капитан! Ни на улице, ни в коллеже никогда ни один мальчишка не поднял глаз на Дорис ни с нежностью, ни со злостью, как ни один не пригласил её за холм, так сказать, классическое место для влюбленных, именно туда держат путь многие после уроков, чтобы постичь азы любовные. Обо всем этом Дорис только слышала. Соученицы имели такую приятную для них слабость поверять ей о поцелуях, объятиях и всем прочем. Хвастливые показывали ей фиолетовые пятна на шее, искусанные губы. Дорис всё это слушала молча, не улыбаясь. Но за холм ни с кем не ходила.

И вот капитан, зрелый богатый человек, вроде бы убежденный холостяк, и вдруг обратил свой взор на худышку, ну, кто бы мог сказать! Капитан Жусто, человек с дурной славой, самой дурной, какая может быть. Без сомнения, уважаемый, но за деньги и охранников, которых содержит хитрый муниципальный шеф, всемогущий, грубый, кровожадный. Даже доктор Убалдо, который до того, как пришел в политику, ни о ком не сказал ни одного плохого слова и всегда спокойно относился к чужим недостаткам, Жустиниано не выносил, «монстр» – это его слово. Кстати, одной из причин победы доктора, кандидата от оппозиции, на выборах была его смелость в разоблачениях на митингах сделок между старым префектом, полицией и капитаном, объединившимися против города. Открылись такие невероятные вещи, был такой скандал, что вынудило Гедесов, своего рода корпорацию, защищающую город, разволноваться и лишить поддержки «теневую клику в правительстве». Однако, будучи выбранным, доктор очень мало или просто ничего не сумел сделать против обвиняемых за отсутствием доказательств и солидарности в префектуре; он удовлетворился, по мнению Гедесов, честным руководством. Всё имеет свои пределы, как и административная непорочность, а тут политик, неспособный понять тонкости политической жизни, карьера его будет короткой. Гедесов выбрали вдали от города, на тростниковых плантациях, на сахарном заводе, а потом уже в городе, они и свалили доктора Убалдо Курвело, неумеренного гордеца. Последние два года, когда у власти находился Убалдо Курвело, капитан Жусто был как бы на коротком поводке, и ему не нравилось, что двое его охранников теперь ничем, кроме петушинных боев, не могли заниматься. Когда же на последних выборах доктора Убалдо прокатили, он, Жустиниано Дуарте да Роза, появился на главной улице города и на Соборной площади верхом на лошади, салютуя выстрелами в воздух. Новый префект был ниже травы и тише воды, в его кабинете, дома и в конюшне царил страх.

Итак, не кто иной, как Жустиниано Дуарте да Роза, более известный как капитан Жусто, положил глаз на Дорис. Его видели у их дома и на Соборной площади в час благословения, его маленькие, свиные глазки следили за Дорис Курвело.

Донна Брижида схватилась за голову – что ж делать, Боже? Первым её желанием было бежать к падре Сирило, к куме Теке Менезес, к фармацевту Тригейросу, чтобы обсудить случившееся, однако остановило благоразумие. Прежде чем что-то обсуждать, надо изучить всё и во всех подробностях, собрать нужные сведения, чтобы было над чем думать.

Сидя у порога дома на стульях после ужина, донна Брижида и её соседки дышали свежим воздухом и с удовольствием сплетничали, обсуждая чужую жизнь: торговцы все – жулики,

мужья – подлецы, девицы – бесстыдницы, не говоря уже об ухаживаниях и изменах. Дорис спокойно внимала им.

Услышав стук копыт лошади капитана Жусто, все замолчали, воцарилась тревожная тишина, все смотрели на Жустиниано, а он смотрел на Дорис. Дона Брижида уже было хотела встать и увести Дорис в дом, крепко хлопнув дверью. Однако и на этот раз благоразумие взяло верх: она любезно ответила на приветствие монстра и улыбнулась ему.

9

Много бессонных ночей и тревожных дней провела дона Брижида, обдумывая все «за» и «против» возникшей проблемы и размышляя над будущим дочери. Всё взвешивать и решать должна была она одна, ведь невинная девочка жила в ином мире, интерес её был к делам церковным. Невнимательная на уроках и в коллеже, плохая подруга в играх и на праздниках, о мальчишках и влюбленности и слышать не хотела, бедненькая!

Дорис родилась старой девой, похоже, так надо думать. По складу характера и манере поведения, а также потому, что трудно выйти замуж в городе, где много невест и мало женихов. Едва оперившиеся молодые люди тут же уезжали на юг страны в поисках столь редкой здесь удачи. Городской бюджет складывался из налогов, выплаченных сахарным заводом, собственниками Гедесами, банкирами, хозяевами земель, земель действительно плодородных, орошаемых водами реки; здесь поднимались тростниковые заросли, пейзаж зеленый не в пример пейзажу сертана. Сахарный завод принимал нескольких молодых людей из привилегированных слоев общества, еще двоих-троих – лавки и магазины, ведущие жалкую торговлю, остальные садились в поезд и уезжали. Девушки зло сражались из-за оставшихся; время от времени кто-нибудь из них оказывался в руках бродячего торговца, женатого, с кучей детей, с которым и бежала эта глупая, втапывая в грязь честь семьи. Кумушки дрожали от страха за своих дочерей.

Гедесы очень редко объявлялись в городе. Три брата с женами, их дети, племянники и племянницы ездили с сахарного завода в столицу прямо без пересадки, садясь в поезд на остановке, что находится на середине пути к тростниковой плантации. В домике на Монастырской площади, который весь год был на замке под присмотром сеу Лирио, садовника и сторожа, бродившего среди столетних деревьев, появлялся каждые два-три года один из братьев Гедесов с женой и детьми, появлялся на празднике Богоматери Святой Анны, покровительницы города и семьи Гедесов. В домике раскрывались окна, смех оглашал коридоры и залы, из столицы приезжали гости, местные девицы были злы, как ведьмы, так как молодые люди на них даже внимания не обращали – уж очень их было много. Так проходила неделя, десять дней, пятнадцать – самое большее. Поцелуи, пожатия рук, щипки, но праздник кончился, и их оставляли, девицы были взбудоражены, но вскоре же возвращались к своим ничего не значащим коллегам, стоящим за прилавком, или домой, на церковные праздники, становясь в двадцать лет старыми девами. Многие доходили до того, что готовы были лечь на матрац капитана Жусто, но он пренебрегал этим, уже старым и потрепанным товаром.

На что могла надеяться Дорис, становясь девушкой в этом городе? Закончив курс в коллеже Сестер Христовых, она могла бы после многочисленных просьб, посланий и упоминаний, что она сирота доктора Убалдо, получить место преподавательницы начальной школы в одной из немногочисленных школ города или страны или преподавать в монастыре. Стать регентом начальной или монастырской, ничего другого доне Брижиде даже в голову не приходило. Муж, замужество? Невозможно. Другие, с гораздо лучшим материальным положением и внешними данными, дочери земледельцев, коммерсантов, служащих, красивые, здоровые, настойчивые в своём желании выйти замуж, просиживали у окон безо всяких надежд осуществить желаемое, что же говорить о Дорис, худющей, нескладной, страшной, скучной, не очень здоровой и бедной! Разве только ждать чуда.

И это чудо свершилось: капитан Жусто явно выказывал свой интерес к Дорис, по городу поползли слухи об ухаживаниях капитана, кумушки судачили на всех углах без умолку. К доне Брижиде поспешили самые близкие соседи. Две, три, в черном, обмахиваясь веерами, они говорили о капитане. Говорили ужасающие вещи: «говорят, что...», «кто это мне сказал, тот своими глазами...», «и очень быстро...». Дона Брижида слушала ужасающие истории,

качала головой, не говоря ни «да», ни «нет», не Мать-Царица, а сфинкс. Кумушки настигали её повсюду: на улице, на мессе, на благословении, на отдыхе. Но дона Брижида ни гу-гу, как будто к ней всё это не имело ни малейшего отношения.

В ночной тишине, без докучливого нашептывания кумушек дона Брижида обдумывала, не смыкая глаз, создавшееся положение и перебирала в уме все услышанные о капитане ужасы.

В конце концов все ужасы перестают быть ужасами, если спокойно, без предвзятости обо всём подумать. Кумушки, в основном, делают упор на его отношения с женщинами, на распутстве, в котором проходит жизнь Жустиниано Дуарте да Роза. Смена девушек и девочек на ложе бесчестия, оргии в пансионах и домах терпимости, изнасилованные, избитые, брошенные на панель жертвы. Однако капитан – человек одинокий, а кто из одиноких мужчин не имеет подобного счета любовных утех? Хорошо хоть, он не такой, как Ненен Виолета, привратник кинотеатра; как говорят, один из сыновей Милтона Гедеса тоже такой же, так родственники его отправили с глаз подальше, в Рио-де-Жанейро.

Конечно, скандальная хроника Жустиниано уж очень велика, однако кто же ускользнет от острых языков кумушек? Они не оставляют в покое даже женатых мужчин и весьма уважаемых. Да о самом докторе Убалдо – святом, как все знают, сколько они судачили; приписывали ему сестер Лорето, двух одиноких девушек, наследниц дома и маленького состояния, клиенток доктора. Говорили, что обе они его любовницы. Никто даже представить себе не может, сколько долгих вечеров провела дона Брижида в бесконечных раздумьях, наслушавшись всех этих сплетен.

Ясно одно, заключала дона Брижида, что не стоит считать капитана примером целомудрия на уроках катехизиса. Имея деньги и будучи свободным, ему нет нужды отказывать себе в удовольствиях. Большие семьи есть везде: и в городе, и в деревне, девушек много и на улицах, и в домах, как грозди винограда, они висят на всех окнах, предлагая себя по дешевке. Выбора нет, ведь даже в хороших семьях, за исключением тех, кто всё-таки выходит замуж или сбегает с бродячим торговцем, девицы хиреют, становясь старыми девами. Все же остальные, во всяком случае, большинство из них, очень рано попадают в бордели или на панель, их целая армия.

Одинокий капитан имеет право развлекаться. А чрезмерность идет за счет хорошего здоровья. Кроме того, говорят, что ведущие беспорядочную жизнь до женитьбы становятся хорошими, примерными мужьями, вроде бы израсходовав свою квоту бесстыдства, и всю остальную жизнь ведут себя прилично.

Но для кумушек распутная жизнь капитана Жусто уже сейчас перетягивает чашу весов его будущей порядочной жизни. Бесчестность в счетах, во многих случаях доказанная, грубость в обращении, долги, собранные под угрозой оружия, ссоры и драки на петушиных боях, подделка бумаг при продаже земель, преступления, спровоцированные убийства – всё это сплетницы считают цветочками. Ягодки же – его бесстыдство, такая мерзость! И она непростительна как капитану, так и девицам, девушкам и девочкам, оправданным и осужденным по одному и тому же обвинительному акту. Жертв как таковых – нет, капитан виновен, как и все они, павшие и бродяжки.

Дона Брижида пытается осмыслить и другие стороны поведения капитана, анализирует подлинный смысл рассказанных историй, от подробностей которых дрожь бежит по коже. Что касается нечестности в расчетах и криков и угроз при сборах долгов, так какой коммерсант свободен от обвинения в бесчестности? Да и кто из них не прибегает ко всем возможным методам, чтобы получить долг? Лучший пример – её собственный умерший муж доктор Убалдо: вот он не смог выплатить долг, прижав своих клиентов, и оставил семью в тяжелом материальном положении. Должников осталась уйма, и все это люди, которых Убалдо пользовал как врач, помогал им в течение нескольких лет, многие обязаны ему жизнью. Так вот, ни один из

них не пришел к ним после его смерти, чтобы вернуть долг, а ведь семья усопшего особенно в том нуждалась. Вместо них появлялись кредиторы, грубо требовавшие долги мужа.

В бессонные ночи дона Брижида беспристрастно пытается разобраться в подлинности событий и обвинений. И образ Жустиниано Дуарте да Роза приобретает человеческие черты, монстр теперь уже не так страшен. Не говоря уже о его положительных качествах: он одинок и богат.

Беспристрастность или желание быть доброй? Хотя при желании быть доброй дона Брижида не может закрыть глаза на темные, необъяснимые дела капитана: стрельба из засад, раскопанные ночью могилы. На процессе по делу убийства братьев Баррето, Изидро и Алсино, случившегося ночью, когда они спали, ответственность капитана за совершенное преступление подтверждена не была, хотя кое-кто утверждал, что один из преступников, Гаспар, действовал по приказу капитана. Накануне суда этот самый Гаспар был найден в тюремной камере повешенным. Как заявили власти: преступника замучили угрызения совести.

Когда дона Брижида обо всем этом думает, её охватывает озноб. Ей так бы хотелось оправдать капитана в своих собственных глазах, оправдать целиком и полностью. Ведь это ей необходимо, чтобы быть в ладу с совестью и суметь убедить Дорис выйти за него замуж. Глупую четырнадцатилетнюю дочь, такую далекую от всего этого, безразличную к сплетням, глаза которой всегда смотрят в пол или на небо, она, конечно же, не понимает авансов капитана.

Уставшая от бессонных ночей, дона Брижида приходит к единственно устраивающему её заключению: женитьба капитана Жустиниано Дуарте да Роза и её дочери Дорис – идеальное решение всех их проблем. И тут же ускользнувшие было призрачные тени его преступлений возвращаются, волнуют её, нагоняют страх, откладывают её решение и разговор с дочерью.

Разговор тяжелый, но он должен состояться со дня на день, хотя дона Брижида боится реакции нервной дочери, её слез, когда она заговорит об интересе просера Жустиниано Дуарте да Роза. Тот, кто готовится стать невестой Христа, готовится к бракосочетанию в монастырской тиши, может ли принять капитана с его дурной славой как жениха? Ах! Дорис никогда не захочет обсуждать этот вопрос; хрупкая и плаксивая, с обнаженными нервами, но упрямая, она способна запереться в своей комнате и не выходить из неё.

Наступающее утро не приносит доне Брижиде, измученной чувствами и обязанностями, облегчения. Она знает, что не сможет заставить Дорис выйти за Жустиниано Дуарте да Роза, если та топнет ногой и скажет «нет». Силой ничего не сделаешь. Тогда, Бог мой, что делать, что делать, чтобы сломить её?

10

Разговор произошел неожиданно, когда вечером мать и дочь возвращались после визита к доне Беатрис, супруге судьи, благоухающей духами столичной даме. Она приехала, чтобы провести вместе с мужем каникулы, и привезла с собой шестнадцатилетнего сына Даниэла, необыкновенно красивого юношу, маленького денди, образ для медальона. В зале присутствовало много приглашенных, принимавших участие в оживленной церемонной беседе. Прием был коротким.

Уже на улице дона Брижида сказала Дорис:

– Красивый молодой человек! Ну, просто картинка.

Дорис с обычным отсутствующим видом и бесцветным голосом ответила:

– Какой молодой человек? Этот дурачок, держащийся за юбку матери? Не выношу избалованных мальчишек.

Мнение и тон, которым оно было выражено, изумили дону Брижиду.

– Если бы кто-нибудь слышал, дочь моя, что ты сказала, он бы подумал, что ты разбираешься в мальчишках и молодых людях... – шутит дона Брижида. – Ты сказала «дурачок», а я тебе говорю – не глупый. Он не отводил глаз от декольте Неусы, хотя это не декольте, а разврат, все груди наружу, ты обратила внимание? Ты никогда не обращаешь на это внимания. – И вдруг неожиданно она сказала: – Уверена, что ты так же не обратила внимания, что на тебя поглядывает капитан Жусто.

– Обратила, мама, обратила.

Это было столь неожиданно для донны Брижиды, что она почувствовала боль в груди.

– Обратила, когда?

– Да давно.

Какое-то время они шли молча, дона Брижида приходила в себя от услышанного.

– Давно. И ничего мне не сказала?

– Я боялась, что ты будешь против.

– Хм.

Дорис как-то странно, нервно засмеялась, дона Брижида сдерживает биение сердца, рука лежит на тяжело дышащей груди. Бог мой!

– Хочешь сказать, что ты... Хочешь сказать, что... тебе не тошно от его... нет...

– Тошно? Почему? Мы жених и невеста, мама.

Дона Брижида чувствует, как замирает её сердце, останавливается и опять бьется, ей нужны успокоительная настойка и стул, чтобы присесть. Хорошо ли она слышала, и Дорис ли, её дочь, это сказала? Дорис – эта бедная невинная девочка, что идет рядом с ней по улице, утверждая, что она невеста капитана, тем же обычным тихим бесцветным голосом, каким читает по четкам молитвы, а может, всё это игра воображения?

– Дочь, милая, из любви к Богу, повтори всё, что ты сказала, чтобы я не умерла от волнения.

Дорис опять улыбается, очень довольная, по всей вероятности.

– Он мне написал записочку и прислал...

– Прислал? Куда? Кто принес?

– Прислал в коллеж, я получила по дороге. Принес Шико, его служащий. Я ему ответила, он написал снова, я ему снова ответила. Шико приносит мне записки, когда я иду в коллеж, а берет ответы, когда возвращаюсь. Позавчера он в записке спрашивал, согласна ли я стать его невестой, если я отвечу, что да, он пойдет разговаривать с тобой.

– И ты? Уже ответила?

– В тот же день, мама. Я сказала, что я считаю себя его невестой.

Дона Брижида останавливается посередине улицы, смотрит на худышку дочь, одетую, как девочка, в туфлях без каблуков, лицо не накрашенное, бюста нет, глупая и наивная школьница, ах, она горит, как в огне!

11

Достойнейший доктор Эустакио Фиальо Гомес Нето, судья по правовым вопросам, в свободное от работы время – поэт Фиальо Нето, уже имеющий публикации в газетах и журналах Баии, будучи студентом, он выиграл конкурс журнала «Фон-фон» в Рио-де-Жанейро за стихи «Фруктовый сад мечты», – фигура, как видите, заметная, особенно среди интеллектуалов города, защитивший серьезную научную работу с привлечением аргументов, сказал, что, по его мнению, Жустиниано Дуарте да Роза возбудил подлинную и глубокую любовь у Дорис Курвело, и не только подлинную и глубокую, но и долгую. Любовь в широком смысле слова, любовь со всеми радостями Рая и наказаниями Ада.

– У сеньора судьи сверхоригинальное понимание любви, в этом нет сомнения... – Маркос Лемос, бухгалтер завода и почитатель муз, считает, что судья развлекается, насмешничая над друзьями.

– Доктор Эустакио любит парадоксы... – комментировал народный обвинитель, доктор Эпаминондас Триго, полный, не следящий за своим внешним видом, тридцатилетний человек, обросший бородой, имеющий пятерых детей и шестого в животе жены. Он принадлежал к цветку местного общества не столько потому, что был бакалавром права, сколько потому, что был выдающимся мастером шарад. Полный нуль в прокуратуре, и такая компетентность в расшифровке загадочных явлений! Отрицать мнение судьи, своего высшего начальника, он не решался.

– Ты – умник... – смеялся четвертый член группы, Аиртон Аморин, сборщик податей, близорукий, волосы, как щетка, поклонник и читатель Эсы де Кейроша²⁵ и Ромальо Ортигана, близкий друг судьи. – Любовь – это достойное чувство... очень достойное.

– Ну и?

– А капитан Жусто и достойное чувство – несовместимы...

– Кроме того, что вы не справедливы к нашему дорогому капитану, вы еще и презренный психолог. Любовь, любовь настоящая, я вам докажу на фактах...

Однако не только интеллектуальная элита, но и весь город пытался объяснить предстоящую женитьбу капитана и прочие его столь необычные поступки. Несколькими днями раньше капитан выкупил заложенный доктором Убалдо Курвело дом, пошедший бы с торгов, если бы не он, капитан, который отвел тем самым от вдовы и дочери еще большую угрозу: потерю недвижимости, стоившей доктору многих жертв.

– Такое благородство, такая щедрость – разве это не доказательство любви? – Достойнейший аргументировал конкретными фактами.

А приданое Дорис? Кто оплачивал шелка, льняное полотно, батист, кружева и оборки? Кто платил портнихам? Уж не дона же Брижида при её пенсии за мужа? Всё шло из кармана капитана. Этого самого капитана, всегда прижимистого, скупого – и вдруг бросающего деньги широкой ладонью, оплачивающего всё и не требующего объяснения трат.

Дона Брижида получила кредит в магазинах капитана, победно глядя на склоняющихся перед ней в поклоне торговцев, всё тех же, которые еще совсем недавно требовали с неё причитающиеся им деньги.

Если это не любовь, то что? Как объяснить все эти траты, щедрость, любезность – да, любезность капитана, если не любовью? С какой стати, спрашивал судья, тыкая в воздух пальцем, он должен жениться, если не влюблен? Что ему даст Дорис, кроме своего костлявого тела? Какое богатство? Да у неё нет ни кола, ни двора. Честное имя её отца, без сомнения, но какой

²⁵ Жозе Мария Эса де Кейрош – португальский писатель-классик XIX века.

прок от него Жустиниано Дуарте да Роза, от имени, чести, памяти доктора Убалдо Курвело? Только любовь, горячая и слепая...

– Главное – слепая... – прервал Аиртон Аморин, довольный сказанным.

Только горячая и слепая любовь могла объяснить жениховство и женитьбу, все эти траты и любезности, по мнению доктора Эустакио, мнению юриста и поэта, достойного внимания, хотя и не всеми разделяемого в городе. Это было время жарких споров, самых разных мнений и даже грубых шпилек, запускаемых под шумок. Неутомимая Понсиана де Азеведо одержала успех, дав столь характерное для неё определение: «Это свадьба стиральной доски с боровом из мясной лавки». Жестокое сравнение, но хорошее, кто может отрицать?

Из-за любви или по какой другой причине, как того желали кумушки, но капитан Жусто потерял голову и не был похож сам на себя: когда один из петухов Жустиниано был побежден в петушином бою, капитан молча принял эту весть, не спорил, не нападал на брадобрея Ренато, хозяина петуха-победителя.

И всё же донна Брижида не могла отрешиться от преследующих её ночных раздумий. Теперь у неё вошло в обычай взвешивать все факты и поступки, широту этого человека и ограниченность. Капитан выкупил заложенный дом, это так, но не отдал квитанцию ей, а стал заимодавцем. Когда донна Брижида коснулась этого вопроса, Жустиниано внимательно посмотрел на неё свинными глазками и почти оскорбленно ответил: разве они, он и Дорис, не женятся, разве не всё остается в доме, какая необходимость тратить деньги на нотариуса, квитанцию и прочие подобные глупости?

Да и в магазинах торговцы, извиняясь, говорили ей: «Простите, донна Брижида, но, чтобы купить такую дорогую вещь, вам следует спросить на то разрешение капитана...»

Видя мелочность одновременно с широтой, донна Брижида понимала, что у неё под ногами нетвердая земля и щедрость и любезность не спасут её от насилия и возможности оказаться на отвесной скале, хоть и не окутанной туманом и не окруженной водой, но с которой легко упасть в бездну. Все необходимое приданое было самого лучшего качества – большое, богатое приданое из снов доны Брижиды. Вот так сомнения и тайны нарушали сон и покой матери Дорис, но не настолько, чтобы усомниться в чувствах Жустиниано Дуарте да Роза, так бурно и открыто выражаемых.

Сватовство шло три месяца – необходимое время для того, чтобы приготовить всё к свадьбе. Донна Брижида, не упустив случая, предложила шесть месяцев, разумный срок. Шесть месяцев? Для того чтобы сшить платья и нарезать простыни? Абсурд, капитан даже не хотел этого обсуждать. Что касается его, он бы женился на следующий день после сделанного им предложения.

Для торжественности Жустиниано Дуарте да Роза настоял, чтобы в дом на Соборной площади его сопровождали доктор Эустакио и префект города. Донна Брижида пригласила падре Сирило и нескольких близких подруг, приготовила пирожные, пирожки с мясом, сладости. На площади собрались зеваки, все кумушки и прочий люд. Когда появился претендент на руку Дорис, одетый в белый костюм и панаму, в сопровождении судьи и префекта, собравшиеся у дверей стали перешептываться.

Капитан остановился, посмотрел окрест себя. Совсем другой, мирный человек, он не поднял руки, не возвысил голоса, а просто посмотрел на собравшихся, и всё. «Похоже, они никогда не видели женихов», – проворчал он, обращаясь к префекту. Ох и надавал бы он им пощечин, если бы не семья будущей жены!

За время короткого жениховства при различных обстоятельствах он то и дело был готов «проучить кого-нибудь из любопытных», но, к сожалению, воздерживался. Когда он выходил на прогулку в компании Дорис и её матери, шел в кино или в церковь и видел, как кто-то смотрит на него с огромным любопытством, его единственным желанием было взорваться. Но не сдержался он только однажды, когда какая-то супружеская чета, не удовлетворившись бро-

шенным в его сторону взглядом, стала тихо обмениваться друг с другом мнениями. «Никогда не видели меня, сукины дети?» – закричал капитан и бросился к ним. Сшиб их с ног и устроил скандал. Дона Брижида умоляла: «Успокойтесь, капитан». Невозмутимая Дорис молчала.

После этого всё любопытство, все обсуждения, испуганные взгляды, бесконечные, кстати и некстати, визиты кумушек, шпильки, вздохи кончились раз и навсегда. В одну из обычных своих вылазок с целью подбросить в щель под дверь судьи анонимное письмо, рассказывающее о поведении его достойнейшей супруги в столице и о любовных делах капитана, неутомимая Понсиана де Азеведо была настигнута Шико Полподметки, исполнителем приказов капитана и сборщиком не уплаченных вовремя долгов, который засветил ей такую затрещину и тихонько подколол её рыбной костью. С трудом добравшись до дома, дона Понсиана впала в истерику, рыдала навзрыд. Целую неделю, находясь в тяжелом нервном состоянии, она не выходила из дома. История с Понсианой обросла сплетнями, стали поговаривать о нападениях с ножом, однако с тех самых пор на город снизошел мир.

Так прошло три месяца сватовства. Напрасно дона Брижида пыталась восстановить доверие и дружбу с будущим зятем, ответного желания не было. Не любитель пространных разговоров, Жустиниано Дуарте да Роза во время своего визита свел разговор к главному: к подготовке свадьбы, необходимому благоразумию. Все остальное время жених и невеста сидели на диване и молчали. Дона Брижида пыталась начать разговор, но только напрасно теряла время. Поворчав, капитан, как правило, умолкал, а Дорис даже не ворчала.

Они молчали в ожидании, что дона Брижида уйдет на кухню или в столовую, чтобы приготовить кофе, принести сладкое или фрукты. И, как только видели, что она уходит, целовались враскоряку и работали руками. Три долгих месяца дона Брижида не знала, куда деваться и что делать. Дорис всё время возмущалась, что мать следит за ними, не оставляет их одних, не дает им свободы, разве они не жених и невеста, в конце-то концов?

Женщина беременеет, рождает, вскармливает, растит, воспитывает с большой заботой, в религии и нравственности и надеется, что знает своего ребенка, но не знает ничего, ничего абсолютно, как понимает теперь дона Брижида, в тоске она стоит у окна, не поворачиваясь к сидящим на софе жениху и невесте.

Занимаясь приданым дочери, кружевами, оборками, ночными сорочками и нижними юбками, покупками, уборкой, готовя сладости и ликеры к празднованию столь нетерпеливо ожидаемой женихом свадьбы и боясь взрывов будущего зятя, имеющего дурную привычку быть грубым, дона Брижида очень его боялась и всё это нелегкое для неё время не принадлежало себе ни минутки. Однако, узнав о том почти смертельном страхе, который пришлось пережить доне Понсиане де Азеведо после укола рыбной костью, не сумела погасить чувства гордости и отместки. Ядовитая змея получила по заслугам, и это хороший урок для других. Пусть знают все – и подруги, и завистливые кумушки, – что смеяться над Дорис и над доной Брижидой, если они, конечно, отважатся, опасно для жизни. Кто хочет, пусть попытается, их ждет, и немедленно, ответный удар. Услышав несколько версий случившегося с доной Понсианой де Азеведо, дона Брижида провела весь день в эйфории, но ночью опять её мучали кошмары и страх.

Это сватовство было чистым и хрупким, как тонкий хрусталь, не имеющий цены. Озабоченная скрытым и диковым характером будущего зятя и особенно судьбой Дорис, дона Брижида решила ждать. Злость, нетерпение, томление, потеря интереса ко всему абсолютно... Где же робкая девочка монашеского коллежа? Всегда она плохо ела, без аппетита, но теперь даже не притрагивалась к еде, под глазами пошли темные круги, она сторбилась, еще больше похудела, чем раньше, кости да кожа. И вот за два месяца до свадьбы ее стало лихорадить, появился упорный кашель. Дона Брижида вызвала врача Давида. После внимательного прослушивания со спины и простукивания, после произнесенного «тридцать три» доктор Давид посоветовал отправиться в столицу штата и сделать все необходимые анализы и рентген грудной клетки. Врач считал, что необходимо отложить свадьбу, пока Дорис не восстановит здоровье.

– Она очень слаба, очень, и анализы обязательны, – заключил он.

Дона Брижида почувствовала, что земля под её ногами закачалась.

– Это болезнь груди, доктор?

– Думаю, нет. Но будет, если ничего не делать. Питание усиленное, отдых, анализы, и отложить свадьбу на несколько месяцев.

Дона Брижида, Мать-Царица, женщина сильная, превозмогла себя. Домашние средства снизили температуру, настойчивый кашель сменило покашливание, необходимость отложить свадьбу даже не стала предметом обсуждения, а поездка в столицу для анализов заменена была поездкой в столицу для совершения свадебного обряда. Больше дона Брижида ни о чем не сказала. Хрупкий хрусталь, тонкую материю, чистое сватовство охраняла дона Брижида, проглотив все обиды и оскорбления от страха, такого страха.

12

Величественная в своей надменности, в шуршании длинного шелкового платья, шляпы, украшенной искусственными цветами, и веера, которым она обмахивалась, величественная в исполнении долга, дона Брижида сияла в день бракосочетания, понимая, что пришла наконец в порт, где её жизненный корабль найдет надежную стоянку и укрытие. Страх дойти до нищеты теперь отступил, она не будет участницей маскарада нищих. Она исполнила долг матери и получала поздравления, сопровождаемые снисходительной улыбкой. Дорис в платье невесты, подрумяненная и подкрашенная, как фотомодель из журнала «Рио»; капитан в кашемировом голубом костюме с плиссированной манишкой, все остальные – в праздничных нарядах, так была отпразднована самая обсуждаемая свадьба в Кажазейрасе-до-Норте. В соборе – религиозная церемония, с обязательными материнскими слезами и проповедью падре Сирило; гражданская – в доме невесты с изящной вдохновенной речью судьи, доктора Эустакио Фиальо Гомеса Нето, поэта Фиальо Нето, выдержанной в высокопарном стиле, речью о любви: «Возвышенное чувство, смиряющее бури, оно приводит в движение горы и освещает мрак».

На Соборную площадь пожаловал весь город и даже Понсиана де Азеведо, готовая к новым атакам, но теперь уже уважительным по отношению к капитану и его семье: «Какая красавица невеста, никогда такой, как Дорис, не видела, поверьте, дона Брижида, дорогая моя». Находясь в эйфории, но продолжая держаться с достоинством, дона Брижида принимает все похвалы кумушек.

Внимательная к гостям, Мать-Царица руководит праздником и потчует приглашенных, отдавая приказы прислуге. Она видит, как Дорис выходит из залы, чтобы переодеться в своем алькове во все дорожное. Следом за ней идёт капитан, Боже, возможно ли? Почему такая спешка, что они не могут подождать еще день, несколько часов, поездку в поезде, номер в отеле? Почему здесь, почти на виду у всех приглашенных?

Да, мама, на виду у всех, у всех приглашенных. Если бы было возможно, на виду у всего города. На виду у девочек и девушек, всех, без исключения, тех, кто ходил за холм и целовался там, тех, кто делал это в саду дома Гедесов с богатыми, тех, кто за прилавком отдавался бродячим торговцам. Да, на виду у этих и тех, кто рассказывал ей о поцелуях и объятиях, вздохах и столах, открытых грудях и ляжках, вызывая у неё зависть, у неё, монашки, сестры-монахини и матери-монахини. Пусть придут и посмотрят и приведут с собой всех женщин города, и замужних тоже, всех: и серьезных, и легкомысленных, и недотрог, что скрываются в тени садов, и кумушек, что торчат весь день в окнах и в церквях, и монашек монастыря, и женщин легкого поведения, что живут в пансионе Габи, пусть приведут всех, ни одной не оставят дома, и пусть они видят всё своими глазами.

Руки скрещены на впалой туберкулезной груди, глаза широко открыты, почти навывкате, тело сотрясает дрожь, желание кричать, громко, громко кричать! Жусто, разреши кричать, почему ты запрещаешь, почему, моя любовь? Кричать громко, чтобы сбежались все и видели её, бедняжку Дорис, голой, а рядом с ней на постели готового взять её, задышающегося от желания мужчину. И не мальчишку из коллежа, и не верзилу парня, поспешно сжимающего чью-то грудь и спешащего, так как идут люди. А мужчину, и какого мужчину! Жустиниано Дуарте да Роза, капитан Жусто, самец известный и признанный и весь целиком принадлежащий Дорис, её муж. Слышали? Её муж, её супруг, с согласия церкви и разрешения судьи. Супруг, любовник, самец, её мужчина, целиком её, в постели, алькове, тут, рядом с залой, идите сюда и смотрите!

13

Сражаться со смертными, простите, ваша милость, и разрешите мне сказать, это не так уж и трудно, я присутствовал при многих сражениях и даже получал удовольствие. Видел, как негр Паскоал Спокойный противостоял взводу солдат: мастер капоейры просто дурачился, вроде бы это была забава.

С оружием любая драма куда легче. С револьвером в руке христианин смел и отважен, и нет нации трусов. Приставляешь ружье к груди себе подобного и тут же получаешь повышение, становишься шефом наемных бандитов или лейтенантом полиции. Не так ли, мой белолицый брат?

Вот что бы хотелось увидеть, это способность человека противостоять призракам. Ведь призрак, да, сеньор, душа другого мира, бродящая в ночной темноте, изрыгающая огонь из ноздрей, глазниц, с окрашенными кровью когтями, – явление страшное. Знаете ли вы, ваша милость, размер зубов оборотня? И когтей? Это острые-преострые ножи, они поражают на расстоянии.

Однажды, сокращая дорогу, я ехал лесом, стемнело, и вдруг слышу цокот копыт Безголового Мула²⁶. Врать попусту не буду, увидев животное без головы, с вырывающимися из шеи языками пламени, я потерял мужество, способность действовать и закричал. Помог мне мой крестный отец, падре Сисеро, спас меня, аминь! Ему обязан я жизнью и тому непобедимому, которого я взвалил на шею. Лукавый был тридцати метров в длину, где прошел, ничего не осталось, все было выжжено – и кустарник, и трава, и деревья, и гремучие змеи, и маниок, и тростник, всё погибло. Заметьте, ваша милость: стоит заговорить об оборотне, многие мужчины тушуются.

Так вот, упомянутая Тереза Батиста, и только она, способна противостоять призракам, и сказанным я подтверждаю её славу храброй женщины. Она противостояла и победила – и если ваша милость сомневается в моих словах, пусть спросит других свидетелей. Она не бежала, не просила прощения, а если и просила о помощи, то в тот роковой час никто не поспешил к ней, она была одна-одинёшенька, такой одинокой, даже Богом забытой девушки никогда не было. Так Тереза стала неуязвимой. Неуязвимая Тереза, неуязвимая для пули, ножа и змеиного яда.

Ни убавить, ни прибавить мне нечего, слышал об этом правдивом случае я не раз и в разных вариантах: каждый рассказывает о том по-своему, переставляя эпизоды, но факты все те же, хоть и приукрашены. Трубадур из Алагоаса, без сомнения, в ужасе от такого великого подвига и, желая обосновать его, говорит, что Тереза, еще будучи совсем юной, продала душу дьяволу, и многие верят. Другой бразильский трубадур, Луис да Комара Каскудо, очень известный и уважаемый, видя такую бесчеловечность и одиночество, воткнул в руку Терезы цветок, цветок, который рифмуется с болью, а боль – с любовью.

Каждый рассказывает то, что знает именно он, но в главном все сходятся: с некоторых пор здесь, в этом краю, никогда не появляется неприкаянная душа.

Всё может быть, ни за что не поручусь, ничего не оспариваю, ничего не пугаюсь, ни в чём не сомневаюсь, ни к чьему мнению не присоединяюсь, смотрю на всё со стороны. Но обратите внимание, ваша милость, каков сомневающийся во всём мир – та Тереза, которую знал я и могу в том свидетельствовать, по прозвищу Тереза Новая Луна, была цвета меди и медового характера, пела модиньи, была более миролюбивой и мягкой, нежной и кокетливой.

²⁶ Безголовый Мул – мифическое чудовище.

14

Возвращаясь с реки, донна Брижида разговаривала сама с собой, окруженная тенями. На середине склона уха её достигли крики, которые прервали её однообразный внутренний диалог. Сделав еще несколько шагов, она увидела девушку, связанную по рукам и ногам, которая билась в когтях капитана и Терто Щенка.

Она прячется за мангайрой, прижимает к груди ребенка, поднимает глаза к небу и молится, надеясь на Бога, который обратит внимание на подобную жестокость капитана и накажет его. Когда же придет конец её страданиям?!

Крики раздирают её грудь, останавливают биение её сердца; глаза округляются, рот сжимается, донна Брижида, похоже, сходит с ума, как и обступающий её со всех сторон мир. Жертву держит за руки уже не Жустиниано Дуарте да Роза, её зять, капитан Жусто, а Боров, огромный, чудовищный дьявол. Он питается девочками, высасывает из них кровь, жрет их нежное мясо, пережевывает их кости. Ему помогает Оборотень, верный вассал, он ведет охоту для хозяина, главный пес своры проклятых собак. Лживый и подлый, он при малейшей невнимательности Борова пожирает девочек сам, трусливый, довольствуется падалью. В эти часы донна Брижида способна предсказывать, она все видит внутренним взором, эта её способность ей знакома давно.

Кроме Борова и Оборотня существуют и другие, не менее устрашающие персонажи, но помутившийся разум донны Брижиды не удерживает их в памяти, хотя одного из них она всё-таки вспоминает: это Безголовый Мул, она тут же узнает его.

Безголовый Мул может превратиться в знатную даму, добрую крестную или куртизанку, теперь уже донна Брижида никогда не обманется. Когда Габи в первый раз появилась у зарешеченной двери, это было десять дней спустя после смерти Дорис, донна Брижида открыла ей дверь и принимала в гостиной. Капитан тогда уехал на петушинные бои. Она держала за руку девушку, представилась как крестная и покровительница; сеньор капитан, видите ли, поручил ей найти няню для сиротки дочери. Манеры у донны Габи изысканные, разговор приятный, старушка хорошего воспитания, лучшего и желать не надо для тех, кто так страдает, как безутешная мать Дорис.

Погрузившись в доверительную, почти интимную беседу, они даже не заметили, как вернулся капитан. Он стоял в дверях и, тыкая в них толстым пальцем, содрогался от смеха, который становился всё громче и громче, переходя в непрекращающийся хохот, живот его подпрыгивал. Обычно не смеющийся, капитан бывал страшен, а когда начинал так смеяться, видеть это было неприятно. Несколько раз он начинал говорить, но смех не давал сойти слову с его языка.

– Подруги, подружки, кто бы мог сказать такое?

Донна Габи с раздражением поднялась, извинилась и сказала:

– Не застав вас, я выразила донне Брижиде свое сочувствие. – И прощаясь: – Прощайте, синья донна.

Торопливо она покидала гостиную, толкая перед собой девушку, но капитан остановил её:

– Куда это вы? Мы можем поговорить здесь.

– Здесь? Не лучше ли...

– Здесь! Выкладывайте.

– Так вот, я нашла эту милочку, она может помогать ухаживать за сироткой... – Посмотрев на дону Брижиду – вдова вытирала слезы, вызванные выраженным ей сочувствием, – Габи понизила голос: – Главное – это тонкая...

Капитан с трудом, но сдержал смех, Габи же не знала, смеяться ли ей от страха или плакать из сострадания.

– Сегодня я верю вам на слово, и если всё так, то завтра я буду у вас и заплачу обещанное.

– Пожалуйста, капитан, сегодня хоть часть... Мне необходимо, я должна привратнице, старый долг.

– О том, чтобы я давал деньги вперед, и думать не смейте ни сегодня, ни завтра, никогда. Вы что, уже забыли или хотите, чтобы я вам напомнил? Заплачу завтра, если будет, за что платить. Если хотите, приходите завтра сами... И составите компанию моей теще, компанию моей теще. Ах, эта добрая...

И снова он разразился смехом, Габи умоляла:

– Заплатите хоть немного, капитан, пожалуйста.

– Приходите завтра утром. Если всё будет так, как говорите, получите сполна. Но если нет, я вам не советую даже появляться...

– Я не могу отвечать за... Мне её вручили как девушку, а я тут же привела её к вам. Всё, что я нахожу лучшее и свежее, сейчас же предлагаю вам, сеньор.

– Не отвечаете, значит? Хотите в очередной раз меня надуть, да? Должно быть, потому, что не получили, как это следовало, по заслугам, потому что я не покончил с вашим заведением? Вы думаете, что я идиот? Не ждите и не надейтесь, идите вон!

– Ну хотя бы то, что заплатила я...

Капитан отвернулся от Габи и тут же при теще спросил девицу:

– Ты девушка? Не ври, будет хуже.

– Нет, сеньор...

Жустиниано повернулся к Габи, схватил её за руку и затряс.

– Вон отсюда, пока я не разбил тебе морду...

– Успокойтесь, капитан, что такое? – вступила в разговор донна Брижида, всё еще не понимая причины смеха и ярости зятя. – Успокойтесь!

– Не суйте нос, куда не надо. Знайте свое место и будьте довольны.

И снова капитан захохотал, услышав слова тещи в защиту Габи:

– Оставьте эту добрую душу в покое...

Он был готов умереть со смеху.

– А знаете ли вы, кто эта добрая душа? Не знаете? Ну так сейчас узнаете. Вы никогда не слышали о Габи – Ослице Падре, которая была любовницей падре Фабрисиио и после его смерти стала содержать дом терпимости? И на церковные деньги... – Он хохотал, хохотал до упаду. – Эта добрая...

– Ах, Бог мой!

Слыша всё это, Габи, поджав хвост, подалась на улицу. Девушка решила за ней последовать, но капитан остановил её:

– Ты останься. – Он смерил её оценивающим взглядом, а может быть... – Как давно ты лишилась девственности?

– Месяц назад, сеньор.

– Только месяц? Не ври!

– Только месяц, сеньор.

– Кто это сделал?

– Доктор Эмилиано, с завода.

Он должен был разбить морду этой грязной своднице, которая подсунула ему объедки Гедесов. Мощные конкуренты, богачи, особенно Эмилиано Гедес. С земли, где стоит завод, приходят уже использованные, ни одна из тех, кто родился на этих землях, не дала капитану возможности пополнить ожерелье еще одним золотым кольцом.

– Где твои вещи?

– У меня нет ничего, сеньор.

– Иди вон туда...

Дона Брижида внимательно посмотрела на зятя, хотела сказать, осудить его, но капитан опять захохотал – «Добрая душа, ах, добрая душа» – и опять стал тыкать пальцем в её сторону. Дона Брижида в нервном порыве вышла из дома и ушла в заросли кустарника.

Никакого уважения, даже самого маленького, как будто её просто не существует, и всё. Вечером, после мрачного ужина при свете керосиновых ламп, капитан пошел за девчонкой, которая уже спала. «Пошли!» В конце коридора вспыхнул огонь в трубке капитана, и дона Брижида увидела Борова, огромного, страшного, грязного, и впервые узнала его.

Она заперлась вместе с внучкой в своей комнате, разум доны Брижиды помутился еще до смерти Дорис. Ругань капитана долетала до ушей доны Брижиды через стены. Сукин сын Гедес испортил девчонку и спереди, и сзади.

В течение года с половиной после смерти Дорис Безголовая Ослица, ведя за руку какую-нибудь девчонку, являлась доне Брижиде часто, но она тут же узнавала её. Достаточно было её увидеть, и мир доны Брижиды становился адом, наполненным дьяволами. Так она расплачивалась за свои грехи.

Безголовая Ослица – любовница падре, святотатство. Но она не может обмануть капитана, чьи злобные крики срывают листву с деревьев, убивают молодняк на террейро, птиц в лесу.

– Не приносите мне объедков, я же сказал вам, что не ем после других... Я разобью вам рожу, собака...

Крики и стоны, звуки побоев, звуки льющейся воды; одна негритянка выла всю ночь напролет, на шее у Борова ожерелье из золотых колец, каждое кольцо говорит о девушке, лишенной капитаном девственности, самое большое кольцо – это Дорис. Голова доны Брижиды делается с каждым днем всё тяжелее и тяжелее, иногда она в этом мире, иногда в аду, где хуже, ей понять не под силу.

Где же та величественная сеньора дона Брижида, первая дама округа, вдова достойного доктора Убалдо Курвело, Мать-Царица, которая организовывала свадьбу? Путаются в её голове события, разум слабеет. Стала небрежна в одежде, пятна на юбке и на блузке, стоптанные туфли, не причесана. Забывает всё – факты, числа, детали, память плохая, непостоянная. Дни за днями проводит в раздумье и разговорах сама с собой, в заботах о внучке, и вдруг что-то её уводит, и она погружается в галлюцинации. Чудовища её преследуют, перед ней адское племя, его возглавляет Боров, который сожрал её дочь и собирается сожрать внучку.

Однако память её четко хранит совершенное ею преступление. Да, потому что она, дона Брижида Курвело, так же, как Габи, кормила Борова и Терто Щенка Оборотня, поддержала охоту Жустиниано Дуарте да Роза, капитана Свиной и Дьяволов. Вручила ему свою собственную дочь, чтобы он выпил из неё кровь, переломал ей кости и съел её жалкое худенькое тельце.

Не пытайтесь, пожалуйста, свалить на её невинность, счесть её жертвой, обманутой обстоятельствами, принявшей капитана за человека, спутавшей грязный сговор с достойным свадебным контрактом. Она расплачивается за свои грехи и совершенное преступление по счетам. С самого начала она всё знала, знала по первому взгляду капитана на проститутку и никогда не разрешала себя обмануть – проводила ночи без сна, размышляя над поступками капитана, и даже приобрела дар предугадывать его мысли и предвидеть будущее.

Знала, но не желала знать, молчала, проглатывала все обиды, закрыла глаза на обнаруженную чахотку у дочери и тем закрыла солнце жизни, оправдала капитана, погрязшего в преступлениях, и повела дочь к алтарю, а позже – к девичьей постели, тут же, пока еще не разошлись приглашенные на свадебный пир. Боров ел её по кусочкам за завтраком, за обедом, за ужином. Сделал Дорис беременной, а она всё худела и становилась меньше, когда же она умерла, хоронить было нечего.

За такое преступление Всемогуший Господь и наказал дону Брижиду, превратив её жизнь в ад в проклятом доме её зятя, что стоит на землях, приобретенных им нечестным путем, где трудятся голодные наемные рабочие, устраиваются петушинные бои и теряет невинность бесконечная вереница девочек. Девочек и девушек, иногда зрелых женщин, но редко. Сколько их перебывало здесь после смерти Дорис? Дона Брижида потеряла им счет, не говоря уже о тех, что бывали в городском доме, магазине и на ферме.

Многое она забывает, а что и помнит, то помнит половину. Забывает она страстное желание Дорис выйти замуж за капитана и её безрассудство: войти с женихом в альков, когда еще не разошлись приглашенные на свадьбу, ведь дона Брижида не противилась свадьбе, но Дорис, циничная, до сумасшествия гордая и невоздержанная, сделала это демонстративно. Вычеркнут из памяти и образ Дорис, сидевшей в комнате новобрачных за туалетным столиком и зло, с издевкой с ней разговаривавшей. Зато восстановлен образ наивной, бесхитростной девочки-школьницы с опущенными dolu глазами, Христовой невесты с четками в руках, с мистическим рвением читающей молитву. Жертва материнской амбиции и завораживающей роскоши капитана.

Исчез из памяти доны Брижиды и образ влюбленной и покорной супруги капитана, сидящей, подобно рабе, у ног хозяина. Десять месяцев длились замужество Дорис и её жизнь, они пролетели, как десять отданных страсти дней для Дорис и как десять веков унижений и позора для доны Брижиды.

Как не было раньше, так и не будет никогда потом такой преданной и страстной супруги, как Дорис, она все десять месяцев провела в постели, убажывая капитана. И тут же, после медового месяца, забеременела, но страсть не отступила, а продолжала жить в ней до самых родов. Внимательная к малейшей прихоти хозяина и мужа, она всегда молила его о взгляде, ласке и постели. А с какой гордостью она шла под руку с Жустиниано в кино в те редкие дни, которые для неё выпадали. Однако вычеркнуть из памяти недостойные сцены дона Брижиды, как ни старалась, не могла: Дорис сидит, согнувшись над тазом, и моет ноги капитана, ноги свиньи, и целует их. Целует палец за пальцем. Раз или два капитан, играючи, отталкивает её ногой, упревшись в лицо, и хрупкие косточки, обтянутые кожей, падают на пол. Сдерживая слезы, Дорис улыбается, это же веселая шутка, мама. Таковы ласки капитана.

Сколько унижений, Боже! Но Дорис находила удовольствие в подобной жизни: желание лечь в постель с мужем, принять его в свое лоно брало верх надо всем.

Вначале, полная планов и требований, дона Брижида попыталась разговаривать с зятем, ища взаимопонимания. Как-то во время ужина сделала скромное предложение переселиться в город, в дом на Соборной площади, собственный дом, он же не сдастся внаем; это достойная жизнь для такой уважаемой семьи, и не дорого стоит, к тому же большую часть продуктов они будут брать в своем магазине, обслуга и портниха, как правило, работают за стол в доме, почти бесплатно; они будут принимать друзей, достойных людей общества, дона Брижида все это умеет делать с учетом всего необходимого и в то же время дешево. Капитан положил вилку и нож на тарелку, облизал пальцы, испачканные в фейжоаде, и спросил:

– Только это? Ничего другого?

И ни слова больше, чтобы объяснить свою мысль, разговор был закончен. Спустя несколько дней вдова узнала, что дом сдан внаем одному протеже Гедесов, хозяину перегонводочного завода. Всё еще витая в облаках, дона Брижида вступила с капитаном в спор и перешла от предложений к требованиям. Распоряжаться домом, даже не спросив её мнения, – какая дерзость! Где же они будут теперь жить, когда им придется остановиться в городе, или зять думает, что дона Брижида мечтает сгнить в этом лесу? Радоваться комнатам, что имеются за торговой частью дома, и жить вместе с останавливающимися в них бродячими торговцами? Собственно, за кого её капитан принимает? Она не кто-нибудь.

Высказавшись открыто, дона Брижида тут же умолкла, и навсегда. Дона Брижида говорила с подъемом и возмущением, когда капитан взорвался:

– Дерьмо!

Дона Брижида так и не закрыла рта, и не опустила поднятой вверх руки. Капитан расстреливал её своими маленькими глазками. Какой дом, даже полдома, кто выкупил закладную? Сколько надменности, фидалга²⁷ навозная, мешок навоза – вот кто она такая, у неё ни кола, ни двора, и если здесь её кормят и дают угол, то только потому, что она мать Дорис. Если ей угодно оставить его дом, голодать в городе, жить на государственную пенсию, дверь открыта, пусть уходит, и чем быстрее, тем лучше, её никто не удерживает. Но, если хочет продолжать жить здесь, жить за его счет, пусть проглотит язык и заткнется раз и навсегда.

Где же в этот позорный час была Дорис, чтобы поддержать мать, придать ей сил в борьбе за свои права? На стороне своего мужа, всегда на стороне мужа против матери:

– Мама, вы становитесь невыносимы. Жусто еще очень терпелив. У него столько проблем, которые надо решать, а вы испытываете его терпение. Из любви к Богу оставьте это, дайте нам жить спокойно.

Однажды, слушая жалобы матери, вернувшейся из города, Дорис поднялась с места и, выйдя из себя, сказала:

– Прекратите говорить всё это, немедленно, если хотите жить здесь. Вы живете здесь из милости и еще жалуетесь.

Рухнул трон царицы – фидалга навозная, с помутившимся разумом. Угрюмая, ушедшая в себя, сохраняя остатки достоинства, она перестала разговаривать с зятем и Дорис. Стала разговаривать сама с собой, гуляя по лесу.

Что касается Дорис, то у неё не осталось даже следов достоинства, стыда, самолюбия, тряпка в руках мужа, который вскоре же после женитьбы вернулся к своим прежним привычкам и поведению человека свободного.

Частенько капитан возвращался домой под утро, от него несло дешевыми духами с резким запахом – явное доказательство его неверности жене, и Дорис хорошо это понимала, а вот Жустиниано Дуарте да Роза даже в голову не приходило попытаться скрыть от супруги свои похождения. Больше того, вернувшись от другой, с которой он только что был в комнате за торговой частью дома или в пансионе Габи, капитан тут же на десерт брал Дорис, и эта худышка не пасовала, нет, а, наоборот, брала верх над всеми, ах, нет и не было проститутки, которую капитан мог бы сравнить с Дорис.

А случалось, он приходил такой усталый, что даже не мог вымыть ноги, отодвигая таз с водой, и отстранял Дорис: «Иди в ад! Оставь меня в покое». И засыпал. Дорис проводила ночь без сна, тихонько плача, чтобы не разбудить его. Кто знает, может, утречком, когда проснется? Вся ожидание, раба у ног господина.

Она ни разу не отважилась ему возразить, ни разу ни на что не пожаловалась. Даже когда грубый и глупый капитан грубо с ней обращался, несправедливо оскорблял и обвинял. Ругала же себя за всё дона Брижида, вся эта горечь лишала её рассудка. Однажды, когда Дорис не поспешила принести капитану требуемый им пиджак, Жустиниано залепил ей оплеуху прямо на глазах у матери.

– Ты что, дрянь, не слышишь?

Дорис плакала по углам, но даже слышать не хотела, чтобы оставить мужа и уйти из дома, как предлагала ей дона Брижида в порыве гнева. «Ерунда, ничего не значащая пощечина, я сама виновата, быстрее надо было двигаться». Вот на что наталкивались попытки доны Брижиды образумить Дорис.

²⁷ Дворянка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.